

А.В.Коробейников

ВОТКИНСКОЕ СУДОСТРОЕНИЕ
И
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Ижевск
2012

УДК 94(470.51)
ББК 63.3(2Рос.Удм)
К 68

Издание осуществлено на личные средства автора.
Книгу с цветными иллюстрациями можно найти
в свободном доступе в сети Интернет.
Бумажную версию распространяет магазин «Книги Удмуртии».
www.1udm.ru

Рецензент: С.Л.Бехтерев проф. Кафедры философии и социологии права
Удмуртского Государственного университета, д.и.н.

На обложке: фрагмент чертежа из архива технической документации Воткинского завода.

Коробейников А.В.

Воткинское судостроение и Гражданская война (Очерки социальной
истории города и завода) – Ижевск: Иднакар, 2012.–190 с.

ISBN 978-5-9903623-3-8

Общепринято считать, что воткинские корабелы произвели около 400 судов. Но отчего и когда налаженное производство прекратилось, и не было возобновлено? По какому признаку жители города на десятилетия разделились на «своих» и «чужих»? В год 75 годовщины Большого террора 1937 г. книга ставит много вопросов и публикует материалы, на основе которых читатель может составить своё мнение.

УДК 94(470.51)
ББК 63.3(2Рос.Удм)

Кл. слова: История заводов, Социальная история, Судостроение, Гражданская война, Народная армия, Речные флотилии, Репрессии политические, Белоэмигранты

ISBN 978-5-9903623-3-8

© А.В. Коробейников, 2012

ВОТКИНСКОЕ СУДОСТРОЕНИЕ
и
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1.Введение или штрихи группового портрета.....	4
2.Воткинск- наша гордость и память.....	22
Сколько было кораблей?.....	22
Условия судоходства и судостроение	26
Кама матушка -река.....	32
Пароход имени губернатора.....	37
Судострой и Мировая война.....	41
Четыре стадии исхода.....	44
Счёт утратам	57
3.Военный гуманизм или тактический ход?	66
Корабли не вступают в бой.....	69
Загадочные понтонные мосты	76
Последняя операция Народной армии.....	83
Куда глядели командиры?.....	85
4.Социология крестьянско-рабочей армии.....	93
Красно-Белая пропаганда и доля «рабочей массы».....	95
Количество и качество личного состава.....	101
5.Инженер Вологдин.....	121
Офицер Народной армии.....	125
Пионер сварного судостроения.....	130
6.Принцип объективности.....	137
Изучаем расстрельный список.....	139
Действие равно противодействию.....	145
Дневник убийцы.....	152
Забытые жертвы Восстания.....	156
7.Чекисты-архивисты.....	163
«Отступленцы» и «возвращенцы».....	167
«Утечка мозгов».....	174
Секретные материалы.....	181
Заключение	186
Благодарности.....	190

Каждый солдат должен понимать свой манёвр
[Генералиссимус А.В. Суворов]

ВВЕДЕНИЕ

или штрихи группового портрета воткинских мастеровых

Благодарение Богу, в России стали проявляться некоторые черты информационного общества, и теперь мы вполне свободно можем дискутировать темы, ранее совершенно немыслимые. И если, ещё 15 лет назад, набрав в браузере словосочетание «Ижевско-Воткинское восстание», пользователь получал буквально едва лишь пару ссылок на зарубежные публикации, то сегодня Интернет буквально набит статьями и книгами, сайтами и сообщениями, которые обнаруживаются по этому запросу.

Читатель, соприкасавшийся с темой Восстания, наверняка знает, что историки и так и этак пытаются объяснить причины организованного выступления заводских и сельских тружеников против правительства большевиков, которое продолжалось с августа по ноябрь 1918 г., прослеживают путь в Гражданской войне воинских коллективов Белой армии, имевших в своём наименовании слова «Ижевский» или «Воткинский», с упоением описывают подробности боевых эпизодов¹ и даже элементы их униформы. Отдельно стоит воздать хвалу публикаторам мемуаров деятелей Белого движения, вышедшим из печати во множестве в последние годы. Благодаря им, неизвестные ранее детали событий и изобразительные материалы стали доступны читающей публике. Эти мемуары наряду с архивными материалами², видимо, следует считать наиболее достоверными и информативными источниками по истории Восстания.

Сам я коренной ижевец, мои предки начали работать «в Заводе» около ста лет назад. Несколько лет посвятил военной службе, в том числе и в Воткинске. Но какие мысли возникают у меня, когда я беру в руки, например, мемуары полковника А.Г.Ефимова или генерала В.М.Молчанова про Ижевцев и Воткинцев в Белой армии? Во-первых, это истории, написанные командирами. При том, что ни один из этих командиров нашим земляком не был и в Восстании не участ-

¹ К слову, кинематографисты в широко известных фильмах «Чапаев» и «Адмирал Ё» показали эффектные, но малодостоверные версии таких эпизодов, как, например, «психическая» атака. Беспатронные и рукопашные контратаки под гармошку и с ножами в руках в действительности предпринимались повстанцами при обороне Ижевска и Воткинска в начале ноября 1918 г., а также под Уфой весной 1919 г., и были скорее следствием отчаянного положения, чем результатом целенаправленного стремления воздействовать на психику красноармейцев.

² Нам известно, что ижевский историк Е.Г.Ренёв готовит к публикации интереснейшую подборку архивных документов периода Восстания.

вовал. Во время Гражданской войны эти авторы, в силу своих служебных обязанностей описывали действия воинских коллективов уровня полка и дивизии в своих боевых книжках, боевых донесениях и приказах. В мемуарах они просто опирались на эти записи, и многое восстановили по памяти. Оттого и истории «маленького человека» простого рабочего-солдата или инженера в этих мемуарах нет. Образно говоря, это истории про Воткинцев, но без воткинцев³. И это не является их недостатком: просто жанр такой, и авторы такие. А рядовые бойцы свои мемуары составляют крайне редко. Соответственно, и упоминания о солдатах и офицерах, имевших в довоенной жизни отношение к Ижевску и Воткинску, в генеральских мемуарах весьма редки, и детального описания их судеб мы не найдём. Командирские мемуары проиллюстрированы фотографиями, но атрибутированных изображений лиц рядового, сержантского⁴ состава и офицеров в невысоких чинах мы здесь почти не видим. Да и на фотографиях собрания Ижевско-Воткинского землячества изображены бывшие офицеры, чьи фамилии совсем не знакомы нашим землякам и современникам. При том все отчётливо осознают, что основную массу любого воинского контингента составляют, конечно же, не генералы и полковники, и даже не офицеры, а рядовые и сержанты. Но отчего мы не видим их ни в списках белоэмигрантских организаций, ни на фотографиях? Несомненно, некоторые рядовые Ижевцы-Воткинцы оказались среди тех, кто скитался в эмиграции. Но логична и ситуация, при которой их доля в общей массе эмигрантов оказалась неизмеримо ниже той, что была в войсках. Это случилось по многим причинам: во-первых, в ходе отступления Белой армии по Сибири и Дальнему Востоку при катастрофической убыли командиров некоторые солдаты получили производство в офицерский чин. Другие были ранены или убиты, а пополнение на их место пришло не с наших заводов. Во-вторых, многие лица рабочих и инженерных профессий после окончания боевых действий вернулись к деятельности по специальности на территории Советской России. Да и оказавшись за рубежом, профессионалы стремились зарабатывать производительным трудом; в случае трудоустройства по профилю им просто не было нужды вступать в различные организации и землячества, а по сути своей «профсоюзы», созданные для взаимоподдержки бывших военных, которые кроме военного никакого ремесла не знали.⁵ Важной

³ Мы пишем слово с большой буквы там, где речь идёт о военнослужащих Ижевско-Воткинских формирований и с маленькой буквы там, где речь идёт о горожанах-воткинцах.

⁴ По терминологии царской и Белой армий сержантский состав называли унтер-офицерами, чины до капитана назывались обер-офицерами, а выше них были штаб-офицеры и генералы.

⁵ Известно, что бывший генерал В.М.Молчанов, имея военную специальность сапёра, в эмиграции зарабатывал физическим трудом.

статьёй оттока Ижевцев и Воткинцев из Белой армии было и дезертирство⁶: мы опишем ниже некоторые заводские архивные дела, сохранившие обширные списки рабочих, которые вернулись в цеха, прибыв прямо «из колчаковского стана».

Таким образом, если пользоваться лишь опубликованными к настоящему времени источниками и литературой, то явную преемственность между участниками Ижевско-Воткинских формирований в Белой армии и современными жителями Ижевска и Воткинска как в ментальной области, так и на генеалогическом уровне проследить будет весьма и весьма трудно, если вообще возможно. Другой составляющей проблемной области в историографии антибольшевистского движения является явная диспропорция между кадровым составом боевых Ижевско-Воткинских частей и соединений периода Восстания и вплоть до окончательного оставления Заводов летом 1919г. с одной стороны и кадровым составом эмигрантских организаций бывших Ижевско-Воткинцев с другой.

Суммарно, через Ижевско-Воткинские сначала «армии», а затем соединения и части прошли, наверное, десятки тысяч людей. При том априори можно утверждать, что в какой-то момент воинские контингенты, носившие в Белой армии названия Ижевских и Воткинских, стали таковыми лишь номинально: уже задолго до прихода в Приморье, возможно, где-то в Сибири солдат - рабочих и крестьян - из числа наших земляков в них почти не осталось.

Но кто из историков проанализировал социальный состав этих военных организаций на тот или иной период? Сколько там было на тот или иной момент Ижевских и Воткинских тружеников⁷, или вообще выходцев из Прикамской округи?

В данном издании мы не в состоянии объять необъятную проблематику, и зачастую лишь приводим источниковую базу по множеству формируемых вопросов, которые ждут своих исследователей.

*

Итак, причины восстания в городах-заводах в научной и пропагандистской литературе назывались разные; их содержание явно отражало степень ангажи-

⁶ «В сводке контрразведки по Ижевско-Воткинской бригаде отмечалось дезертирство чинов с лошадьми и оружием. Чтобы прекратить дезертирство, командир Ижевского полка, с согласия командира корпуса, распорядился подать докладную записку желающим уволиться с военной службы.» (См.: Кермель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. – М.: Кучково поле, 2008. - С. 383)

⁷ Мы намеренно не называем их рабочими; см. об этом далее в главе «Социология крестьянско-рабочей армии».

рованности исследователя той или иной идеологией: если для Советского периода Восстание представлялось то ли «кулацким бунтом», то ли «мятежом в поддержку белочехов»⁸, то современные публикации имеют куда как более широкий спектр версий. Так, у читателя современных популярных книг и статей, а в особенности публицистики и интернет-публикаций, может сложиться мнение, что в августе 1918 г. рабочие Ижевска и Воткинска вместе с окрестными крестьянами чуть ли не стихийно, буквально как муравьи, под воздействием «коллективного бессознательного» сначала организовались, а потом три месяца вели бои против Красной армии на фронте протяжённостью в сотни километров. А авторы более замысловатых версий утверждают, что восстание не просто было спланировано за несколько дней и осуществлено как военная операция, а готовилось заранее, за много месяцев, и было возглавлено группой заговорщиков. Но только этим конспираторам отчего-то приписывают совершенно разные политические убеждения: того же штабс-капитана Г.Н. Юрьева (Биммана) называют то социалистом-революционером, то монархистом. Тогда, если подходить с партийной точки зрения, то непонятно вообще, какие цели могли преследовать восставшие? Какой партийной идеологией руководствовались? Наконец, совершенно необъяснимы до настоящего времени раскол Ижевцев и Воткинцев внутри городов-заводов и исход части населения в первой декаде ноября 1918 г. за Каму вместе с войсками на соединение с Белой армией. Но какой принцип лежал в основе того раздела городского и сельского населения? По какой причине одни в количестве десятков тысяч вместе с семьями ушли, а другие остались? Отчего одни вернулись в Заводы, а другие нет? Анализируя списочный состав различных заводских контингентов, можно пока лишь с определённой уверенностью отметить, что это был вовсе не партийный, имущественный, образовательный, профессиональный либо национальный признак разделения трудового коллектива. В основе противостояния в коллективе заводчан, в основе деления на Красных и иных лежало что-то принципиально важное, какие-то глубинные причины. Но отчего разделение в среде воткинских жителей не завершилось с окончанием Гражданской войны, и долгие годы, даже после многих чисток и Большого террора здесь трудились люди «первого и второго сорта»?

⁸ Подробный анализ отечественной историографии 1920-30-х годов читатель найдёт в статье: Иванов А.В. Социально-политические аспекты Ижевско-Воткинского восстания 1918 г. в трудах Советских историков 1920-30-х годов./Вестник Удмуртского университета. История и филология. –2012 . Выпуск 3 –С. 47-54. По мнению автора данной работы : « ...то, что происходило весной-летом 1918 г. на Урале не вписывается в каноническую картину Гражданской войны, созданную Советской историко-партийной школой». Лучше, пожалуй, не скажешь.

Общим местом для исторической литературы вплоть до наших дней является утверждение о том, что восстания в наших городах-заводах являлись выступлениями рабочих, у которых была «полукрестьянская» и «мелкобуржуазная» сущность, и эта-де сущность и влекла их на разнообразные уклоны и колебания от магистральной линии диктатуры пролетариата...Что сказать на это? Во-первых, это звучит как шаманские заклинания историков компартии, которые полагали, что движущей силой истории и авангардом социальной революции является именно пролетариат. Следовательно, данное утверждение наших современных историков вполне в канве большевистской идеологии. Но эти заклинания никак не проясняют вопроса о реальных пружинах событий восстаний в городах и округе. Отчего так? Видимо оттого, что коммунистически ангажированные историки, либо исследователи, которые до наших дней до конца не избавились от дурмана этой идеологии, привержены к закоснелым схемам. Ибо и те и другие отчего-то не вспоминают о том положении, которое было сформулировано политологами ещё в XIX в. (или ранее?), развилось и закреплено в марксистско-ленинском учении о партии нового типа. В соответствии с ним сами по себе пролетарии или крестьяне - не более чем неокормляемое «стадо». А движущей силой того или иного социального процесса те или иные классы, страты или социальные группы, как их не назови, становятся лишь при условии, что они сознательны и организованны. А сознательность и организованность в народную среду привносит авангард, состоящий из профессиональных «революционеров». Следовательно, пролетариат (рабочий или иной класс, равно как и любое сообщество, имеющее определённые цели) становится сознателен и организован, лишь когда приобретёт извне или вырастит в своей среде авангард в лице партии или иных вожаков. Такие вожаки в городах-заводах появились, и возглавили восстания. Как говорится, для того, чтобы «разрушить до основания» сначала царскую потом Временную, а после и большевистскую администрации, а после создать роты и «фронты» повстанческой армии, партийная идеология им не потребовалась.

А были ли Ижевско-Воткинские повстанцы рабочими? Тезис о восставших рабочих запустила, по всей вероятности, ещё Колчаковская пропаганда в 1918 году; как бы от имени повстанцев к тред-юнионам Великобритании даже была направлена делегация, в которой был рабочий-меньшевик И.Г.Уповалов. Белые газеты печатали мемуары повстанцев и воззвания к своим солдатам «Будь, как Ижевец...». Одним словом, по обе линии фронта и у зарубежных наблюдателей, видимо, создавалась полная иллюзия того, что против власти большевиков восстали именно рабочие. Впрочем, Красная пропаганда времён Гражданской войны социальный состав повстанцев не уточняла, но уже в довоенной исто-

риографии Советского периода они именуются в массе своей рабочими, но рабочими «отсталыми», «незрелыми», как бы инфицированными «мелкобуржуазными» идеями и т.п. (Пытливый ум читателя поможет ему установить, кто же впервые запустил в оборот парадоксальный, но по сути своей пропагандистский образ «рабочих, восставших против диктатуры пролетариата»; нас этот вопрос пока не интересует.)

Зададимся иным вопросом: а требуется ли точное классовое определение для тех наших земляков, что восстали и создали Народную армию? Что изменится в нашем отношении к давно ушедшим людям, когда мы наклеим на них ярлычки рабочих, крестьян, «буржуев», революционеров или ещё какие то? По крайней мере, наше сочувственное отношение к ним не переменится.

Давно известно, что лица рабочих профессий, работавшие в Ижевском и Воткинском Заводах, в силу своего имущественного положения, однозначно, пролетариями не являлись, ибо «голытьбы», массово проживающей в рабочих казармах, у нас не было. Это обстоятельство установлено, и является общепризнанным. Можно приводить и разнообразные, зачастую противоречивые данные статистики по социальному составу жителей восставших городов-заводов, а, вернее, заводских посёлков Ижевска, Воткинска и иных Уральских заводов.⁹ Но статистика эта мало что стоит сама по себе. Если где-то рабочих в два раза больше, чем крестьян, то там и «сознательность революционных масс» вдвое выше? Большевики зачастую именно так и полагали. Надо понимать, что статистические данные вообще не являются аргументом, доколе исследователи не договорятся о терминах: кого считать рабочим с его специфическими интересами, с его классовым самосознанием, а кого крестьянином с его особенными запросами и «мелкобуржуазной» идеологией и пр. Но заводской токарь-слесарь, который живёт в собственном доме, обрабатывает огород в 10 соток, «держит» корову, использует гектар покоса, а все выходные и отпуск проводит в деревне, где пашет отцовский надел, и таким образом полностью обеспечивает семью продуктами питания, а заводское жалованье тратит лишь на сапоги и гармошку - это кто: «уже» рабочий или «ещё» мелкобуржуазный крестьянин? А житель деревеньки, член сельской общины, который ночует в своей избе в 10 верстах от завода, но ходит или ездит на поезде ежедневно к заводскому гудку или экс-

⁹ Воткинский завод входил в Воткинский Горный округ. Примерно 20-45% горнозаводских рабочих Урала (видимо, будучи опрошенными на заводах) отмечали свою связь с деревней, но работу на приусадебных участках в целях самообеспечения продуктами считали атрибутом «рабочего стиля жизни». См. об этом подробнее: Иванов А.В. Антибольшевистское движение на Уральских заводах в 1918 г. (Советская историография) / Известия Уральского Государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. –2010, № 4 (82). –С. 148-155.

плуатирует свою лошадь на внутризаводских работах - это «ещё» полукрестьянин, или «уже» рабочий? А разве заводской инженер, который получает дивиденд по акциям или ренту со сдаваемых в наём покосов или половины дома и при этом «эксплуатирует» кухарку - это уже в классическом виде «буржуй»? А тот же инженер, будучи призван на Мировую войну и получивший производство в офицерский чин прапорщика или капитана - это уже готовый Белый офицер? Разумеется, приверженность конкретно-классовым дефинициям возникла у отечественных историков не на голом месте и не сегодня: многие десятилетия наш народ мыслил четкими категориями: свои-чужие. Вспомним известный Оперативный Приказ НКВД № 00447 от 1937 г.: там категории лиц, подлежащих репрессии, изложены вполне конкретно, и в основе их лежит именно социальная принадлежность, да и лимиты на количество подлежащих расстрелу и заключению в лагерь по той или иной области составлялись на основе статистико-социологических данных...

**

Но сейчас, хвала Создателю, мы имеем возможность мыслить диалектически, принимая диалектику в качестве учения о всеобщей связи и развитии. Поэтому посмотрим на вопрос о социально-обусловленных дефинициях и о связях нашего рабочего класса с деревней чуть шире и глубже, хотя бы в пределах одной страницы.

Итак, общеизвестно, что в Российской империи крестьяне в большем или меньшем объёме сеяли хлеб едва ли не во всех губерниях. Но при этом были губернии, т. наз. производящие, которые не только обеспечивали собственное потребление, но и вывозили зерно, и были губернии по хлебу потребляющие, или, говоря по-современному, дотационные. Таковыми являлись Север, Северо-Запад, области скотоводства в степной и горной зоне и т.п. Условно говоря, были зоны индустриального и области сельскохозяйственного производства, между которыми существовал товарообмен, пресёкшийся с военной разрухой. Касаясь нашего региона, отметим, что Вятская, Казанская и Уфимская губернии были производящими. Но производящими очень по-разному. Так, если для Вятской губернии товарность зернопроизводства составляла лишь около 10 % (или даже менее, то есть ~10-12 крестьян «кормили» одного рабочего или служащего), то из Уфимской губернии вывозилось до половины производимого продукта. При том, что заводы Вятской губернии (в частности, Ижевский и Воткинский), их заводские посёлки являлись крупнейшими потребителями продуктов питания. Иными словами, специфика Вятской губернии состояла в том, что по продуктам питания она была одновременно и производящей (кре-

стями) и потребляющей (горожанами), а географическая граница условной «зоны изобилия» производства продуктов питания в нашем регионе пролегла по Каме.¹⁰ Но вятский крестьянин, вследствие низкотоварности своего поля, был вынужден уходить в отхожие промыслы, заниматься кустарным производством – лепить знаменитые глиняные свистульки, резать поделки из дерева и пр. А в окрестностях городов-заводов¹¹ крестьяне обеспечивали диверсификацию и экономическую устойчивость своего хозяйства тем, что выполняли заводские заказы. При этом было несколько «поясов» специализации вокруг каждого завода: радиус удаления от центра диктовал специфику работ. Так, примерно в десятивёрстном поясе пешеходной доступности и там, где «холостой пробег» лошади покрывался платой за её использование, крестьяне участвовали в работах т.наз. «поторжного» заводского цеха и получали подённую или сдельную оплату, участвуя в заготовке дров и деловой древесины, выжигали древесный уголь, перегружали или перевозили заводские грузы, работали на сплаве фарватере рек Вотки и Сивы, ремонтировали и очищали от снега полотно заводских железных дорог от основных площадок до Камских пристаней и пр.

Сельский труд является сезонно-циклическим: круглосуточная летняя каторга, когда надо успеть собрать и посеять яровые и озимые и управиться с сенокосом, прерывается зимним «лежанием на печи». Поэтому в межсезонье жители деревень вокруг Ижевска и Воткинска в радиусе около 30-40 км (дневной «пробег» лошади с гружёной упряжкой) становились работниками заводов, не выходя из дома. Например, мой прадед Коробейников Дмитрий Исаакович 1885 г.р. рассказывал, что с 1915 г. он стал работником Ижевского оружейного завода (и данное обстоятельство отражено в его биографии). Но при этом географически он пребывал в своей деревне Чёрная (ныне Воткинского р-на УР.) По его словам, к ним по известным дням приезжал «раздатчик» из Завода, целыми коробами привозил заготовки, и в свободное от крестьянских трудов время селяне «ширкали детальки». Так, его специализацией была обработка прицельной рамки и мушки. Вместе с заготовками привозили и необходимые комплекты инструментов, приспособления для удержания и поверочные шаблоны, производили краткое обучение рабочим приёмам. Раздатчик принимал и оплачивал работу. (Мы и по сей день используем в хозяйстве оставшиеся с той эпохи примитивные тисочки: два бруска, сжимаемые винтом. Один из брусков имеет

¹⁰ Проезжая на автомобиле границу Татарстана и Удмуртии, и сегодня несложно убедиться, что граница почвенно-климатических зон совпадает с административной границей между субъектами Федерации.

¹¹ Город-завод здесь термин абсолютно условный; в эпоху Восстания ни Ижевск, ни Воткинск, несмотря на свою величину и численность населения, официального статуса городов не имели, а Ижевск был «самое большое в мире село».

длинный заострённый «шип»: он вбит в деревянную колоду для устойчивости всей конструкции). Видимо, «надомная рассеянная мануфактура» с привлечением крестьян была вынужденной мерой в условиях массового производства оружия в годы Мировой войны и является спецификой нашего региона. Понятно, что т. наз. командные детали¹² огнестрельного оружия, требующие больших затрат металла и энергии, высокой точности при обработке и приплатке, и окончательная сборка изделий производились на основной площадке на зарежимленной территории, хотя многие детали винтовок оружейники в посёлке Ижевского завода тоже делали у себя по домам по заказу.¹³

У нас нет пока определённых данных о том, что аналогичная система раздачи работ по домашним мастерским широко практиковалась и на судостроительном производстве Воткинского завода, да и на данном предприятии в целом. Но по общей логике и по аналогии вполне можно предположить, что надомникам передавались в обработку некрупные и несложные детали судовых и иных механизмов из Воткинска.

Следует полагать, что за заводским забором трудилось сравнительно небольшое число рабочих; там работали лишь те, кто был связан с механической, термической или химической обработкой металла, и на сборке изделий, а масса технологических операций выполнялась надомниками. Видимо, в сельской местности, которая окружала заводы, жили многие тысячи крестьян, занятых на вспомогательных заводских производствах постоянно или сезонно.

Таким образом, можно обоснованно заключить, что не только наши рабочие имели связь с деревней, но и крестьянство, проживающее на громадной территории вокруг Ижевского и Воткинского заводов, имело непосредственную экономическую связь с предприятиями, и все заводские проблемы немедленно сказывались на настроениях и благосостоянии многих тысяч людей. Это фор-

¹² Командными являются детали огнестрельного оружия, которые нельзя или очень трудно качественно изготовить вне заводских условий, и без которых невозможно производство выстрела: ствол, ствольная коробка (или пистолетная рамка) и затвор.

¹³ Заготовкой ложевых болванок для винтовок занимались крестьяне вокруг Ижевска. В ходе Восстания производство оружия оказалось лимитировано возможностями цеха деревообработки; технологический цикл изготовления приклада занимает несколько месяцев, так как дерево необходимо медленно просушить на открытом воздухе, чтобы оно потом не растрескалось во время эксплуатации. Повстанцы нашли выход из положения, позволивший многократно увеличить число вооружённых людей: они раздавали крестьянам лишь металлические части огнестрельного оружия, к которым те самостоятельно выделывали что-то вроде «приклада» из берёзового полена. Такой приклад можно было менять самостоятельно по мере надобности. Понятно, что полено в плечо не упрёшь, и ствол будет торчать непропорционально длинно. Поэтому крестьяне ствол обрезали. Получалось примерно то, что широко известно по кинофильмам как «кулацкий обрез»; в бой с таким не пойдёшь, но из кустов из этого суррогата шарахнуть можно.

мировало у них определённые жизненные ценности и мотивы, побуждающие к действию.

Значит, если историки пишут, что наши рабочие «имели связь с деревней», то образно говоря, они ставят при этом телегу впереди лошади: в реальности скорее, это именно крестьянство Вятской губернии имело связь с заводским производством, поставляя для него энергоносители и сырьё, продукты питания и рабочую силу, и выполняя надомно производственные заказы. Соответственно, лишившись в ходе Гражданской войны оплаты за уже произведённую по заводскому заказу работу, обираемые продотрядами в рамках продовольственной диктатуры, мобилизуемые на далёкие фронты, именно крестьяне, возчики и углежог, лесорубы и слесари-надомники попадали под двойной и тройной разорительный прессинг и имели все основания для свирепого бунта. Тогда именно труженики Ижевска и Воткинска, вожаки-фронтовики стали катализатором бунта, который вылился в Восстание на широких при заводских территориях. Возможно, в первую очередь именно крестьяне, ранее организованные на заводские работы, то есть люди, для которых перспективы благосостояния зависели преимущественно от работ по обслуживанию потребностей производства, решились связать свою судьбу с Народной армией и прошли с ней и сто дней Восстания, и скорбный путь боёв по Сибири... Впрочем, данная постановка проблемы, видимо, является пока новой и ждёт своего исследователя; у нас списков крестьян, отступивших с Народной армией, пока нет.

Впрочем, мы полагали бы для себя совершенно непродуктивным занятием изучать и описывать применительно к Восстанию и последующим годам деятельность какой-либо партии, поведение или судьбу какой-то страты производственного коллектива: вспомогательного персонала из «полу-крестьян», заводских рабочих или инженерно-технических работников. Тщательное описание производственного коллектива по его составляющим, возможно, принесло бы пользу при детальном изучении коллектива воткинских тружеников и горожан как социального явления в динамике времени, и, возможно, когда-нибудь мы к этому и придём. Но сейчас полагаем целесообразным лишь заявить тему изучения производства и трудового коллектива на данном предприятии, а, вернее, применительно к одному из его производств.

В силу сказанного, попытаемся хотя бы в первом приближении найти ответы на ключевые вопросы касательно социальной истории коллектива воткинских судостроителей (как совокупности) в условиях Гражданской войны в соответ-

ствии с заявленной темой книжки. Однако война происходила не только на полях сражений, но и в умах наших земляков. И в этой области хронологические рамки идейного противостояния были гораздо шире, чем продолжительность периода военных действий. В этой связи нам хотелось бы осветить в данном издании два тесно связанных, но всё-таки различных сюжета. Первый сюжет посвящён сравнительно малопроблемному для коллектива воткинских мастеровых довоенному периоду. Несмотря на то, что мы лишь пунктиром прослеживаем историю судостроительного производства с начала XX века до Первой мировой войны и Революции 1917 года, представляется, что именно тогда воткинские «чебаки»¹⁴ приобрели совершенно противоречивые черты своего коллективного разума. Видимо, эти внутренние противоречия (на ментальном уровне) в конечном итоге и разорвали рабочий коллектив и разметали его по окопам противоборствующих сторон, которые уничтожали друг друга в Гражданской войне и после неё. Даже дети и внуки участников тех событий отчётливо продолжали идентифицировать себя: одних звали «Красными», а других - «отступленцами»...Поэтому мы попытаемся рассмотреть сразу две ипостаси функционирования коллектива как исторического субъекта: в условиях мирного и военного времени.

Отчего именно сотрудники судостроительного производства, а не воткинские мостостроители и не паровозостроители вызвали наш исследовательский интерес? Прежде всего, по формальным показателям. Именно судостроители осенью 1918 г. сформировали и применяли столь специфическое для антибольшевистских рабочих восстаний средство борьбы, коим явилась Галёвская военная флотилия, в которую вошло не менее пяти-шести кораблей.

Соединение действовало на Камской акватории протяжённостью в десятки километров, нанесло многочисленные поражения силам противника, потопило несколько его судов, захватило сотни пленных, и после поражения Восстания провело плановую эвакуацию Народной армии. Те же люди обеспечили работу Опорной базы Камской боевой флотилии Белых в навигацию 1919 г. Наконец, именно инженерно-технический состав этого производства почти в полном составе¹⁵ покинул Завод в период Восстания, а рабочий коллектив судостроителей был организованно эвакуирован в Сибирь правительством Колчака, сохранил в

¹⁴ Ижевцев в шутку называли «крокодилами», а воткинцев до сих пор иногда именуют «чебаками» от локального названия рыбы сороги (сорожки); работники Воткинского завода едва ли не поголовно увлекались рыбалкой, а сорога и подлещик, наверное, основные породы рыб в заводском пруду. Фамилия Чебаков распространена среди воткинцев, и у меня есть знакомые с такой фамилией.

¹⁵ Инженерно-технические работники Завода покинули его в составе примерно 1./2 части, а ИТР судостроительного производства - в составе $\frac{3}{4}$.

эвакуации свою целостность и организованно вернулся впоследствии на Завод. Таким образом, в событиях Гражданской войны из всех контингентов Народной армии, как представляется, именно воткинские судостроители выступили в качестве, пожалуй, наиболее сплочённой, сознательной и квалифицированной силы.¹⁶

Как представляется, коллектив наших корабелов приобрёл свои качества в силу уникальных особенностей судостроения в целом и воткинского судостроения в частности. В самом деле, пароход является куда как более сложным изделием, чем мост, собираемый из стандартных деталей; судно имеет множество систем и механизмов, которых нет и у паровоза. Поэтому работа судостроителей, как инженеров, так и простых сборщиков, формировала важные качества высокоразвитой личности, которые просто немыслимы на валовом производстве стандартных изделий, например, винтовок: всякий вновь заказанный воткинцам пароход требовал от заводского техбюро проработки нового проекта, в соответствии со специфическими требованиями заказчика, а сборка судна на отдалённой от основной площадки верфи вызывала к жизни живое творчество и личную инициативу бригады универсалов. Всё это вырабатывало особый тип мастера на все руки, которому была свойственная высокая адаптивность к изменяющимся условиям труда, рационализация производственных процессов, да и стремление к улучшению жизни в целом. Образно говоря, мастерской человек с инженерным, творческим складом ума (даже если он и не инженер по должности) является в своей производственной области революционером по определению. А приобретённые компетенции и адаптивные навыки он с лёгкостью способен перенести из производственной сферы в область социальных преобразований.¹⁷

Но с другой стороны, мы увидим, что производственные проекты, осуществлённые с большим напряжением творческих сил и смекалки отдельных судостроителей на протяжении многих лет для казённого Воткинского завода, как правило, являлись убыточными, и судостроение в целом по предприятию являлось дотационной отраслью. Оттого психическое состояние фрустрации становилось уделом людей творческих. При этом в заводском коллективе в целом могли формироваться и укореняться чувства апатии и настроения социального иждивенчества. В самом деле, мой собственный опыт работы на

¹⁶ Л.Д. Троцкий (Бронштейн) (в 1918 г. - руководитель военного ведомства Красных) называл моряков красой и гордостью революции. А наших судостроителей и Камских речников можно было бы назвать красой и гордостью Белого движения.

¹⁷ К слову, находясь в эмиграции бывшие командиры Ижевцев-Воткинцев сами стали на время судостроителями: генерал В.М. Молчанов работал на американской судовой верфи маляром, а полковник А.Г.Ефимов - электриком.

Ижевском механическом заводе в 80-х годах XX века позволяет утверждать, что рабочий-рутинёр может годами «ширкать» на верстаке одну и ту же детальку или прилаживать её на участке сборки, но при этом не знать её названия,¹⁸ не задумываться о её назначении и не представлять её взаимодействия с другими деталями, да и не попытаться увидеть изделия в целом. Поэтому и чувство гордости за дело рук своих ему неведомо.¹⁹ Иное дело рабочий-творец. Он воспринимает себя не простым придатком к станку, а испытывает удовлетворение от сопричастия к производству общественно-полезного продукта. Пожалуй, наиболее удачно это состояние творческого экстаза «освобождённого труда» выразил поэт В.В. Маяковский:

«Я гайки делаю, а ты для гайки делаешь болты,
И идёт работа всех прямо в сборочный цех.
И вот выходит паровоз,
Чтоб нас и вас и нёс и вез...»

Иным словами, в одном коллективе всегда присутствуют носители как хозяйского, так и потребительского отношения к предмету, средствам и результатам труда.

В эпоху революционных преобразований у самих преобразователей должна быть в голове идеальная модель того, к чему они стремятся. И такая модель, конечно же, у деятелей Советского правительства и в 1918 г. и в последующем была. Имелась она и у Ижевско-Воткинских повстанцев. Всякий, кто получил образование в Советское время, без труда вспомнит расхожие дефиниции общественно-экономических формаций социализма и коммунизма, автором которых был основатель Советского государства и руководитель Правительства В.И.Ульянов-Ленин.²⁰ Так вот, если применить эти определения к Воткинскому

¹⁸ В технологических картах детали обозначены буквенно-цифровым кодом.

¹⁹ Разумеется, в случае со «специзделиями» военной техники это невозможно и в принципе: участки окончательной сборки находятся в зонах особого режима, доступ посторонних в них ограничен. А сознательности от ординарного рабочего ожидать просто глупо: ему платят не за мысли и чувства, а сдельно или повременно. Недаром в основу созданной В.И.Лениным теории партии был положен тезис о том, что и сознательность и организованность в рабочую среду должны быть привносимы профессиональными революционерами извне.

²⁰ Должность В.И.Ленина называлась Председатель Совета Народных комиссаров, или Предсовнаркома. Известны его выражения: «Социализм - это учёт и контроль»; «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны»; «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование... и т.п.» (См. План статьи

заводу периода Восстания и Народной армии, то можно смело утверждать, что в пределах данного города-завода, да и в его округе на тот период в производственной сфере был в некоторой степени осуществлён тот самый «идеальный социализм» или даже «нормальный» коммунизм, о котором писал Ленин, а не «военный», который у самих коммунистов явился вынужденным экспромтом. В самом деле, общеизвестно, Советская власть у Ижевцев-Воткинцев имелась (правда, в их Совете не было коммунистов и эсеров-максималистов). Далее мы покажем, что и электрификацию (но не всей России, а лишь Завода) они произвести пытались, и не закончили лишь под прессингом времени.²¹ Да и с Галёвской железной дорогой, и с организацией и нормированием труда и потребления у них был полный порядок. Вот только распределять блага «каждому по потребности» повстанцы не могли по причине дефицитности этих благ.

Казалось бы, центральному правительству следовало лишь радоваться, что такие очаги «коммунизма» по инициативе самих тружеников возникают по стране то там, то здесь, и рано или поздно они сольются в единое экономическое пространство и политическое целое... Как бы не так! Во-первых, в пределах Ижевско-Воткинской округи был внедрён на время как бы «коммунизм», но... без коммунистов! Каждый из нас разумом понимает, что всякий управитель, не способный обеспечить нужды членов руководимого коллектива, рано или поздно рискует получить от своих подданных под зад коленом. При этом, чем коллектив меньше, чем он менее инерционен, тем объективно проще сместить его управителя. По большому счёту Труженику казённого предприятия ведь всё равно, кто над ним сидит в форме правящей верхушки на том или ином уровне: директор завода, батюшка-царь, коммунист-комиссар, Предсовнаркома или Президент. Говоря языком крестьянина из произведения того же В.В.Маяковского:

«Раз ты правительство, ты и должён
Чинить и мосты и дороги...»

Лишь в период Восстания против «комиссародержавия» Воткинцы в полной мере осуществили рабочий контроль за производством и распределением на своём предприятии в соответствии с лозунгами Октябрьского переворота, которые были озвучены Российскими социал-демократами. По мнению последних,

«Очередные задачи Советской власти», составленный в марте-апреле 1918 г. ПСС, т. 36, с. 550.)

²¹ См главу о судьбе инженера В.П.Вологодина в настоящем издании.

таковой контроль есть первый признак социального государства.²² Однако, повстанцы пошли дальше: по факту ими была создана коммуна с уравнительным распределением, действующая на принципе горизонтальной самоорганизации.²³

Объективно говоря, осуществить преобразования жизни в отдельном районе или в одном городе неизмеримо проще, чем в масштабах страны. Но данная тенденция к самоуправному построению «анархического коммунизма» в отдельно взятом уезде или на отдельно взятом заводе с отрицанием «вертикали власти» оказывается опасной для государства в принципе. Хотя она вовсе не была новостью ни для того времени, ни для Российских условий в целом. В самом деле, пользуясь выгодами рыночной конъюнктуры, доступом к природным или государственно-бюджетным ресурсам или преимуществом географического положения, в любое время и в любой стране куда как заманчиво было бы организовать на фоне всеобщей разрухи (или экономического кризиса) корпоративное изобилие и более-менее сносное существование для членов нескольких корпораций, подобно тому, как сегодня плодами «прихвачиванного» общенародного достояния пользуется кучка олигархов, которая получает сверхприбыли и строит внутри России собственные «государства» с приватной системой связи, отдельным транспортом, личной «полицией», медициной, учебными заведениями и проч. Соответственно, при этом олигархи просто вынуждены делиться с «верхним миллионом» россиян - своих акционеров и ближайших сотрудников, а также содержать высокопоставленных чиновников, которые обслуживают их корпоративные интересы.

Однако уже к середине XIX века способ организации производства, при котором плоды труда не отчуждаются капиталистом, а распределяются более или менее справедливо среди членов ассоциации производителей в соответствии с их трудовым вкладом, был известен и в теории и на практике, и получил название анархо-синдикализма. В основе данного способа производства лежит принцип: «Нашим работникам хорошо, а государство нам не нужно». Конечно, при благоприятной конъюнктуре корпорации или даже отдельные предприятия вполне могут обеспечить одновременно и высокий уровень потребления для своих работников, и платежи на содержание «вертикали власти». Но в условиях

²² Мы знаем, однако, что функционирование государства в интересах большинства членов общества может быть достигнуто и в рамках т. наз. командно-административной системы при подавлении меньшинства большинством. Но в случае с Воткинцами можно полагать, что они были «спровоцированы» коммунистическими лозунгами на то, чтобы установить суверенитет рабочего коллектива на территории и Завода, и города.

²³ Напомним, что принципом социализма является «От каждого по способностям, каждому по труду», а лозунг коммунизма «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

военной разрухи революционного периода в 1918 г. Завод испытывал дефицит некоторых ресурсов, и ему почти нечего было отдавать «наверх». А отдача по вертикали «наверх» в виде сельхозорудий от Завода требовалась, ибо, при разлаженности денежного обращения и в условиях хлебной монополии, правительство могло получить для себя продукты питания от сельхозпроизводителя лишь в обмен на промышленные товары, получаемые с заводов и фабрик. При том, даже значительно обесценившаяся денежная масса за поставленную продукцию поступала из центра на заводы с длительными перебоями. Поэтому Ижевско-Воткинские повстанцы просто исключили центральное правительство как лишнее и бесполезное звено в осуществлении продуктообменных операций: используя запасы расходных материалов, они производили плуги и бороны, за которые селяне из округа привозили им хлеб и мясо. Именно своё право на рациональную организацию производства и на взаимовыгодный обмен с селянами округа и отстаивали повстанцы в боях с Красной армией. Нужна ли для этого какая-то глубокая идеология, разработанная партийными теоретиками? Наверное, нет; достаточно лишь иметь здравый смысл и желание спасти своих близких от голода. Соответственно, и лидеры Восстания в каждый момент времени вынуждены были руководствоваться скорее не идеологическими установками той или иной партии, а осуществлять политику, как искусство возможного. Образно говоря, коллективный разум заводчан лишь поддался инстинкту самосохранения в условиях разрухи и голода.

Но почему именно «хлебный вопрос» можно обнаружить в основе противостояния различных слоёв общества в Гражданской войне? Во-первых, в отличие от одежды, жилища, чтения и секса именно пища является незаменимой и ежедневной потребностью каждого человека, а в тех условиях она стала и условием существования государства. Напомним, что само бытие Советского правительства с весны 1918 г. стало возможно исключительно на условиях сепаратной капитуляции России перед Германией (т. наз. «похабного» Брестского мира). При этом, очевидно, большевиками была избрана стратегия создания и сохранения Советской государственности на максимально возможно бóльшей территории бывшей Российской империи, видимо, для обеспечения устойчивости системы не за счёт её адаптивности, а за счёт инерциальности. Но в соответствии с протоколами Брестского договора голодающая Россия была обязана поставить, и летом 1918 г. так-таки поставила в Германию значительные объёмы

Понятно, что в условиях блокады повстанцы объективно не могли реализовать означенные принципы в сфере распределения и потребления.

продовольствия. Члены тогдашнего правительства большевиков ясно понимали, что в случае «дефолта» их ждала не пенсия, а виселица, и что эмигрировать им никуда не удастся: ни одно государство мира их не приняло бы. В тот год рабочие центральных и западных, индустриальных губерний получали месяцами чисто символический стограммовый суточный хлебный паёк, и перешли на «самоснабжение».²⁴ А правительство просто вынуждено было перекачивать стратегический пищевой ресурс, выполняя свои обязательства перед зарубежным контрагентом, отмечая среди собственного населения случаи голодной смерти и самоубийств на почве голода.

При том, огромные запасы зерна сохранялись в аграрных губерниях: в Сибири, Поволжье и Прикамье. Зерно и мука хранились миллионами пудов в приречных складах, и правительство стремилось, не размениваясь на мелочные обменные операции, национализировав, взять эти склады «оптом», т.е. по возможности бесплатно, используя силы Продовольственной армии. Взять их «наскоком» в Сибири, на Дону и Кубани в сколь-нибудь значительном объёме оказалось невозможно - там формировалось сопротивление казаков и Белая Армия, да и транспортные коммуникации оттуда до Центра были слишком растянуты. Таким образом, к лету 1918 г. Среднее Прикамье оказалось едва ли не единственным реально доступным для захвата регионом сосредоточения пищевых ресурсов. Перевозки хлебных грузов по Верхней Волге были возможны, но Кама как транспортная артерия была перерезана Воткинцами в середине августа.

В книге «Волжская флотилия против Прикамской Народной армии» мы попытались чуть подробнее коснуться малоизвестных аспектов истории этого соединения кораблей Красных. Как оказалось, фактически в нашем регионе флотилия сыграла роль весьма эффективного «речного продотряда», безвозмездно вычерпав и увезя из Вятской, Казанской и Уфимской губерний в своих трюмах и баржах громадные объёмы продовольствия. При этом, названное соединение потерпело военное поражение, отступив от Воткинской армии, которая была для неё противником заведомо более слабым и по численному составу, и по части вооружений.

Таким образом, московское правительство осенью 1918 г. решало в нашем регионе сразу 2 проблемы: получить бесплатный доступ к местным ресурсам, прежде всего, продовольственным, а наряду с этим и примерно для других рабочих наказывать коллектив Ижевцев-Воткинцев за анархо-синдикализм. И к

²⁴ С предприятий растаскивались остатки металла, чтобы сделать зажигалки, плуги, бороны, лопаты и пр. и обменять у крестьян на хлеб. Массовым стало явление «мешочничества» описанное в современной литературе.

окончанию навигации 1918 г. задачи эти были в целом решены успешно, правда в качестве транспортной артерии для перевозки продовольствия Кама «заработала» только к середине 1919 г., когда возить по ней стало почти уже нечего.

К сожалению, идеология большевизма, которая отрицает какой бы то ни было диалог и компромисс с оппозицией в течение длительных исторических периодов оказывается удивительно жизнеспособной в умах руководителей нашей страны. И в самом деле, какие непримиримые противоречия были у центральной власти с Прикамскими рабочими и крестьянами в 1918 г.? Видимо, в тех условиях власти было проще всего облить Ижевцев-Воткинцев всех скопом «белой» краской, вытеснить их за Каму, а их имущество объявить «вражеским» и безвозмездно изъять. Увы, при наличии в любом сообществе патологических паразитов, нетерпимых к чужому мнению и завистливых к соседскому достатку, лозунг «отобрать и поделить» находил и будет находить своих приверженцев среди тех «Шариковых-Швондеров», которые собственным трудом себя обеспечивать не желают. Вероятно, отношение именно к этому лозунгу и лежало в основе разделения трудового коллектива, итогом которого был и исход «отступленцев», и постепенное, но фатальное перерождение Воткинского завода, да и города в целом.

Но предоставим читателю самому решить, насколько означенные здесь гипотезы нашли обоснования в ходе наших изысканий.

Мы посчитали бы свою задачу исполненной, когда наш образованный читатель, дойдя до последней страницы, сказал бы себе: «Многое осталось не ясно с этим Восстанием. Надо подумать и разобраться...» И это было бы прекрасно, ведь образованность - это не сумма механически набранной информации, а жизненный опыт, полученный при самостоятельном добывании знаний! Конечно, наша книжка - не ребус, и никаких загадок мы в ней не спрятали, но воспринимать её можно лишь целиком: информация и аргументация глав во многом пересекается и основана друг на друге.

И последнее предварительное замечание: мы намеренно избегаем высокоучёной формы изложения, за которой так часто бывает скрыто пустое наукообразие. Разумеется, по содержанию книги мы следуем стандарту научной публикации: формируемые нами гипотезы сопровождаются системой аргументов и завершаются выводами о степени их доказанности. Тут намечаются и пути дальнейших исследований. Одним словом, мы лишь хотели рассказать о сложных вопросах нашей истории максимально просто, общаясь с читателем на разговорном языке, пусть порой и с употреблением «приниженной лексики». Как получилось - судите сами.

*В нас дух наших предков великих,
Служивших родимой стране,
Нас с неба приветствуют лики
Погибших в жестокой войне...*
[Песня Воткинцев]

ВОТКИНСК- НАША ГОРДОСТЬ и ПАМЯТЬ

Город Воткинск, как и множество Уральских городов-заводов лежит на берегах пруда. Но пруд этот, имея величину в десяток километров, воспринимается вовсе не как скучный технологический водоём, а имеет собственную душу.

Издавна пруд был своеобразной городской центральной площадью, по которой зимой проходили рабочие, а летом возили энергоносители для завода и иные грузы. Пруд был излюбленным местом для лодочных прогулок в праздничные дни. Его широкая гладь как-то подсознательно призывает к свободе во всех её проявлениях и зовёт к преодолению пространства. Мне городской пруд, видный в прежние годы едва ли не с любой точки города, казался кусочком моря и как-то интриговал, но лишь теперь я понимаю, что в этой массе воды есть и несомненная эстетическая ценность. Наверное, не даром на Воткинский пруд выходят окна дома, где родился и провёл детские годы гений Русской земли П.И.Чайковский.

Мне довелось когда-то жить в Воткинске несколько лет и работать. Поэтому я хоть чуть-чуть, но считаю себя воткинцем и счастлив тем, что могу обратиться к истории этого города-завода.

Сколько было кораблей?

К началу XX века Воткинск становится известен образованному Россиянину не только как родина композитора П.И.Чайковского: он знаменит, прежде всего, своим казённым машиностроительным заводом, который имеет несколько производств. Предприятие делает плуги и бороны, якоря и рельсы, строит мосты¹, выпускает паровозы и пароходы. Такая диверсификация производств была обычной для многих машиностроительных заводов, но строительство речных и морских судов в «сухопутном» городе, который не стоит даже на су-

¹ Мосты воткинской выделки до сих пор исправно служат на Неве, Каме, Иртыше, Оби, Амуре и множестве других больших и малых рек.

доходной реке парадоксально лишь на первый взгляд: сплав судов производился в весеннее половодье по речкам Вотке, Сиве и далее по Каме. И в качестве общепризнанного постулата в современной литературе циркулирует указание, что судостроение на Воткинском заводе имело в качестве результата постройку около четырёхсот изделий.² Показатель весьма внушительный, если учесть, что корабли эти имели металлические корпуса, котлы и паровые двигатели, которые, как правило, были созданы на этом же заводе. Впрочем, вопрос о точном количестве судов, выпущенных как собственно в Воткинске, так и в судостроительных филиалах завода, расположенных порой в тысячах вёрст от основной площадки – в г.Томске и в посёлке Кокуй на р.Шилке в бассейне р. Амур, на верфях Феодосии, Архангельска и Котласа представляется малоисследованным так как, кажется, пока ещё никем специально не изучался.³ С другой стороны, известно, что не все суда были сделаны трудом воткинских мастеровых в полном комплекте: иногда завод выпускал лишь котёл и (или) паровую машину или только корпус для того или иного парохода. Но, кажется, и никакого генерального исследования, посвящённого истории судостроения на данном предприятии, несмотря на значительный объём производства и продолжительный период работы завода историки пока не опубликовали. Можно лишь предполагать, что цифра «400» появилась в публикациях после того, как кто-то из исследователей в угловом штампе чертежа трубопровода датированного Техническим

² См. напр.: Воротов А. Воткинские корабли./Воткинск. Летопись событий и фактов.- Устинов, «Удмуртия», 1985. С. 43-45.

Роднов Л.И. У истоков Воткинского судостроения. Режим доступа: http://levrodnov.narod.ru/zol_larec/larecz_pdf/03.pdf

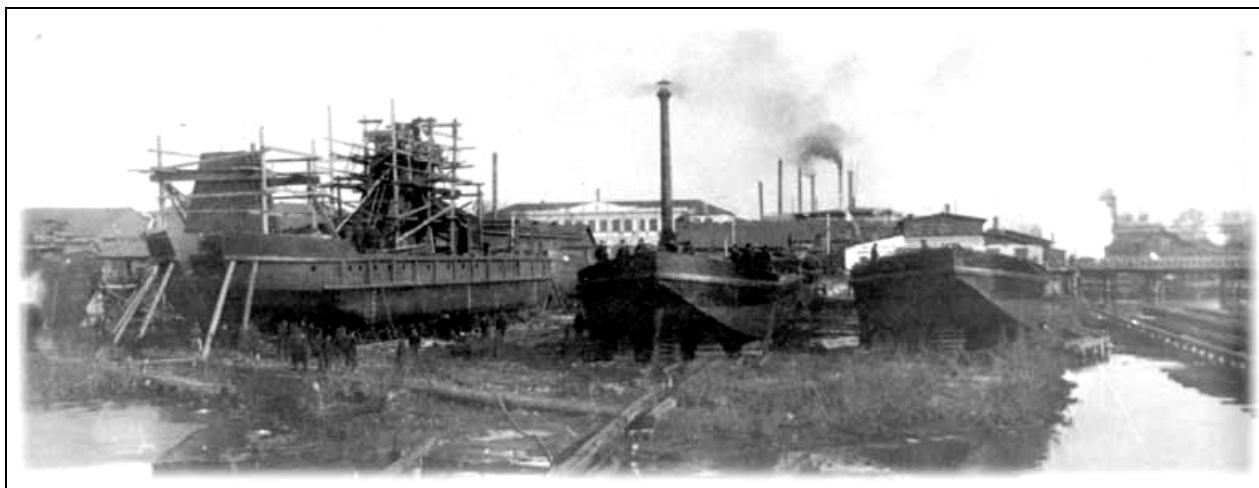
Также см. официальный сайт завода: <http://www.vzavod.ru/rus/news5.php> и статью написанную на основании фондов ЦГА УР: Красильникова Н.А. Пароход белый-беленький. Режим доступа: <http://gasur.narod.ru/cga/publications/pub0401.htm>

В то же время в капитальной монографии И.А.Шубина, посвящённой истории судоходства в бассейне Волги сказано, что « За всё время существования судостроительного отделения заводом было построено более 20 буксирных пароходов и более 10 пассажирских [2, с. 832]. Поэтому обоснование общего числа выпущенных судов, как самоходных, так и несамоходных должно стать темой отдельного исследования.

Пожалуй, наиболее содержательный очерк судостроения в Воткинске в XX веке можно найти в книге Игоря Анатольевича Добровольского (См. список лит-ры, № 11.). Автор не только описывает технические параметры судов, но и подробно обосновывает приоритет воткинских корабелов в разработке и внедрении эффективных паровых котлов пролётного типа, совершенных распределительных механизмов и других устройств, которые надолго опередили своё время. А разработанные здесь пароходы типа «Азия» в Советское время выпускались Сормовским заводом под маркой «Валерий Чкалов».

³ О постройке судов в филиалах завода в Томске и Кокуе см. подробнее : Иднакар: методы историко-культурной реконструкции [Текст]. № 3 (10): Митюков Н.В., Лапшин Р.В. Удмуртские названия в морском и речном флоте России. – Ижевск, 2010. – 76 с. Режим доступа: [www.http://idnakar.ru](http://www.idnakar.ru)

бюро 22.06. 1918 г. увидел номер судна 365-366?⁴ Впрочем, двойная нумерация судна уже наводит на мысль о маловероятности прямого соответствия учётного номера количеству изделий.

Судоверфь на основной площадке Воткинского завода, 1909 г.

Судостроение началось у нас в середине XIX в., когда во главе Воткинского завода стоял Илья Петрович Чайковский. Этот период находит отражение в литературе (см. сноску 1). В начале века двадцатого производство судов достигает на казённом заводе своего расцвета (хотя и является для предприятия планово убыточной отраслью⁵), но завершающий этап его историками не опи-

⁴ См. ЦГА УР Д. Р-785, Оп. 1т, Д. 5 Трубопровод колесного парохода по заказу Министерства транспорта и промышленности.

⁵ Вопрос о доходности различных производств Воткинского завода и об убыточности судостроения был тщательно проанализирован экономистом И.Х. Озеровым, который опубликовал соответствующую работу ещё в 1910 г. [1] Он приводит весьма впечатляющие цифры убытков, которые завод несёт от постройки каждого нового парохода, говорит о нераспорядительности тогдашнего руководства завода, делает вывод о необходимости назначения на завод Сенатской комиссии, упоминая о том, что вопрос о закрытии судостроения, да и всего завода неоднократно поднимался инстанциями уже в то время. В качестве меры по снижению убытков он предлагает упростить производство, уменьшив номенклатуру покупных комплектующих и отказаться от выпуска двигателей оставив на заводе лишь производство корпусов и строительство самоходных судов. По его мнению, производство в Воткинске является доиндустриальным, не капиталистическим, и единственным мотивом, который поддаётся объяснению является сохранение производственного коллектива путём обеспечения его работой даже за счёт дотаций из госбюджета. Стоит, однако, вспомнить, что государство поддерживает некоторые убыточные производства из стратегических соображений, а производство любых вооружений на казённых заводах является делом убыточным по определению. Средства ведения войны в ходе войны бесполезно истрачиваются, не принося людям никакой пользы, но обеспечивая таким образом существование государства. Так, производство ракет на теперешнем Воткинском заводе по госзаказу полностью оплачивается казной, а производимые при этом на заводе товары народного потребления могут продаваться и ниже себе-

сан. Возможно, причина данной ситуации в том, что источниковая база по данному периоду весьма специфична. Разумеется, архивный фонд по судостроению на Воткинском заводе сформировался в нормальных условиях: здесь хранилась переписка с заказчиками, планы и технические задания, чертежи и иная техническая документация, расчёты необходимой рабочей силы и пр. И, в соответствии с обычной исследовательской практикой было бы куда как просто взять эти документы и написать по ним историю: какой пароход, кем и когда был построен, каковы были его технические характеристики и пр. Но особенность корпуса источников по теме в том, что документы, отложившиеся в начале века, в заводских архивах сохранились лишь выборочно, и даже само разыскание их в иногородних архивах, добывание фрагментов данных из посторонних дел и сведение их в единую картину становится детективной историей. Отмеченное обстоятельство поневоле вынуждает нас расширить источниковую базу исследования и обратиться не только к архивным фондам Воткинского завода, но и использовать в качестве базы данных газетные публикации, воспоминания очевидцев, аналитические работы и судовые регистры начала XX века.

Итак, период времени, когда Воткинский завод производил пароходы, известен. Считается, что после Гражданской войны судостроительное производство здесь прекратилось и не возобновилось уже больше никогда, хотя завод после нескольких лет консервации и переоснащения получил перепрофилирование и развивался уже как производитель артиллерийских систем, а впоследствии и ракетной техники.

Очевидно, что те или иные производства, да и целые предприятия закрываются по различным причинам. Это может быть отсутствие спроса на производимую продукцию (например, по причине начавшейся войны), финансовое банкротство (например, вследствие неграмотного управления оборотными средствами предприятия), износ или утрата основных средств производства (например, в результате пожара), отсутствие требуемой рабочей силы (например, в результате массового призыва работников в армию) и др.

Но когда и почему хорошо налаженное производство в Воткинске было прекращено? Отчего оно так и не возобновилось в мирное время, несмотря на наличие инфраструктуры, металла, энергии, развитой металлообработки на заводе и вопреки тому, что такое производство было весьма востребованным, а

стоимости. Но и в то время, Воткинский завод предлагая свои пароходы на рынке по низким ценам, способствовал общему снижению уровня цен, умеряя аппетиты частных судостроителей. С другой стороны, как мы увидим далее, с началом войны производительные силы завода были успешно перепрофилированы на производство артиллерийского вооружения. Иными словами, заводской коллектив был своеобразным резервом квалифицированной рабочей силы на случай войны.

заказы на производство пароходов в нашей стране существовали ещё полвека? Заметим сразу, что бытующая до сих пор в литературе точка зрения, будто судостроение на заводе прекратилось вследствие «разрухи», представляется нам вульгарным упрощением, от которого веет унылым фатализмом. Полагаем, что ответ на поставленный вопрос можно найти, обратившись к истории Российского и воткинского судостроения предреволюционных лет и чуть подробнее рассмотрев события Ижевско-Воткинского восстания августа-ноября 1918 г. и Гражданской войны в целом.

Условия Волго-Камского судоходства и судостроения в предреволюционное десятилетие.

Справедливости ради следует отметить, что тревожные признаки нездоровья судостроительной отрасли на заводе отмечались уже в первые десятилетия XX века. Пресса тех лет содержит множество «сенсационных» публикаций, которые негативно сказываются на имидже Воткинского завода. Приведём некоторые из них:⁶

Сплав и достройка Воткинских грузовых теплоходов в Галево.

Из строящихся с 1908 года на заводе пяти теплоходов, ныне, в минувшем апреле, сплавляли на Каму остальные два теплохода, протаскивая их по речкам Вотке и Сиве рабочими завода. Во время сплава теплоходы не раз застревали, и чуть было совсем не застряли в мелководной и неудобной Сиве. Рабочие промокшие и озябшие до костей в весенней холодной воде, многие простудились, причем один во время сплава утонул. Несмотря на поиски, труп до сих пор разыскать не могут. Теплоходы теперь стоят на Галевской пристани и перестраиваются. Достройку думают закончить к июлю, но едва ли удастся, т.к. для одного из них не получена еще машина. Теплоходы находятся под бдительным оком Галевского караванного инженера Епифанова, который охраняя и оберегая их от всякой силы вражия, воспретил проход по берегу мимо теплоходов и даже проезд по Каме, боясь, видимо, дабы не подпустили мину. Но, пока, что, а над теплоходами опять стряслась беда. Караванный воевода проспал и не досмотрел за теплоходами, не зная, что вода в Каме сильно пошла на убыль и, несчастные теплоходы обсохли в ночь на 12-е мая, на берегу, как раки на мели, накренившись, как контуженный инвалид на свои костыли. С берегу их стаскивали народом, при помощи казенного парохода «Ретвизан», для чего завозили якоря, подавали буксиры, чалки и выхаживали на шпиль, с припевом все той же «дубинушки». — Так возились до поздней ночи, наконец теплоходы с мели сняли и воевода просиял, как утренняя заря. *(Опубликовано в мае 1911 года в газете «Прикамская жизнь».)*

⁶ Благодарю ижевского краеведа и литератора Сергея Жилина за предоставленную им подборку газетных публикаций о Воткинском заводе. Приведённые здесь статьи издательского характера были вполне обычны для демократической прессы того времени, которая не пы-

1911 г., ноябрь. Итоги постройки грузовых теплоходов Воткинским заводом.

Пять теплоходов, построенных Воткинским заводом, принесли заводу 220,000 руб. убытка. Убыток только от трех теплоходов Кожевникова достигает цифры в 140,000 руб. «Проработка» считается в Воткинске обычным явлением, о котором, пожалуй, не стоит и говорить. Могло ли быть иначе, если теплоходы построены Воткинским заводом? Строитель теплоходов, корабельный инженер Р. П. Бломериус, вероятно нашел, что, сколько не служи на Воткинском заводе, а этого рекорда убыточности не побьешь. Он оставляет службу и, по его словам, на днях едет служить на Коломенский завод. 5-го ноября был устроен прощальный обед с речами. 7-го ноября на сцену явился казенный фотографический аппарат. Пластика запечатлела г-на Бломериуса и чертежников технического бюро. *(Опубликовано в ноябре 1911 года в газете «Прикамская жизнь».)*

Воткинский завод. Ловля теплоходов.

По заказу Г. В. Кожевникова Воткинским заводом были изготовлены в 1910 г. для «Камского Паевого Т-ва» пять грузовых теплоходов грузоподъемностью каждый 95 тыс. пуд. ценою 135 тыс. руб. за теплоход. Ныне теплоходы эксплуатируются акционер. О-вом «И. Любимов и Ко», где г-н Кожевников состоит директором правления. Не получая от заказчика очередных платежей, обусловленных маклерской <запиской>, завод вынужден был отобрать теплоходы от общества, и вот в течении трех недель происходит на Каме «ловля» теплоходов юрисконсульту завода г. Оттенсон. Несмотря на всевозможные ухищрения пароходства улизнуть от ареста и доставить срочные грузы по назначению, заводу удалось «накрыть» 18 сентября около Перми два теплохода: «В. Л. Тимирязев» и «П. А. Столыпин». Первый шел с грузом 70 000 пудов, второй же был загружен до предельной осадки, причем часть груза перед прохождением мотовилихинского переката была размещена на буксирном пароходе «Пермяк». Теплоход направлялся из Левшина вниз и был застигнут судебной властью в момент перегрузки товара с парохода. Машины и штурвалы были опечатаны, теплоходы с злополучными грузами приведены в Пермь и сданы на хранение акц. об-ву «И. Любимов и Ко». *(Опубликовано в сентябре 1913 года в газете «Сарапульская Кама».)*

В книге И.А.Шубина содержатся технические описания той неудачной серии теплоходов: «Завод, не преследуя строго коммерческих целей и имея в виду дать работу заводскому населению принимает заказы за очень низкую цену, но судостроительные работы его не отличались особенно высокими достоинствами, поэтому заказов было не так много... В 1910 г. завод сделал попытку постройки теплоходов выпустив в навигацию 5 больших двухвинтовых товарных теплоходов с машиной шведского завода Локке по заказу Кожевникова, но постройка вышла настолько неудачна, что заказчик отказался принять суда, и позднее они были проданы с большой скидкой пароходству Любимовых, а, в

талась, да и сейчас зачастую не пытается проникнуть в мотивы управленческих решений того

конце концов, переделаны в баржи» [2, с. 832-833]. «Суда были размером 280х42х20 футов (85,3х12,8х6,1 м.- А.К.) с трёхцилиндровыми машинами системы Локке изготовленных шведским заводом Вейланд в Стокгольме мощностью...270-249 эффективных сил. Постройка, однако, вышла не из удачных: суда были очень тихоходны... [2, с. 692]

Зададимся вопросами: отчего строительство данной серии из пяти судов оказалось убыточным, судостроение приносило убытки по крайней мере полтора десятилетия, а завод тем не менее, не «прогорел»?

Экономическая подоплёка деятельности Уральских казённых заводов периода первого десятилетия прошлого века в целом и Воткинского завода в частности подробно описана в книге экономиста И.Х.Озерова, которая увидела свет синхронно с цитированными газетными заметками. Её автор в течение полутора месяцев изучал положение дел на местах, собрал обширный статистический материал и сделал свои выводы о причинах неэффективности и убыточности казённых заводов Урала. Несколько глав книги посвящено анализу отдельных производств Воткинского завода, в том числе и судостроительного. Кратко остановимся для рассмотрения данных экономического исследования столетней давности.

Итак, И.Х. Озеров, обладавший несомненным талантом публициста, ярко описывает «нелогичность» тогдашней экономической ситуации, которая сложилась с казёнными заводами. Пишет он, зачастую в «псевдосенсационном» стиле следующее: Мотовилихинский пушечный завод (г. Пермь), работавший в тесной кооперации с Воткинским заводом за 1907-1908 год принёс казне 2.500.000 рублей убытка. Автор делит эту сумму на число работающих на заводе (5000 чел.) и получает по 500 руб. в год на одного работающего. Он утверждает, что при таком раскладе завод вообще можно было бы закрыть, а каждому работнику просто платить пенсию в объёме его личного убытка (500 руб.), или дать всем рабочим высшее образование, ибо эта сумма в 500 руб. намного превышает и тогдашнюю зарплату рабочего за год, и стипендию студента. [1, с. 119]

Но если отставить эмоции и посмотреть на дело трезво, то по данным того же Озерова, причины убытков здесь вполне уважительны, и логика в действиях правительства присутствует: во-первых, казна оплачивала Мотовилихинскому заводу трёхдюймовые пушки в сумме 3150 руб. за штуку, при том, что точно такие же пушки она закупала у Путиловского завода в Петербурге за 4100 руб. [1, с.136]. Заметим, однако, что в случае с Мотовилихой в результате сделки и завод остаётся в казне, и произведённые им пушки. То есть казне по большому

или иного руководителя.

счёту не важно, сколько денег по бумагам перейдёт туда-сюда. Напомним читателю, что Путиловский завод, будучи крупнейшим в России машиностроительным предприятием, находился в частных руках (являлся акционерным обществом) и имел передовое техническое оснащение. Акции его котировались на мировых биржах. Соответственно, и выплаченные заводу деньги из казны уходили в руки частных акционеров. Иными словами, если сравнивать цены на закупаемые казной пушки, то можно сделать лишь 2 предположения: во-первых правительство дотировало производство артсистем на казённом Мотовилихинском предприятии путём списания ему долгов, а, во-вторых, оно своим волевым решением искусственно поддерживало повышенную рентабельность и, следовательно, инвестиционную привлекательность частного Путиловского завода. Но такое прямое дотирование частного Путиловского завода казной недовольства экономиста-рыночника И.Х.Озерова отчего-то не вызывает...

Второй причиной убыточности казённых заводов Озеров указывает частую смену номенклатуры выпускаемых на них изделий. [1, с. 136] Но тут вообще сказать нечего: всякий, работавший на производстве знает, что освоение новых изделий- это дело по определению всегда затратное и на первых порах мало-прибыльное; гнать вал многотысячными партиями по отработанной технологии куда как проще, чем тратить время и средства на научные исследования и опытно-конструкторские разработки которые могут быть удачны, а могут и не привести к ожидаемому от них экономическому эффекту; первопроходец всегда и во всём рискует. И даже в странах, где есть развитая рыночная экономика, государство берёт на себя покрытие этого риска и финансирует НИОКР либо путём дотаций, либо в форме грантов и стипендий. Без этого технический прогресс просто кончится. Что уж говорить о технически отсталой России?

В самом деле, если говорить о строительстве той пресловутой партии из пяти теплоходов с винтовым двигателем на Воткинском заводе, то следует признать, что первый эксперимент не был удачен хотя бы потому, что опыта строительства судов для наших условий в мире тогда почти не было. Поясним ситуацию чуть более подробно: Волга и Кама в то время, до строительства каскада гидроузлов имели многочисленные перемещающиеся в пределах навигации пороги и мели с глубиной менее метра, и обычной осадкой для Волго-Камских судов того времени была величина всего лишь в один аршин, т.е. около 0,7 м.! Суда имели длинные и широкие корпуса распластанного профиля. Технический флот Волго-Камья был тогда сравнительно малочисленен, а дноуглубительные работы, оплачиваемые казной весьма затратны на протяжённых маршрутах. Оттого подавляющая масса Волго-Камских судов не зря имела колёсные двигатели: плиты колёс гребут по верху, не опускаясь ниже днища судна, и не

могут сломаться, даже если судно ударится о неизвестный перекаат или сядет на мель. Иное дело винтовой движитель: если конструктор поместит винт ниже днища, то такой винт будет отломлен на перекаате, а будучи расположен за широкой кормой судна, в зоне «гидродинамической тени» гребной винт становится малоэффективен. Лишь приобретя определённый опыт, речные судостроители научились помещать винт выше уровня днища судна либо в специальном туннеле, либо в вырезе транца, или под длинным свесом кормы, чтобы он и грёб эффективно, и сломаться не мог. Но всё это случилось гораздо позже первой партии Воткинских винтовых пароходов. Конечно же, в то время существовали своеобразные альбомы размерений и чертежей основных параметров и деталей наиболее востребованных типов, и всякое вновь построенное судно вносилось в регистр лишь в случае, если оно попадало под стандарты своего типа. Однако заводские судостроители не могли, как теперь говорят, «тупо» взять и скопировать те или иные чертежи из альбома хотя бы потому, что стандартом для нашего речного судостроения был так называемый «Германский Ллойд», а в Германии условия судоходства совсем иные, и нашим корабелям приходилось типовые чертежи к ним адаптировать: например, закладывать в конструкцию корпуса резерв прочности для плавания в условиях, когда по реке идёт «шуга», т.е. плавающий лёд перед ледоставом или для того, чтобы судно не развалилось на куски, когда его станут сдёргивать буксиром с перекаата.

Вернёмся, однако, к экономической ситуации на Воткинском заводе. Вообще, состояние в казённом ведомстве, подчинённость Горному уставу для завода выливались в необходимость следовать жёстким требованиям, которые были ему предписаны. Если сказать кратко, то каждый казённый завод получал от государства ежегодно сумму на содержание и наряд на производство продукции (говоря современным языком, госзаказ). За выполнением бюджета Воткинского завода следила Пермская Контрольная палата, перед которой он постоянно отчитывался. Завод мог делать суда и по частным заказам, но рыночные условия для него были весьма ограничены: во-первых, приисканием заказов для завода мог заниматься лишь один посредник- маклерская контора некоего Износкова, а каждый самостоятельно найденный заказ и его условия необходимо было согласовывать с вышестоящей инстанцией. В соответствии с Горным Уставом Руководитель предприятия имел лимит единовременной сделки, и за визой на расходование средств свыше 150 руб. обращался с письменным отношением к Начальнику горного округа. По Уставу завод не мог принимать предоплату за заказанные ему изделия и лишался, таким образом, источника оборотных средств. Все платежи за произведённые заводом изделия поступали на его счёт в

Казённую палату, но расходовать их он не мог до утверждения нового годового бюджета. При израсходовании отпущенного ему годового бюджета завод, даже при наличии заказов просто останавливался. Обеспечение кадрами также осложнялось таким пережитком, как Табель о рангах: чтобы принять на работу инженера, назначить начальника цеха или заместителя директора руководитель предприятия должен был ходатайствовать перед инстанциями об издании Высочайшего царского указа о присвоении специалисту классного чина определённого его должностью, а потом месяцами этого Указа ожидать [1, с. 121-123].

Отмеченные пережитки, которые никак не назовёшь иначе, как феодальными делами производства на казённом предприятии процессом, который не поддавался логическому объяснению с точки зрения «нормальной», рыночной экономики.

Мы отметили, что производство паровозов у нас было убыточным. Но, может быть, убыток покрывался другими, эффективными производствами? Посмотрим, как обстояло дело с паровозами. И.Х.Озеров приводит такие цифры: с 1896 по 1909 г. Воткинский завод сдал 345 паровозов по цеховой цене (т.е. себестоимости) за 11.189.693 руб., при условной (т.е. закупочной) цене 11.825.820. [1, с. 155] Казна заплатила заводу больше, чем завод израсходовал на производство. Разница составила 632.127 руб. Это приблизительно по 46.000 руб. прибыли в год... Но является ли эта сумма, полученная государственным заводом прибылью государственной? Однозначно нет: по Озерову себестоимость одного паровоза составляла 28.000 руб., а казна закупала их по 33.000 руб. за штуку, при том, что закупка тех же паровозов на Сормовском и Путиловском заводах обходилась в 22.500 руб. за штуку. [1, с. 156].

Иными словами, на каждом Воткинском паровозе казна переплачивала до трети от его рыночной цены. Тем не менее, даже при столь льготных условиях оплаты продукции, за 1904-1908 г. содержание, полученное Заводом от казны составило 17.868.000 руб., а убыток завода составил 2.500.000 руб. [1, с. 154] Откуда же возникла эта сумма в 17% убытка? Это не только убытки собственно производства, а расходы по содержанию т.н. социальной сферы. По данной Пермской Контрольной палаты только выдача бесплатных лесоматериалов работникам завода (а дрова в тот период были единственным энергоносителем для отопления жилого фонда) обошлась казне в 137.000 руб. [1, с. 153].

За первое десятилетие XX века завод сдал около сотни судов разного класса, принесся казне убыток по разным методикам подсчёта от 800.000 до 1.300.000 руб. Много судов, отпущенных в кредит было отобрано у заказчиков: в 1908 г. у завода оказалась целая флотилия из восьми отобранных судов, но, тем не менее, на январь 1909 г. за частными лицами ещё оставалось около двух миллионов

рублей долга за неоплаченные суда. [1, с. 160] Иными словами, по факту государственная казна того времени на несколько лет кредитовала частных судовладельцев предоставляя им в пользование неоплаченные суда Воткинской постройки.

Разумеется, завод имел резервы по снижению себестоимости за счёт рационализации внутрицеховых перемещений, внутризаводских и кооперационных перевозок, за счёт наведения порядка в складском и инструментальном хозяйстве и пр. Но зачем и кому было этим заниматься в условиях дотационности предприятия, уравниловки в оплате труда внутри тарифной сетки и отсутствии премиальной системы?

Интересно, что в начале прошлого века появлялись идеи конверсии предприятия: завод предполагалось «скрыть», а рабочих обратить в крестьян.

И.Х.Озеров приводит такие цифры: из имеющихся в поселке 4135 дворов своего сельхозинвентаря не имели 3158 дворов. Снабжение инвентарём, выдача продовольственной ссуды, семенной ссуды, денег на строительство надворных построек оценивалось для казны в 6.400.000 руб. суммарно. Однако нереальность этого шага в условиях нашей зоны рискованного земледелия понимали тогда все. Автор приводит слова одного из рабочих «Деньги –то мы возьмём, да что из этого выйдет?» [1, с. 45-47]

Что же было делать? И.Х.Озеров приходит к неутешительному выводу: «существование завода оправдывают как регулятора цен и тем, что он даёт заработок населению...железнодорожные мосты были прежде по 4 руб. за пуд, а благодаря Воткинскому заводу понизились в цене до 2р. 80 коп. за пуд. ...Судостроительные заводы Любимова много лет существовавшие в Перми закрылись, найдя в Воткинске дешёвого судостроителя...Заводу следовало бы сосредоточиться на постройке паровозов, мостов и железнодорожных скреплений, сельскохозяйственных орудий, но не пароходов столь роковых для него...» [1, с. 163-167]

Кама матушка-река

И прогрессивный экономист-публицист И.Х.Озеров в 1910 г., и газетчики-демократы того периода, и серьёзный исследователь И.А.Шубин в монографии изданной в 1927г., видимо, решали одну задачу: они изобличали нелепости и пережитки самодержавного строя, и изображали едва ли не всякого государственного начальника дураком уже в силу того, что он начальник. Как говорится, они таким образом «царский трон расшатывали». Тем не менее, то-

гдашнее руководство страны, как мы покажем далее, вполне сознательно поддерживало и работу речного флота, и строительство судов для него на казённых предприятиях и, соответственно, стабильность трудовых коллективов.

Архивные дела фонда Воткинского завода содержат подробную информацию о том, насколько неприбыльно для завода и казны был организован сбыт упомянутых выше пароходов и продукции судостроения в целом. Так, вышеназванному обществу «Иван Иванович Любимов и К^о» в июне 1909 г. по нотариальному реестру были переданы пароходы: «Павел Петрович Боклевский», «Василий Иванович Тимирязев», «Николай Николаевич Курмаков», «Инженер Износков», «Пётр Аркадьевич Столыпин» [3, с. 44], а, кроме того, пароходы «Боец» и «Кунгур», баржи «Солнце», «Луна», «Звезда», «Лето», «Весна» [3, с. 185]. Владелец получил их в кредит с рассрочкой платежа. Однако платежи он задерживал, а в ходе начавшейся Первой Мировой войны задержки приняли систематический характер, хотя завод принимал адекватные меры к взысканию задолженности; так упомянутый выше пароход «В.И.Тимирязев» повторно временно арестовывался в Галёве в августе 1915 г. Тогда владелец послал на завод негодующую телеграмму с требованием судно отпустить, так как оно везёт военные грузы, а денег он в казну не платит потому, что ему казна за перевозку ещё больше задолжала. И судно было отпущено ... [3, с. 36-40] Такая вот экономика взаимозачёта (!)

Эти и другие проданные как бы в кредит, либо отданные на условиях как бы аренды суда по многу лет плавали под чужими флагами, но продолжали числиться по речным регистрам за Воткинским заводом, и на нём лежала ответственность по их страхованию. Поэтому завод состоял в переписке с хозяйствующими субъектами, которые эксплуатировали неоплаченные суда, и просил внести хотя бы обусловленную контрактом оплату страховки. Но никаких решительных мер к должникам государственные органы более не принимали. При чтении архивного дела складывается впечатление, что и завод и контролирующие его инстанции просто махнули рукой на эти убытки. Тем не менее, по вышеназванным пароходам и баржам вялая переписка относительно их страховки длилась до декабря 1918г., когда суда окончательно выходят из-под заводской юрисдикции и начинают бесплатно использоваться национализированным акционерным обществом «Иван Любимов»⁷ [3, с. 196].

В предвоенные годы ситуация для судоходства и судостроения в Волжском бассейне вообще складывалась неудачно. И если бы не поддержка государства, то негативные последствия были бы ещё тяжелее. Так, «вследствие пониженного

⁷ Пароход «П.А.Столыпин» в октябре-ноябре 1918г. Входил в состав Галёвской флотилии Воткинской Народной армии.

урожая 1911г. в течение всей первой половины навигации 1912 г. почти отсутствовали хлебные грузы: заготовка хлебов на пристанях составляла лишь 22,4 млн. пудов или всего 30,6 % от средней цифры заготовки четырёх предшествующих лет. Сократилось также предложение нефтяных грузов вследствие понижения добычи на промыслах Апшеронского полуострова. Вторая половина навигации была в значительной мере испорчена усиленным спадом воды, вызвавшим простои на мелях и перекатах и частые аварии судов. При таких условиях в конце сентября внезапно наступили холода, а 10 октября температура упала до 11 градусов ниже нуля...многие затоны на Волге и Каме оказались нерасчищенными, и ими нельзя было воспользоваться для защиты судов, а на ряде участков пути была преждевременно снята <судовая> обстановка, и, таким образом, судоходство было брошено на произвол судьбы. Огромная масса судов была захвачена ледоставом в пути и зазимовала в открытых плесах.⁸ По произведённому позднее обследованию таких судов только на трёх реках-Волге, Каме и Белой оказалось свыше 1900...С открытием навигации 1913 г. только в Рыбинске сорвало почти все суда, из которых потерпели аварию до 200 единиц...25 мая 1914 г. вспыхнул от неизвестной причины пожар на товаро-пассажирском теплоходе «Савин» Волжско-Камского коммерческого пароходства, стоявшем у верховой саратовской пристани....Минут через 10 начала загораться пристань и кто-то распорядился отрубить на «Савине» чалки. Горящий пароход отделился от пристани и двинулся вниз по линии пристаней, зажигая их одну за другой. Постепенно загорелись пристани общества «Самолёт», Восточного общества, «Кавказ и Меркурий», «Общества по Волге» и общества «Русь», а затем пожар перекинулся на береговые товарные склады...Убытки определялись до миллиона рублей. Не обошлось, конечно, и без человеческих жертв.»[2 с. 677- 679].

Для первого десятилетия XX века характерным явилось резкое повышение цен на энергоносители- мазут, которым отапливались паровые котлы пароходов и дизельное топливо для теплоходов. Это было вызвано монополизацией нефтепромышленных предприятий и сосредоточением нефтяной промышленности в руках нескольких олигархических групп, а также забастовками рабочих на бакинских промыслах. Так, отпускные цены на мазут в Баку росли следующим

⁸ Для защиты судов от ледохода были произведены работы на общую сумму 450.000 р. из которых 300.000 р. казна приняла на свой счёт. Иными словами, руководство страны дотировало Волжское судоходство на эту сумму. Без этих затрат уничтожение флота ледоходом привело бы к негативным социальным последствиям. [2, с. 678]. Данное обстоятельство, даже без апелляции к широкому множеству источников позволяет предполагать, что Волжское судостроение и судоходство в рассматриваемый период были дотационными, то есть планово

образом, показав почти тройной рост за 4 предвоенных года:

1910г. – 15,5 копеек за пуд.

1911г. – 21,69 к.

1912г. – 34,82 к.

1913г. – 342,29 к.

1914г. – 42,5 к. [1, с. 679-680]

В навигацию 1915 г. цена была объявлена для Астрахани в 48 коп. Постановлением Правительства от 30 января 1916 г. цена была зафиксирована на этом уровне, и одновременно были введены твёрдые ставки за доставку энергоносителей до речных портов и уголовное наказание за нарушение ценового предела. Таким образом, в Сарапуле, например, этот же мазут приходилось приобретать уже по цене 70 копеек за пуд. [2, с. 681] следовательно, меры государственного регулирования защищали речной транспорт от разорения естественными монополистами.

Тем не менее, в сложившихся условиях могли выживать лишь крупные доходные предприятия, способные покупать топливо оптом или содержать собственный флот наливных судов, а множество мелких частных владельцев прекращают свою деятельность. Однако и крупные компании испытывают финансовые затруднения: причиной было общее вздорожание жизни, вызванное ростом цен на энергоносители. А с началом войны стало сказываться и вздорожание рабочих рук вследствие массового призыва в войска. Приведём таблицу динамики доходов по трём компаниям, которые были заказчиками Воткинского завода [2, с. 729-731] :

Название компании	+ прибыль - убыток за 1911 г. тыс. руб	+ прибыль - убыток за 1912 г. тыс. руб	+ прибыль - убыток за 1913г. тыс. руб	+ прибыль - убыток за 1914 г. тыс. руб	+ прибыль - убыток за 1915 г. тыс. руб
«Русь»	+236	+120	-84	+73	+420
«И.Любимов»	+305	+66	-64	-36	-
«Бр. Каменские»	+540	+299	-329	+84	-

Крупные пароходные общества 1910-х годов создавались на кредиты, полученные от банков и с участием банков-акционеров. Поэтому контрольные

убыточными отраслями в Российском народном хозяйстве, и их существование поддерживалось государством вследствие их социальной значимости.

пакеты их акций мало-помалу перемещаются от потомственных судовладельцев к банкирам, а предприятия лишь сохраняют «фамильную» вывеску. Рентабельность речных перевозок падает, и новые владельцы заинтересованы в реинвестировании средств не в обновление флота, а в более доходные и менее рискованные финансовые операции, зачастую никак не связанные с речными перевозками. [2, с. 682-690].

Состав Волжского флота в то время отражает процесс его монополизации: с 1906 по 1912 г. количество паровых судов увеличивается на 9,7 % при одновременном росте средней мощности судов. Т.е. строятся всё более крупные и дорогие пароходы и баржи: количество несамоходных судов при этом уменьшается на 17% при одновременном повышении грузоподъёмности на 15% на судно. Зато в период с 1912 по 1916 г. количество самоходных судов уменьшается на 7%, хотя число несамоходных остаётся на прежнем уровне. Это означает, что прилив вновь построенных судов почти прекращается, и уменьшается грузооборот Волжского флота. [2, с. 732].

Можно обоснованно полагать, что речной флот в условиях царской России поддерживался государством, так как он обеспечивал диверсификацию транспортных путей: Камский речной путь по грузо- и пассажиропотоку даже сравнивали с четырёхколейной железной дорогой [2, с. 750]. А в условиях сравнительной неразвитости железнодорожной сети и при полном отсутствии автомобильного транспорта (и автодорог, соответственно) речной транспорт оставался (а в Сибири и на Севере России до сих пор остаётся) единственным средством доставки грузов и пассажиров. Беда лишь в том, что путь этот действует у нас лишь пол года, а всё остальное время вложенные в него средства «не работают». Понятно, что транспорт является рентабельным лишь при его полной загрузке. А объёмы грузов к перевозке в пред- и революционные годы катастрофически падают.

Так, если в навигацию 1916г. в Волжском бассейне было перевезено 182,8 млн. пудов хлебных грузов, то в 1917 г.- 76,3 млн. пудов, а в 1918 г.- лишь 9,6 млн. пудов. Почти полностью прекратилась и перевозка строительных материалов. [2, с. 848].

Процесс общего угасания Российского судостроения иллюстрируют учётные данные по составу флота к окончанию Гражданской войны: по сводной ведомости паротеплового флота, составленной в 1923 г. суда постройки последнего десятилетия, т.е. с 1913 г. по 1922г. составляли лишь 14%, а по Волге и её при-

тока -12%.⁹ Гораздо больше судов имело дату постройки 1903-1912 г.: 31% в целом по флоту и 28 % по Волжскому бассейну [4, с. 133].

А как означенные явления военного времени отражались на работе Воткинского судостроения?

Характерна судьба построенного здесь ранее буксира «Камский судостроительный завод».¹⁰ В 1915. он был продан на условиях рассрочки платежа судовладельцу В.И.Малышеву, который в том же году перепродал судно акционерному обществу «Русь». В том году общество имело неплохой доход (см. табл. выше) и могло позволить себе это приобретение. Однако затем пришли финансовые трудности, общество не могло выполнить обязательств по покупке буксира и пользовалось им на правах аренды. Переписка о страховании судна и о взыскании просроченных платежей за него в пользу Воткинского завода тянулась до августа 1918г. и кончилась ничем [5].

Итак, в годы войны заказы на гражданские суда от частных заказчиков фактически сошли на нет. Однако проблемы возникали у завода и с казёнными судостроительными заказами. Так, в январе 1914 г. завод получил государственный заказ на постройку 18 механических землечерпательных шаланд объёмом 15 куб. саженей¹¹ и 6 шаланд объёмом 20 куб. саженей системы инженера Рождественского, а также плавучего крана для Астраханского порта. [6] В августе-сентябре 1915 г. кран и только 6 шаланд были сданы заказчику. В том же году были сданы 2 крана грузоподъёмностью 50 т. и 8 баржей грузоподъёмностью 20 т. для Архангельского порта [6, с.108-108 об.].

Пароход имени губернатора

Весьма показательной представляется нам судьбы ещё одного заказа, который вполне можно было бы назвать и государственным и социальным одновременно. В августе 1913 г. завод получает отношение Тобольского губернатора

⁹ Меньший показатель новых судов в Волжском бассейне по сравнению с общероссийскими данными легко объясняется тем, что у нас наиболее «крепкие» суда интенсивно использовались военными флотилиями для боевых действий. И, как следствие, несколько больший процент, чем в целом по стране при этом из них был утрачен.

¹⁰ Буксир, мощность двигателя 60 л/с, машина типа компаунд, длина 170 футов, ширина по миделю 23 фута, высота по борту 7 футов 3 дюйма. Отапливался нефтью. Год постройки- 1903. Пароход использовался для заводских нужд, но вследствие дефицита нефти завод вынужден был его продать и оставить для обслуживания завода аналогичный пароход «Левшино», который отапливался дровами. [5]

¹¹ Тип «Деволант» или «Сергей Шубинский». Длина по палубе 42 м., Ширина по миделю 10 м., Высота борта 2, 6 м., осадка 0,55-1,55 м.

А.А.Станкевича.¹² В документе говорится: «Ввиду территориальных особенностей севера Тобольской губернии вопрос о земском сообщении в пределах Берёзовского уезда¹³ вызвал ходатайство населения о приобретении на его счёт собственного парохода для замены лодочной гоньбы...» [7, с. 1-9] В ходе начавшейся телеграфной переписки были согласованы параметры заказанного судна: длина 134 фута, ширина 22 ф., с кожухами колёс 36,2 ф., высота борта 7 фута 3 дюйма, высота надстройки такая же., паровая машина системы компаунд мощностью в 140 индикаторных сил (ihp), с рабочим давлением до 10 атм. Предусматривалось электрическое освещение судна от динамо-машины и паровой обогрев его помещений. Скорость судна предполагалась не менее 15 км/час., а осадка с полной нагрузкой- около 1 аршина (0,7м.). «Ватерклозет в носовой части должен быть построен с откидным ясеневым сиденьем. Все ватерколозеты должны быть снабжены приборами для обильной промывки и иметь хорошую вентиляцию». [7, с. 19] Воткинский завод подряжался сделать судно к 15 июля следующего, 1914 г. со сдачей его в Тюмени. Стоимость заказа определена в 60 тыс. руб. Заказчик цену согласовал и обратился с просьбой поставить ему дополнительно комплект инструмента и запасных частей для ремонта судна своими силами. Завод выставил цену на этот комплект в 1500 руб. Губернатор снова написал заводу, что пароход и запчасти для него приобретаются «исключительно на средства населения» и попросил цену снизить. Завод с цены на запчасти без слов скинул сразу треть.

28 октября 1913 г. руководство завода телеграфирует директору Горного департамента в Петербург: «Прошу разрешить принять заказ Тобольского губернатора на пароход со сдачей в Тюмени за 61 тысячу. Рассчитываю иметь прибыль около тысячи» [7, с. 28]. Инстанции такое разрешение дают, и завод 10 декабря 1913 года подписывает контракт с заказчиком и начинает изготовление деталей на основной площадке. Заложенный пароход получает имя «А. Станкевич». Но что такое прибыль в одну тысячу рублей за производство изделия ценой в 61 тысячу рублей в течение восьми месяцев (с декабря по июль)? В пересчёте на год это означает рентабельность в объёме около 2,5% годовых. Много это или мало? Для сравнения скажем, что в тот период государство

¹² Андрей Афанасьевич Станкевич (1868-1919?), Имел опыт работы в Переселенческом управлении по реализации аграрной реформы П.А. Столыпина. Губернатор Тобольской губернии в период 1912-1915 г. Летом 1915 г. дал ход полицейскому протоколу о пьяном скандале, который устроил на одном из пароходов Г.Е.Распутин (Новых). С подачи последнего был переведён губернатором в г. Самару. Эпизод с приобретением парохода для нужд населения губернии упомянут в качестве заслуги губернатора в его биографиях.

привлекает средства населения по облигациям госзаймов под 4-5% годовых. Иными словами, даже если завод выполнит заказ вовремя, и оплата за него в казначейство поступит незамедлительно, то сделка эта изначально является для казны планово-убыточной. Соответственно, и заводу, с точки зрения экономической, выгоднее вкладывать средства (если бы у него были собственные средства) не в строительство пароходов, а в ценные бумаги. Вот такая совершенно нерыночная экономика!

В феврале-марте 1914 г. Воткинский завод отправляет по железной дороге детали судового корпуса и командирует в Томск бригады сборщиков. Среди них мастер судового цеха Николай Леонтьевич Бурьгин и слесарь механического цеха Дмитрий Васильевич Чебкасов, о которых пойдёт речь чуть ниже.

А с весны 1914 года всё пошло с этим заказом наперекосяк: половодье затопило подъездные пути и погрузочную площадку на пристани Галёво, и судовая машина для тобольского парохода не была отправлена речным путём для погрузки на железную дорогу на станцию Левшино в Перми. Затем началась Первая мировая война, мобилизация призывников, и железная дорога отказалась принять грузы в Тюмень. Губернатор телеграммой просит ускорить доставку агрегатов для парохода и пишет, что без этого парохода «население терпит убытки» [7, с. 156].

Железная дорога, занятая воинскими перевозками, приняла котёл, паровой двигатель и динамо-машину лишь в сентябре. Тогда же в Тобольск снова едет бригада сборщиков, и среди них тот же Д.В.Чебкасов. В октябре 1914 года машина была смонтирована, но пуск парохода отложен в связи с закрытием навигации.¹⁴

Завод оплачивает хранение судна в Тюмени до весны, и лишь в марте 1915 г. заказчик принял пароход и заплатил первый транш - 40% стоимости заказа в сумме 24400 рублей. Тогда же в Тюмень командировается инженер Николай Семёнович Богатырёв «для ликвидации материалов, оставшихся от прежних построек.» [7, с. 235],[8]

Летом 1915 г. заказчик назначил своего капитана и испытал судно на ходу. По результатам заводу был представлен обширный перечень недоделок. В том числе и таких, которые не были предусмотрены спецификацией: заказчик требует устроить специальную санитарную каюту, переменить свисток (ему не нравится звук), сменить спицы штурвала, переменить турбогенератор (ему не

¹³ Бёрёзовский уезд занимал север губернии, по его территории примерно на протяжении 1000 км. проходит течение р. Оби.

¹⁴ Интересно, что заведующий судостроительным производством на тот момент был призван в действующую армию и руководство завода просит заказчика адресовать Акт приёмки парохода именно туда : 84 дивизия, 334 пехотный полк, прапорщику В.Н.Цапенко. [7, с. 204]

нравится вибрация при работе) и даже для чего-то перенести ватер-клозет на другой борт и выстлать его пол свинцовыми листами (?). Начинается переписка, завод устраняет недоделки явные и мнимые: за свой счёт приобретает новый турбогенератор у фирмы «Сименс и Шуккерт», переносит гальюн, меняет штурвал, чинит паровое отопление и пр. А заказчик капризничает все больше: он подробно пересчитывает недопоставленные ему гаечные ключи и отвёртки и отказывается платить. По всё более нервному тону переписки видно, что и завод и заказчик вступили в фазу взаимного шантажа: завод просит судно ему вернуть, говорит, что у него есть на него покупатель и готов возратить уплаченный задаток. Наконец, в октябре 1916г. заведующий заводским судостроением В.Н.Цапенко¹⁵ соглашается на все замечания и просит произвести окончательный платёж с удержанием за недоделки. У него просто нет иного выхода, как этот заказ завершить на любых условиях: ещё в ноябре 1915 г. Пермская контрольная палата прислала на завод запрос о выполнении заказа: в запросе сказано, что общая стоимость работ по нему уже составила 77.283руб. 45 коп. «не считая не выяснившихся пока сумм» при контрактной цене 61.000 руб. Но лишь в мае 1917 г. Тобольское губернское правление перечисляет на счёт завода 15.000 руб.- последний транш за пароход, который интенсивно отработал уже 2 навигации: 1915 и 1916 г.¹⁶ и, наверняка, не раз к тому моменту окупился на перевозке баржей с солёной рыбой с нижней Оби.

Предлагаем читателю самостоятельно рассчитать экономическое содержание данной сделки с пароходом «А.Станкевич». Наверное, за 3 года, пока длилось исполнение заказа, и государственные органы, да и сам завод, могли бы применить к должнику-заказчику действенные меры принуждения, но не сделали этого. Отчего? Напомним, что этот заказ был в полной мере социальным: в архиве имеются документы, подписанные капитаном парохода которого звали Николай Антонович Зезев. Исполнены они на бланке с угловым штампом: «Пароходство **инородческого** населения Берёзовского уезда Тобольской губернии». [7, с. 370-450]

¹⁵ Видимо, к тому времени демобилизованный.

¹⁶ Напомним, что и масштаб цен и сам вид денежных знаков к тому моменту в России поменились. Так наз. «керенки» выдавали рабочим неразрезанными листами.

Судострой и Мировая война

Упадок судостроения в тот период был вызван и внутриводным пере-профилированием производства в связи с войной: летом 1915г. Воткинский завод получает государственный наряд (заказ) на производство 160.000 шрапнельных снарядов и начинает производить лафетную часть для трёхдюймовой скорострельной пушки, шестидюймовой полковой гаубицы и иные комплектующие для Пермских пушечных заводов в Мотовилихе [9]. Данное обстоятельство немедленно сказывается на организации производства и вносит коррективы в осуществление судостроительной программы на заводе.

Так, в июле 1916 г. руководство завода сообщает в контролирующие инстанции об объёмах просроченного незавершённого судостроительного производства:

-6 шаланд объёмом 15 куб. саж. для Астраханского порта, на которые устанавливаются гидравлические подъёмники. Из них 4 корпуса уже на плаву, для 2х сделана заготовка (о контракте на эти шаланды упоминалось выше).

-землечерпалка «Инженер Петерсон» для Балтийского моря: корпус частично собран, котлы готовы, но не вставлены дымогарные трубки. (см. об этом судне далее)

-4 крана грузоподъёмностью 50т, 10 баржей и 6 баржей для Кольского порта.

Как же руководство завода объясняет промедление с выполнением государственного заказа? Прежде всего, оно ссылается на недопоставку покупных комплектующих частей предприятиями-смежниками: «Фирмы, поставляющие <нам> комплектующие завалены военно-срочными заказами.» Так, например, завод не имеет осветительных приборов, без которых речное судно в плавание пустить нельзя. Поэтому завод просит принять построенные суда без таковых приборов. [6, с. 108-108 об.] В деле, которое оканчивается январём 1918г., нет указаний, что данные технологические суда, запущенные в производство вообще когда-либо были достроены.

Характерна судьба судна, заложенного в предвоенный год: это землечерпалка (или по терминологии документа «землечерпательница») «Инженер Петерсон» по типу «Василий Салов» для Балтийского моря.

Годом сдачи изделия был обозначен 1915. Но известно, что Балтийский флот к тому времени был блокирован в восточной части Финского залива, и заказанное изделие стало просто никому не нужно.

В документе читаем: «Во время войны работы механического цеха были почти исключительно связаны с нуждами Государства по обороне, поэтому изготовление паровых и других механизмов на землечерпательницу шло в последнюю

очередь – вот причина почему срок сдачи землечерпательницы затягивается. На 4 января 1918 г. судовые и механические работы почти заканчиваются, но сказать с уверенностью при настоящих условиях, что землечерпательница будет закончена к весне 1918 г. заводоуправление не может.» [10, с. 101] В июне 1918 г. отмечается, что : «Землечерпательницу «Инженер Петерсон» при сплаве удалось довести только до р. Сивы, откуда она может быть сплавлена только весной будущего года...а окончательная сборка и постановка механизмов <будут произведены > в Галёво после сплава» [10, с. 107]. В декабре 1918 г. уполномоченный по судостроению пишет в Деловой совет по управлению заводом: «Землечерпательницу необходимо закончить к весне и принять меры к её сплаву. Стоит она на 16-й версте реки Сива.» [10, с. 109] Но уже 6 февраля 1919 г. постановлено «работы на судне прекратить, материалы сдать в магазины (склады- А.К.) чтобы таковые не расхищались. Материалы использовать на доделки других строящихся пароходов к навигации 1919 г.»[10, с. 112]. На февраль 1919 г. известны руководители заводского судостроения: заведующий судостроительным цехом Николай Васильевич Глушков и мастер Судового цеха Николай Григорьевич Бурыгин. [10, с.112-118] Весной 1919 г. судно было снято с мели при помощи лебёдок. [10, с. 121] Дальнейшая его судьба не известна.

Итак, «заболевание» судостроения в Воткинске началось в начале XX века. Общим местом в литературе стало указание о его убыточности для предприятия и для казны. В самом деле, Российский речной флот, видимо, достигает в тот период апогея своего развития, а судостроение - неизбежного кризиса перепроизводства. Речные регистры тех лет содержат тысячи наименований судов при том, что в них учтены ещё не все единицы, реально ходившие в плавание. В самом деле, лишь под давлением жёсткой конкуренции Воткинский завод просто вынужден идти на весьма рискованные и малообъяснимые с коммерческой точки зрения предприятия: строить партию пароходов, не имея достаточной проектировочной базы, отдавать свою продукцию в кредит с длительной рассрочкой платежа и организовывать сборочное производство с нулевой рентабельностью вдали от основной площадки. И то и другое в условиях военного времени привело к осуществлению рисков: просрочке кредитов, свёртыванию производства в филиалах и, как следствие, к финансовым потерям для предприятия и государственной казны. Однако, как мы видели, такие финансовые потери были характерной чертой воткинского судостроения на протяжении многих лет и сами по себе они не имели фатальных последствий для предприятия.

Технологический цикл постройки парохода очень длителен: даже в благоприятных условиях он может продолжаться годы и месяцы. Кроме корпуса, который завод в силах сделать самостоятельно, для постройки судна требуется масса покупных изделий: навигационное оборудование, измерительные приборы, средства связи, электрическая арматура, различные трубопроводы, лакокрасочные покрытия и отделочные материалы и пр.¹⁷ Война закономерно привела к упадку гражданских отраслей и мобилизации экономики на военные нужды и, как следствие к разрыву кооперационных связей и прекращению поставок комплектующих и материалов. Но и отсутствие некоторых комплектующих не прекратило строительство судов в Воткинске.

Следует сказать и о том, что речной флот России, несмотря на сравнительную дешевизну перевозок, оказался мало пригоден для обслуживания военных нужд: во-первых, в силу сравнительной краткости сезона навигации, а во-вторых в силу того обстоятельства, что война велась на Западе, а прямые речные транспортные пути из промышленных областей Урала к области ведения военных действий у нас отсутствуют по причине географии. Иными словами, требовалась неоднократная перевалка грузов из вагонов в трюмы судов и обратно, а это значительно удорожает перевозку. Кроме того, речной транспорт изначально медленнее транспортирует срочные грузы, чем железнодорожный состав: те же пушки и снаряды, один раз погруженные на платформу на заводской площадке могут быть доставлены к фронту без перегрузки; поезд везёт их круглые сутки и круглый год. Видимо поэтому спроса на новые коммерческие суда в годы войны просто не стало. Тем не менее, временно падение спроса на товарно-пассажирские пароходы и технологические суда не привело ни к закрытию судостроительного производства в Воткинске, ни к банкротству предприятия.

Понятно, что все названные и неназванные здесь негативные факторы действовали в разной степени на все предприятия, которые занимались выпуском речных судов. И в силу означенных объективных причин на судостроительных заводах России к 1918 г. произошло замораживание значительных средств в незавершённом производстве. Однако вспомним, что Воткинский завод был казённым, дотационным, и его финансовый крах мог наступить лишь с банкротством самого государства, у которого он был на содержании.

В сходных трудных условиях в начале XX века и в ходе Первой мировой и Гражданских войн оказались многие судостроительные предприятия, как коммерческие, так и государственно-дотационные. Однако они сохранили свой профиль после банкротства Российской империи и смены форм собственности:

¹⁷ Дизельные двигатели для своих теплоходов Воткинский завод также закупал на стороне.

речное судостроение выжило и в Нижнем Новгороде, и в Томске, и в Перми, и в Кокуе и в других местах. Так в чём же была специфика ситуации, которая привела к гибели крупного судостроительного производства именно в Воткинске?

Четыре стадии исхода

Однозначно, фатальный удар по судостроению в Воткинске был нанесён в ходе Гражданской войны. Но речь не идёт об одних лишь финансовых и материальных потерях. Конечно, историки не раз отмечали, что Воткинский завод находился в полосе военных действий. Однако, ни город, ни завод не подвергались при этом разрушительному оружейному обстрелу, не было здесь и значительных пожаров. Известно, что завод пережил менее чем за год 3 смены власти и, соответственно 3 эвакуации: первый раз кое-что из оборудования было вывезено при отступлении и войск Народной армии на Восток за Каму в первой декаде ноября 1918г., во второй раз имущество завода вывозилось на Запад при отступлении Советских войск и оставлении Воткинска весной 1919 г., а остатки заводского имущества были «подчищены» при отступлении войск Колчака на Восток летом 1919 г. Разумеется, эвакуация- вполне естественное явление в условиях военного времени, и перевозка средств производства во время Гражданской войны производилась противоборствующими сторонами многократно. Однако события на Воткинском заводе имели свои особенности, которые сказались на судьбе предприятия на десятилетия вперёд и имеют следствия в судьбах горожан до сих пор. Наш интерес к данной теме обусловлен, прежде всего, тем, что завершение славной истории Воткинского судостроения произошло вовсе не в состоянии тупой апатии: это была борьба, насыщенная событиями и драматизмом.

Рассмотрим эти события более детально. Хронологически эпоха исхода¹⁸ судостроительного производства распадается на 4 периода, каждый из которых связан с пребыванием на заводе того или иного хозяйствующего субъекта:¹⁹

1.Август-ноябрь 1918г. От начала Ижевско-Воткинского восстания до отступления Народной армии за Каму.

2.Ноябрь 1918-апрель 1919. Оккупация города Второй армией Восточного

¹⁸ Термин «исход» применяется нами в силу его двусмысленности: с одной стороны строители пароходов действительно покинули город, став «отступленцами». С другой стороны, это было что-то вроде болезни, которая имеет своим окончанием либо выздоровление, либо, увы, иной исход.

¹⁹ Честно сказать, субъекты эти скорее хозяйничали, лишь разрушая производительные силы предприятия. А завод, как живой организм сопротивлялся разрушению.

фронта Красных.

3. Апрель 1919-июнь 1919. Оккупация армией Колчака

4. 1919-1920. Советское время.

1. Август-ноябрь 1918г. Ижевско-Воткинское восстание.

Краевед и конструктор-судостроитель И.А. Добровольский пишет в своих мемуарах: «На январь 1918 г. <на заводе> имелся двухгодичный запас металла и чугуна, жидкого топлива, дрова и лесоматериалы поступали бесперебойно. Запасов цветного металла, покупных изделий для паровозов и судов имелось на 3-4 года. Производственная обстановка на заводе была в это время вполне благополучной, завод не пострадал и от событий августа 1918 г.»[11, с. 146]

Заказ на производство снарядов был на тот момент завершён, и механический цех был свободен для исполнения заявок судостроителей. Работа судостроительного цеха в период Восстания, разумеется, была направлена на осуществление насущных нужд обороны. Судостроители вооружили пушками и пулемётами не менее пяти-шести гражданских пароходов, производили ремонт их повреждений, полученных в ходе боёв. Они же осуществили подъём нескольких потопленных судов противника и после ремонта включили их в состав созданной ими Галёвской флотилии Воткинской Народной армии. (Боевому пути этой флотилии и идентификации её судового и личного состава мы посвятим отдельную публикацию.) Но и работа над мирными заказами при этом не прекращалась: завод работал, сплошной мобилизации не было.²⁰ Рабочие, наряду с бойцами Народной армии получали зарплату. Кроме того, судостроителями были созданы боновые заграждения, сделаны минные постановки для предотвращения судоходства противника, а также построены понтонные мостовые переправы через Каму, по которым ушли в отступление десятки тысяч людей. Характерно, что никто из тех, кто покидал завод в ноябре 1918 г., по всей видимости, не верил, что покидает его навсегда: в документах Народной армии нам пока не удалось обнаружить приказов о том, что с завода предписано было вывозить какое-либо оборудование и материалы, или что таковые вывозились [1 2]. Да и пароходы, на которых воткинцы уплыли сами и увезли своё вооружение в село Сайгатку (современный г. Чайковский), чтобы продолжить борьбу на левобережье Камы, не были ими уничтожены там. Нет пока свидетельств и того, что отступавшие уничтожали на заводе то, что не могли взять с собой; например,

²⁰ Приказом от 17 сентября все бойцы Народной армии, не проходившие «ряды войск», т.е. не имевшие опыта военной службы возвращались с боевых участков, а взамен них присылались бывалые солдаты [12, с. 22]

судовые документы, недостроенные пароходы и судовые двигатели или мобилизовывали и насильно увозили квалифицированных специалистов. Известно лишь то, что уходя, повстанцы, испытывавшие дефицит гужевой упряжи, взяли с заводских складов канаты и использовали кожаные приводные ремни, снятые со станков [13, с. 40]. Кроме того, они увезли с собой ключевые детали заводской электростанции, но по указаниям некоторых источников (например, по мемуарам И.А. Добровольского) при вступлении на завод весной 1919 г. эти детали были ими возвращены, и станция заработала.²¹ Разумеется, Народная армия пользовалась и заводскими запасами для ремонта своего вооружения и отвлекала рабочих на окопные и иные работы, а сохраняемую за ними заработную плату рабочие должны были получать из кассы завода. Это, конечно же, негативно сказывалось на организации производства, но тотально его не разрушало. Но, тем не менее, можно говорить лишь об эвакуации Народной армии, но не самого Воткинского завода в 1918 г. Соответственно, и судостроительное производство за период хозяйствования Народной армии было обеспечено работой и было оставлено в работоспособном состоянии.

2. Ноябрь 1918- март 1919г. Военный коммунизм.

После оставления Воткинска Народной армией завод поступает под управление Советских органов. В ноябре 1918 г. завод располагал вполне достаточными материальными средствами, несмотря на Гражданскую войну. [11, 145]. В декабре 1918 г., через полтора месяца после ухода повстанцев, судостроительный цех на заводе ещё существует, и начальник этого цеха Н.К.Чебкасов²² получает зарплату для своих рабочих [14, с. 33, об].

²¹ Эти же детали рабочие прячут в дымоходах котельной от «красной» эвакуации весной 1919г. [11, с. 175]

²² Приказом Начальника штаба Народной армии № 69 от 30 октября 1918г. штабс-капитану Чебкасову было приказано из отдельных сапёрных команд сформировать сапёрную роту [12, 1, л. 62]. Эта рота построила понтонный мост для отхода армии за Каму. На выдачу жалования солдатам своей сапёрной команды 1 ноября 1918 г. Чебкасов тоже получал деньги: 12614 рублей. [12, с. 67] И.А.Добровольский пишет о Дмитрие Николаевиче Чебкасове, который с 1901 по 1918г. работал старшим мастером по судовым деревянным работам, а с 1925 по 1938 г. был начальником и старшим мастером модельно-деревообделочного цеха. [11, с. 65]. Судя по сходству инициалов оба Чебкасова, что работали после Гражданской войны на заводе могут быть членами одной семьи. Возможно, их родственником, или даже одним из них является и штабс-капитан Чебкасов, который служил в Народной армии и упоминается в её приказах без указания инициалов. Возможно, из этой семьи происходил и Дмитрий Васильевич Чебкасов, упомянутый нами выше в связи со сборкой парохода «А. Станкевич» в г. Тюмени. Впрочем, выяснение биографий основных фигурантов событий, связанных с восстанием и действиями флотилии Народной армии будет темой отдельного исследования.

В январе 1919г. Деловой совет по управлению заводом оценивает перспективы восстановления производства со сдержанным оптимизмом. Он докладывает в Уральское областное правление национализированными предприятиями, что после ухода Народной армии (т.е. за два месяца) заводом произведены значительные объёмы работ: паровозным цехом было забронировано 2 паровоза, произведён ремонт множества локомотивов, мостостроительным цехом были восстановлены мосты через Каму у Сарапула²³ и через Сиву по железнодорожной ветке на Галёвскую пристань и произведено множество иных работ по указаниям командования Второй армии Восточного фронта. В планах предприятия было продолжение деятельности по судостроению, и завод был готов приступить к «приготовлению трёх буксирных пароходов, землечерпательницы, четырёх железных барж и 10 речных барж типа кольских для Астраханского порта, сделать 10 железных баков для Ижевского завода и <выполнить> многие другие заказы для местного района, **хозяйство которого военными действиями разрушено в корень**». [7, с. 9] Там же Деловой совет отмечает, что: «белогвардейцы» (читай: Народная армия- А.К) паровозами, судами²⁴ и прочим <принадлежащим заводу имуществом> пользовались для военных нужд, вследствие чего материалы и изделия эти пришли в ветхость и требуют капитального ремонта...Резюмируя всё вышеизложенное можно прийти к выводу, что после отступления белогвардейцев (читай: Народной армии-А.К.) Воткинский завод, его механизмы, цеха и имеющиеся в них инструменты и пр. если и пострадали, то **страдали не так уж значительно, как этого следовало бы ожидать**, разве только ущерб их сказывается в увозе детальных чертежей, канатов, ремней и пр. Больше всего пострадал комплект пишущих машин, телефонных аппаратов и заводские магазины (т.е. склады-А.К.), откуда увезены: смазочное масло, свечи, канаты, ремни, кожи, канцелярские принадлежности, медь и др. материалы. В особенности же ощущается недостаток в дымогарных трубах, из-за которых происходит остановка в окончательном выпуске паровозов.²⁵ Также пострадал

²³ К слову, по воспоминаниям бывшего красноармейца Ф.Виноградского этот мост был взорван Красной армией [15, с. 20].

²⁴ Завод имел железнодорожную ветку протяжённостью 18 вёрст от основной площадки до Галёвской пристани, возле которой располагалось судостроительное производство и заводские склады. Разумеется, трудно разделить при этом «военные» перевозки повстанцев и перемещение людей и грузов в интересах производства. Увести паровозы за Каму повстанцам было бы не под силу. Относительно принадлежащих заводу судов нет указаний о том, что повстанцы их уничтожили.

²⁵ Из содержания дела видно, что в заводе скопилось на тот момент множество паровозов, прибывших на ремонт. Командование Второй армии требует их отремонтировать и забирает все исправные паровозы себе. Видимо, ссылка на недостаток запчастей, по мнению автора документа, должна оправдать задержки с ремонтом локомотивов; руководство завода отводит от себя подозрение в саботаже.

счётно-бухгалтерский отдел, откуда увезены все главные книги и документы... [16, с. 15].

По вопросу обеспечения кадрами тот же источник сообщает, что: «Из общего числа 7699 человек рабочих и 616 служащих ушло 3048 рабочих (40%-А.К.) и 339 служащих (это 55%, а далее мы покажем, что по судостроительному производству Завод потерял более 75% аналогичных специалистов -А.К.).[16, с. 15]

Относительно качественного состава дефицитных специальностей указывается, что не хватает в первую очередь инженеров, техников, мастеров и квалифицированных рабочих. Поэтому, с учётом неполной загрузки завод готов был принять не менее тысячи квалифицированных рабочих и не менее ста квалифицированных служащих. Тут же сказано, что из числа тех, кто ушёл с «белыми», завод готов принимать всех, кто вернётся. [16,с. 40]

Заметим, что в январе-феврале 1919 г. отступившие Воткинцы воевали в составе сначала 2го Уфимского корпуса Белых, а затем из них была образована отдельная стрелковая дивизия. Район их действий лежал приблизительно на границе современного Пермского края и Башкортостана. Следовательно, для рабочих и служащих возвращение домой было делом маловероятным: покинув ряды Белой армии они становились дезертирами, и подлежали расстрелу, а попадая в распоряжение Красных войск имели статус перебежчиков; таких если и не расстреливали, то включили в ряды солдат, чтобы они кровью искупили измену «пролетарскому делу». Да и физически пройти зимой по бездорожью сотни вёрст до дома во фронтовой полосе было бы делом невероятным.

«Мирная передышка» Советского периода на заводе продлилась недолго, но именно она инициировала процесс разложения. Правду сказать, производство ещё «теплоилось»: с момента ухода Народной армии и до оккупации завода армией Колчака весной 1919 судостроителями были сданы: паровая машина для 80-сильного барказа типа «Сорванец» и машины для буксиров мощностью 125 и 175 л.с. [17, с. 60-60 об.]. Конечно же, это было, скорее всего, лишь окончание изделий незавершённого производства. Вообще, нормальной работой этот период назвать трудно: цитированные здесь источники в рапортах, поданных в Советские органы, отмечают, что общепринятая практика контрактов прекратилась, полученные ранее от заказчиков в качестве предоплаты средства обесценились, связи с поставщиками были нарушены, а военные, придя на завод, например, Красные командиры Второй армии Восточного фронта просто приказывали взять со складов листовое железо и сделать несколько сотен железных печек-«буржук» для обогрева своих вагонов, сотни пулёмётных коробок, вагон-ресторан для себя и пр. Забирали они всё, что им требовалось- паровозы,

вагоны- безденежно и безрасписочно, ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства военного времени.²⁶ Завод буквально слёзно просит у вышестоящего руководства помочь отстоять от реквизиции хотя бы один исправный паровоз, необходимый для внутризаводских производственных нужд. Можно сказать, что при тех обстоятельствах военная администрация Красных нимало ни заботилась ни дальнейшей судьбой отдельных производств, ни судьбой завода в целом. Полевые командиры Красной армии воспринимали завод как кладёзь бесплатных ресурсов, и объёмы неоплаченных работ и изъятого имущества неизмеримо возрастают именно в этот период. Понятно, что и производственные запасы и производительные силы, растроченные таким образом, и не получавшие возмещения не могли поддерживать своё существование сами по себе. Для сравнения напомним, что Воткинская Народная армия за счёт завода и паровозов для себя не ремонтировала, так как бронепоездов не имела, но при этом повстанцы пытались восстановить в сентябре 1918 г. железнодорожный мост в Сарапуле .

В то же время и центральные Советские органы не имели ясного представления ни о производственных возможностях завода, ни даже о номенклатуре производимой им продукции.

Так, ещё в октябрьском (1918г.) Докладе главного командования Красной армии В.И.Ленину и Реввоенсовету И.И.Вацетис отмечает: **«Ижевский и Воткинский заводы нам нужны, как заводы, изготавливающие патроны, снаряды и винтовки, в чем мы очень нуждаемся»**. [18, с. 22] Заметим, что в действительности патроны наши заводы не производили никогда, производство снарядов на Воткинском заводе было прекращено ещё в 1917 г., а винтовки делал лишь Ижевский завод. Иными словами, реально в глазах руководства страны Воткинский завод не имел никакой ценности и утилитарного применения: необходимых в то время фронту винтовок он не давал, а полуразрушенные крупные предприятия машиностроения тогда по стране исчислялись десятками и сотнями.

²⁶ Понятно, что менявшееся руководство завода в конце концов было просто не в состоянии оценить убытки, причинённые каждым из условных субъектов: Народной армией, Красными, Белыми. Да и никакого подробного оперативного учёта утраченных инструментов и материалов не велось; вести такой учёт было просто некому, ибо бухгалтерия завода почти в полном составе отступила с Народной армией осенью 1918 г. Если, к примеру, инженеры и мастера отступали вместе с той или иной армией, то цехи с их кладовыми инструментальным и иным хозяйством оставались без присмотра, и что из них было вывезено оккупантами, а что растащили сами рабочие установить совершенно невозможно: никто расписок на вывезенное имущество не оставил. Поэтому, ведомость убытков (см. далее), появившаяся много лет спустя после событий была составлена весьма приблизительно и совокупно за 20 месяцев военных действий. Соответственно, и пользоваться данным документом для исторической реконструкции следует весьма осторожно.

Поэтому, как ни парадоксально звучит, но именно эта «мирная передышка» которую правильнее было бы назвать периодом «Красной военной оккупации» с 12 ноября 1918 по 7 апреля 1919 г. и принесла фатальные последствия для завода. Сравним период «мирной передышки» со временем Ижевско-Воткинского восстания.

Относительно периода Воткинского восстания писатели Советского времени указывали: «13 ноября 1918 г. Воткинск был освобождён полностью. Учредилловцы не успели уничтожить заводское оборудование [19, с. 273]

Да, повстанцы, которые восстали против однопартийной диктатуры большевиков, и которых долгие годы как только не называли в нашей ангажированной литературе (и белогвардейцами и учредилловцами и пр.) даже не думали и не пытались уничтожить или вывозить заводское оборудование. В отдельной главе настоящего издания мы детально описываем, как была организована эвакуация Народной армии, и что произошла она вполне чётко и без паники. Иное дело Советская эвакуация завода перед возвращением отступивших Воткинцев в составе войск Колчака весной 1919 г. Тогда судьба Воткинского судостроения решилась далеко от наших краёв. Но для этого надо мысленно вернуться чуть назад во времени.

Итак, к концу ноября 1918 г., когда Воткинцы уплыли в Сайгатку и перешли по понтонному мосту на левый берег Камы, уничтожив за собой переправу, Красные войска, выждав неделю для надёжного ледостава, начали их преследование. В эти дни адмирал А.В.Колчак формирует своё Омское правительство. «Морским министром» в этом правительстве становится М.И.Смирнов, интеллектуал и давний сослуживец А.В.Колчака. Адмирал Смирнов имеет опыт боёв в навигацию 1918 г. и прекрасно понимает значение речных операций в Камско-Волжском бассейне в навигацию 1919 г. Поэтому он загодя начинает организацию Речной боевой флотилии (РБФ). В качестве технической базы создаваемой боевой единицы служат индустриальные предприятия города Перми, которая была захвачена Белыми в декабре 1918 г., и прежде всего, знаменитый Мотовилихинский завод. Смирнов и его штаб весьма умело использовали данный им временной промежуток до начала навигации 1919 г. За несколько зимних месяцев они организовали обучение личного состава в машинно-моторной школе в г.Томске, собрали необходимое количество специальных морских орудий²⁷, создали резерв боеприпасов к ним, переоборудовали в заводских условиях несколько гражданских пароходов и даже перебросили на предстоящий

²⁷ Часть орудий была привезена даже из Владивостока.

театр действий несколько бронекатеров, созданных на предприятиях Перми.²⁸ Иными словами, всё делалось очень серьёзно и обстоятельно, и при создании РБФ уже не было места импровизациям лета 1918г., когда на палубу пассажирского парохода, не имевшую никакого подкрепления, ставили пушки на полевых колёсных лафетах, а рубку капитана «бронировали» досками или мешками с песком.²⁹ Разумеется, и разработка проектной документации для вооружения кораблей и руководство работами осуществлялись командой квалифицированных инженерно-технических работников, которые не могли бы обойтись без соответствующего инструментария, технической документации и справочной литературы. При спешном отступлении Красных войск из Перми в декабре 1918г. экипажами не были уничтожены вставшие на зимовку боевые силы брошенной Камской речной флотилии, не были вывезены механизмы судов и не эвакуированы квалифицированные работники водного транспорта и техническая документация. Белому командованию удалось захватить в Перми около 200 судов. [21, с. 27]

Поэтому и оборудование соответствующих технических бюро пребывало там в сохранности, и квалифицированный персонал остался на месте, и был загружен работой от адмирала Смирнова. От военного руководства Красной армии все эти обстоятельства скрыть было бы невозможно. Логично, что Красные военачальники не собирались усиливать противника, дав ему в руки в готовом виде ещё одну базу для речной флотилии в «сердце» Среднего Прикамья – Воткинский завод. И простой выход был ими найден- тотальная эвакуация предприятия.

Адресуем читателя к мемуарам участника тех событий, которые опубликованы Воткинским краеведом И.А.Добровольским. Если резюмировать их вкратце, то получится, что той эвакуацией руководили пришлые комиссары, а провели они её совершенно большевистскими, авторитарными методами по принципу: «Так не доставайся же ты никому». Специалисты завода и члены заводского Делового комитета (коллегиального органа управления предприятием) говорили тогда, что целесообразно было бы вывезти, а лучше просто спрятать на месте, т.е в окрестностях города лишь командные детали станков и машин, без

²⁸ По некоторым данным, скоростные бронекатера типа «Рысь» (или «Барс»?) были оборудованы весьма совершенными на то время двигателями внутреннего сгорания японского производства. Они вооружались одной скорострельной пушкой и пулемётом, и использовались, в основном, для производства минных постановок вкупе с пришвартованными к ним понтонами.

²⁹ О создании флотилии и о переоборудовании гражданских кораблей на заводах Перми рекомендуем интересный мемуар английского моряка. [20] Известно, что в состав РБФ вошли 2 корабля, которые были укомплектованы экипажами из английских моряков. Суда получили названия Саффолк и Кент по именам кораблей, с которых эти моряки сошли во Владивостоке. Впрочем, история этой флотилии выходит за тематические рамки данной статьи.

которых эти механизмы в действие пустить нельзя, а в нерабочем состоянии эти станки для того, кто захватит завод, являются бесполезной грудой металла.³⁰ Вместо этого комиссары, несведущие в технике, приказали грузить в вагоны тяжёлые станки целиком, валить сверху и чугунные заготовки, и точные приборы, и чертежи, и документы, и мебель. Грузили всё, что попадалось под руки, спешно и панически, «как на пожаре». Мемуарист пишет, что рабочие видели, что их завод убивают и всячески противились такой «эвакуации», и даже устроили крушение одного из поездов с вывозимым имуществом. [11, с. 146-148].

А что же судостроительное производство? Видимо, благодаря самоотверженному труду оставшихся на месте работников Технического бюро судостроения (список которых мы публикуем далее) в архиве сохранились хотя бы рукописные перечни вывезенного тогда с завода имущества, которое использовалось в данном подразделении.³¹ Перечни представляют собой аккуратно разграфлённые листы, все позиции пронумерованы и содержат краткое описание предмета. Щепетильность составителя перечней просто поразительна: он тщательно переписывает не только чертёжные столы, но и модели судов, приборы и инструменты, вплоть до цветных карандашей, пузырьков туши и стопок чертёжной и писчей бумаги. Однако для нас наибольший интерес представляет список книг технической библиотеки из нескольких сотен наименований на разных языках: здесь нормативы и справочники по проектированию, судовые регистры за разные годы, каталоги судостроительных фирм и многое другое, без чего инженер-проектировщик остаётся просто как без рук. [17 с. 15-17, с. 176]

Историк судостроения многое дал бы, чтобы увидеть вывезенный тогда же полный архив по судостроению: в отдельном перечне перечислены комплекты чертежей и иной технической документации на множество пароходов, которые вышли в плавание из Воткинска [17, с. 19-24, 188-189].

Имеется на списках указание, что документы уложены в ящики № 6 и 13. Соответственно, указан и номер вагона: 26550 [17, с. 164]

Куда ушли те эвакуированные 284 вагона³² и что с ними стало - не известно до сих пор. Многие из вывезенного комиссарами на завод не вернулось.

³⁰ Напомним, что на то время в городе как бы существует Советская власть: есть городской Совет и Деловой Совет по управлению предприятием. Но на деле эти Советы от принятия управленческих решений оказываются отстранены. Как тут не вспомнить о термине «комиссародержавие»?

³¹ По другим производствам списки не столь подробны, и там перечислено лишь рядовое, неспециализированное т.е. легко заменяемое оборудование: кожаные приводные ремни, слесарный инструмент и т.п.

3. Март -июнь1919 г. Камская речная боевая флотилия

В ЦГА УР есть дело с характерным названием: «Материалы о состоянии цехов Воткинского завода после ухода белогвардейских банд Колчака» [17]. О том, что конкретно украли с завода «банды Колчака» информации там нет, зато есть прелюбопытный документ «О состоянии технического судостроительного бюро».

Автор этого эмоционально окрашенного документа буквально с восторгом рапортует в Советские инстанции о том, что благодаря его деятельности, врагам на заводе за три месяца не удалось воспользоваться ничем из того, что имелось ранее в Техническом бюро судостроительного производства: даже светокопировальный станок был вывезен до их прихода, и «белякам» (читай: вернувшимся из временного отступления работникам завода) приходилось копировать документы, выставляя матрицы на солнечный свет, и работу Техбюро в полном объёме они наладить не смогли. И вот-де, какие они, Красные эвакуаторы, молодцы...[17, с.15]

Поразительно, но и в этих условиях, когда из Техбюро судостроения было вывезено всё до последнего кульмана и рейсфедера, оно продолжало обслуживать потребности Камской флотилии Белых в навигацию 1919 г. Именно от периода Белой оккупации сохранилась в архиве «Схема расположения цистерн и трубопровода на бронированных катерах типа «Рысь» [22].

В делах Белой флотилии Воткинский завод даже получает в начале лета 1919г. наименование «Нижней опорной базы» [23]. Своей «Верхней опорной базой» они называли Пермь.

Мемуарист³³ указывает, что в тот период : «отчасти восстановили производство судового цеха- готовили Камские суда к боевым действиям: бронировали, вооружали» [11 с. 150]. Но в целом судостроительное производство шло к упадку, а оставшимся квалифицированным специалистам, которые были лишены средств производства здесь делать было уже нечего; надо было как-то устраивать судьбу. При этом Белые войска публикуют свои вербовочные воззвания [24, с. 76], а на Каме действует их Речная флотилия. Несомненно, часть работников судостроительного производства, особенно те, что имели опыт боевых действий в навигацию 1918 г., не найдя себе применения на прежнем месте работы, вливается в Белые формирования в навигацию 1919 г. Но летом 1919 г. Белые войска терпят поражение в Прикамье. Их флотилия (т.е. личный

³² Всего предполагалось вывезти более 400 вагонов.

³³ И.А.Добровольский в возрасте восьми лет «отступил» с родителями до Иркутска. [11, с. 154]

состав и часть вооружений РБФ) эвакуируется в Тюмень. А оставшиеся рабочие и служащие судостроительного производства Воткинского завода распоряжением Управляющего Морским министерством эвакуируются с семьями в г.Томск- крупный речной порт. Видимо, этот город был выбран не случайно: именно здесь издавна имелась производственная база в составе судостроительного цеха Воткинского завода. На счету этого цеха было множество судов, в том числе и крупноформатные пассажирские пароходы. Не случайно именно в этом городе ранее была организована и подготовка кадров для Камской РБФ адмирала Смирнова (см. выше).

4. Эвакуация к финалу

Западно-Сибирские города лета-осени 1919 г. были заполнены беженцами со всей России, и для их устройства Колчаковское правительство организует бюро и комитеты, которые пытаются организовать для нуждающихся общежития, питание и медицинское обслуживание. Так, известно, что бюро помощи беженцам- членам семей воинов, которые служили в «Ижевско-Воткинских» частях было организовано и в Томске.

По городам стихийно возникают и самодеятельные беженские организации. И в Томске эвакуированные организуют «Коллектив рабочих и служащих Воткинского завода». Известно, что 20 декабря 1919 г. Белые войска Томск оставили. Работники завода, остались совершенно не у дел, и им волей-неволей пришлось помогать себе самостоятельно. Архивное дело хранит Протоколы их собраний. Так, собравшись в первый раз, они констатируют, что их здесь «рабочих и служащих с семьями до 1500 человек» и принимают решение организовать охрану имущества своего предприятия, и постановляют просить для этого оружие у существующей власти. Видимо, к Советским властям они обращаются, но получают от них указание для начала определиться со своей политической ориентацией. Поэтому, первым пунктом Протокола от 25 декабря они указывают, видимо, под диктовку, что: «осознавая свои заблуждения в которые были обманом введены контрреволюционерами и признавая Советскую власть, как защитника пролетариата выражаем приветствие и свою поддержку этой власти...» Далее ни о каком оружии речь более не идёт, и даже ранее принятый пункт о самостоятельной охране заводского имущества они отменяют. [25, с. 4]

На собрании 31 декабря 1919 г. рабочие решают подать в Коллегию управления Воткинского завода телеграмму о том, что «Эвакуированный согласно

распоряжения Управляющего морским министерством Воткинский завод в Томск брошен здесь инженерами на произвол судьбы. Отобранные машинные части...значительная часть имущества...рабочие и служащие с семьями до 2000 человек...Ждём распоряжений [25, с. 10, 10 об.]

Характерно, что число бывших воткинцев, желающих реэвакуироваться буквально за неделю возрастает с 1500 до 2000 человек. Впрочем, в это число, возможно, были включены и члены семей военнослужащих, отступивших из Томска с Белыми (?).

Видимо, новая власть взяла воткинцев под жёсткий контроль. И это вполне закономерный шаг: среди них были как «чистые» рабочие и служащие, так и те, кто имел случай держать в руках оружие и применять его против Советской власти. А вооружённый пароход, созданный трудом рабочих и инженеров – это разве не оружие? Поэтому цитированное выше выражение про отобранные машинные части и личные вещи воткинцев можно понимать весьма двусмысленно. По крайней мере, воткинцы обращаются к авторитету своего коллектива, чтобы Протоколом от 13 января 1920 г. **просить** новую власть разрешить им продолжать работу по ремонту парохода «Самоход», а 20 января общее собрание обращается к власти с просьбой отправить на родину находящихся на попечении коллектива вдов и сирот при первой возможности [25, с. 1-13]

Новая власть проводила фильтрацию, выявляя в коллективе тех, кто принял активное участие в борьбе с большевиками. Так, документы упоминают о неких удостоверениях, которые были выданы рабочим и служащим при эвакуации из Воткинска с Белой армией. Видимо, эти удостоверения обеспечивали определённую защиту от репрессий, подтверждая обстоятельство вынужденности отъезда. В деле имеется несколько заявлений граждан о том, что такие удостоверения были ими утеряны, и они просят коллектив засвидетельствовать перед Советской властью их мирный статус. По некоторым заявлениям такого рода были приняты утвердительные резолюции общих собраний.

Дело, в котором отложились документы с декабря 1919 по март 1920 г., отражают динамику деградации коллектива. Если первые документы собраний освещают решение некоторых организационных вопросов в коллективе: дискуссии о структуре руководящего органа, обсуждения кандидатур, выборы органов управления, подсчёт голосов и пр., то последующие документы свидетельствуют о том, что некоторые лица, избранные в правление, отказывались от исполнения общественных обязанностей, ссылаясь на необходимость искать заработка. Само же правление занималось почти исключительно добыванием продуктов питания и дров и распределением их. Сил на внутренние дискуссии уже просто не было. Коллектив неоднократно ходатайствует перед властью о

выдаче ему продуктов авансом, ссылаясь на бедность рабочих и неспособность многих из них к труду после перенесённого тифа и отсутствие продуктов на дорогу домой.[25, с. 20-31]

Но даже если не вникать в содержание подшитых в дело документов, сами бумаги служат красноречивым источником того, как изменялось положение группы эвакуированных в Томске. Так, если первые документы исполнены на стандартных листах бумаги способом фотокопии или пером, то следующие написаны от руки на первой попавшейся бумаге: листах из конторских книг или ученических тетрадей. Площадь листов бумаги катастрофически падает: некоторые из документов исполнены даже на клочках, которые, видимо, были вырваны из блокнотов и имеют размер в ладонь. Последний документ датирован 2 апреля 1920 г., когда из Томска на родину был отправлен эшелон со вдовами и сиротами судостроителей.

А что же происходит на самом Воткинском заводе в это время?

И.А.Добровольский пишет: « В июне 1919 г. после ухода колчаковцев завод не работал. Сразу же началось его восстановление. Было послано около 100 человек на поиски оборудования, вывезенного <в эвакуацию> в апреле 1919г. Найти и вернуть на завод удалось очень немного...Положение немного облегчилось тем, что эвакуация проводилась в крайней спешке, и многие рабочие цехов успели поспрятать в укромных местах в суматохе много инструмента, деталей станков, а то и целые станки...Делали вручную просто немыслимые работы, как говорили заводские старики « на коленке». Рабочие самоотверженно трудились дни и ночи, чтобы пустить в ход самое необходимое оборудование. ...Приходилось делать часть работ вручную, очень медленно и с большой затратой сил...Производительность ... была крайне низкой из-за отсутствия листового металла и нехватки оборудования. В Галёво ждали ремонта несколько Камских пароходов...Рабочих на заводе в июне- августе насчитывалось всего около тысячи человек.³⁴ [11, с. 174-175]

В ноябре 1919 г., через полгода после того, как Красная армия во второй раз вступила в Воткинск, заведующий судостроительным цехом Н.Н.Наугольных³⁵

³⁴ В ЦГА УР хранятся списки Воткинцев, ушедших с Белыми армиями, а также и списки вернувшихся. См. Ф.785, Оп.2 Д.1,2,3.

³⁵ В Приказе начальника штаба Воткинской Народной армии № 13 от 6 сентября 1918 г. читаем, что «Н.Н.Наугольных комендатуру Галёвского района сдал М.И.Лебедеву» [12, с. 9] Вспомним, что в конце августа 1918 г. Народная армия создаёт Галёвскую флотилию, которая блокирует Каму, высаживает десанты, захватывает и топит Красные пароходы и пр. Трудно представить, что комендант Н.Н.Наугольных не был причастен к этому. Тем не менее, столь боевое прошлое в армии повстанцев не мешало ему занять пост начальника судостроительного цеха при Советском режиме (?). В книге И.А.Добровольского упомянут возможный

подаёт руководству завода требование на необходимую рабочую силу. Он просит дать ему квалифицированных рабочих: клепальщиков и пр. В документе сказано, что в судостроительном цехе в стадии достройки находятся четыре баржи, пароход типа «Сорванец», два парохода по заказу Астраханского порта и один пароход по заказу А.С.Михалёва. [17, с. 248]

Месяц спустя, в декабре 1919 г., когда Красная армия берёт Томск, и там «обнаруживается» коллектив Воткинских судостроителей, среди объектов достройки в самом Воткинске числятся лишь четыре баржи и один пароход. [17, с. 234]. Очевидно, что от достройки трёх пароходов, упомянутых в более ранних документах, пришлось отказаться³⁶. Тогда же относительно обеспечения рабочей силой по судостроительному производству документы дают такие данные: рабочих требуется по штату 492 человек, а в наличии 97 (недостача 80 %-А.К.); служащих требуется 43 человека, а в наличии 13 (недостача 70%). [17, с. 72 об.] При столь вопиющем дефиците рабочей силы даже закончить начатые объекты достройкой, видимо, было невозможно. Да и материальных ресурсов для этого у завода уже не было. Может быть поэтому нам пока не удалось обнаружить документальных свидетельств того, что несмотря на возвращение судостроителей из эвакуации летом 1920 г. эти баржи и пароход всё-таки были спущены на воду в половодье навигации 1921г.³⁷ Возможно, эти суда стояли не на территории завода, а в устье Сивы, или в Галёво, или ещё где-то (?). А весной 1922 г. завод был законсервирован, рабочие разъехались кто куда. Предприятие на годы впадает в анабиоз.

Счёт утратам

В августе 1924 г. руководство завода подаёт сведения об убытках, «причинённых заводу неправомерными действиями интервентов». В преамбуле этого документа говорится, что завод находился 20 месяцев в зоне боевых действий и в

родственник Н.Н.Наугольных- Николай Александрович Наугольных, который работал на заводе с 1903 по 1911 г. Автор называет его выдающимся русским конструктором по речным судам [11, с. 61].

³⁶ Так как частная собственность на средства производства Советской властью отменялась, а декретом от 26 января 1918 г. флот национализировался, то и заказчики тех пароходов отходили в небытие; руководство завода просто не было уверено, что эти пароходы вообще удастся реализовать.

³⁷ И.А. Добровольский вспоминает о том, как в 1936 г. решался вопрос о месте строительства судостроительной верфи для постройки землечерпалок на Воткинском заводе. Он прямо указывает, что местом для сборки было выбрано Галёвская пристань на Каме, а не заводская площадка потому, что сплав судов от завода по речкам Вотке и Сиве до Галёва не осуществлялся на тот момент уже в течение 19 лет, т.е. с 1917 г., и поддержанием речного фарватера за эти годы никто не занимался. [11, с. 214]

прифронтовой полосе, и поэтому разделить убытки от первой эвакуации Народной армии и от той, что произошла во время оккупации завода армией Колчака, невозможно. Однако, по лошадам, например, приводятся отдельные цифры: в первый раз, т.е. Народной армией уведена 91 лошадь, а во второй раз, т.е. армией Колчака- 66 лошадей. Относительно судов просто отмечено, что «уведено два парохода и двенадцать барж общей стоимостью 161775 рублей, а железа, мазута и дров для флотилии взято на 39960 рублей. Перечислены убытки от утраты вожжей и хомутов, а вот убытки от утраты библиотеки, чертежей и моделей судов никак не оценены, архив документации и имущество Бюро судостроения, вывезенные в никуда, даже не упомянуты. В документе отмечено, что «не могут быть оценены на деньги гибель около 200 чел. лучших рабочих...». [26, с.6]

Калькуляция убытков появляется в период, когда Советские органы решали быть или не быть заводу. Однако сами по себе цифры сведений о заводских потерях мало что говорят: так общая стоимость заводского имущества на начало 1918 г. оценивается почти в 164 миллиона рублей³⁸, а тотальные убытки о пребывания в полосе военных действий, в том числе и расходы по эвакуации и убытки от простоя в течение 20 месяцев- всего лишь в ничтожную сумму около 5.806.000 рублей (~3,6%). Автор указывает: «Документов в виде расписок, квитанций и т.п. нет. Всё бралось и увозилось без всяких документов, как своё... [26, с.6, об.]³⁹

Интересно сравнить две статьи: сколько имущества потеряно в связи с деятельностью и эвакуациями Народной армии и войск Колчака против того, что потеряно в связи с Советской эвакуацией.

Итак, с Народной и Белой армиями можно связать следующие статьи потерь (округлённо):

Взято денег из кассы завода-520.000 р.

Уведено лошадей за оба раза-150.000 р.

Увезено кожаных ремней, инструмента, 2 парохода, 12 барж, паровоз,⁴⁰ железа,

³⁸Понятно, что это балансовая стоимость, в которую включена оценка земли, приписанных к заводу лесных угодий, зданий, железной дороги и пр. дорогостоящей недвижимости.

³⁹ В журнале Приказов по заводу наороборот!

⁴⁰ Куда Белые, отступавшие за Каму могли увести паровоз- отдельная загадка: ближайший железнодорожный мост, к тому же взорванный, находится в Сарапуле, а направление от Воткинска на Ижевск было блокировано Красной армией с 7 ноября 1918 г. После того, как в 1916 г. была проведена железнодорожная ветка на Ижевск, паровозы из Воткинска на баржах более не возили. Соответственно, в Галёве был демонтирован специальный причал. Народной армии, ушедшей на левобережье с обозами в ноябре 1918 г., паровоз был бы просто ни к чему:

мазута⁴¹, дров, разного инструмента и приборов, разрушено оборудования, машин, мост на Камско-Воткинской ж/д-1.195.039 р.

Итого:1.865.000 р.

Потери в связи с неорганизованной «Красной» эвакуацией:

Упаковка материалов 49.985 р.

На содержание рабочих в эвакуации, зарплата за 2 месяца-495.110 р.

Содержание оставшихся в заводе- 71.748 р.

На переброску рабочих из центра- 156.089 р.

На погрузку всего эвакуированного- 89.099 р.

От потери имущества в эвакуации-173.275 р.

От гибели грузов, купленных и шедших в завод- 368.242 р.

На выдачу пособия семьям убитых- 52.029 р.

Итого: 1.455.000 р.

Видно, что если не учитывать сумму наличных денег в 520.000 рублей, взятых Народной армией из кассы завода, и, кстати, истраченных на выплату зарплаты рабочим, то суммы ущерба от пятимесячного хозяйствования «Белых» и цена ущерба от одной лишь бездумной «Красной» эвакуации вполне сравнимы между собой, составляя около полутора миллионов «золотых» рублей.

В документе не перечислено имущество взятое из завода Красными войсками— металл, паровозы, вагоны и пр.— но всё же простым арифметическим вычислением сумму узнать можно. Из общей оценки убытков 5.805.962 р. вычитаем идентифицированные выше статьи расходов в 1.865.000 р. и 1.455.000. р. Получаем необъяснимую сумму дефицита около двух с половиной миллионов рублей: это стоимость украденного, простите, безвозмездно взятого Красной армией. Перед составителями сметы в 1924 г. стояла трудная задача: эти убытки надо было на кого-то списать. Чтобы эту сумму потерь хоть как-то объяснить, они указывают её без подразделения на статьи, лукаво называя «Убытком от простоя заводских производств в течение 20 мес.- 2.484.285 р.». [18, с.6, об.]

Итак, из общей суммы убытков в 5.800 тыс. руб. за 20 военных месяцев на долю Народной и Белой армий, которые оккупировали завод суммарно в течение 5 месяцев, приходится 1.865 тыс. руб, т. е. менее одной трети, а за вычетом полумиллиона рублей, который они выплатили рабочим—менее четверти всех

она шла туда, где и железных дорог не было. Впрочем, можно предположить, что паровоз был увезён Белой флотилией летом 1919 г. в Пермь (?)

⁴¹ С мазутом тоже вопрос: известно, что Галёвская флотилия, блокировав Каму, задержала в августе 1918 г. чью-то баржу с мазутом и иные грузы, шедшие по реке, а также несколько пароходов. Эти материальные ценности поступали в распоряжение Народной Армии.

причинённых заводу убытков. Так зададимся вопросом: «Кто же окончательно разорил предприятие?»

*

С 1925 года на заводе работал только цех сельскохозяйственных орудий: он выпускал конные грабли, сеялки и молотилки. Как предприятие тяжёлого машиностроения Воткинский завод возродился лишь многие годы спустя. Но это был уже другой завод.⁴² В 1938 г. Предприятие было перепрофилировано на выпуск артиллерийских орудий. Конструктор И.А.Добровольский, как участник тех событий, вспоминал, что с Мотовилихинского завода поступило несколько сот листов производственных чертежей пушек, и руководство отдало приказ освободить чертёжный архив для нового производства. Тогда «в ячейках судовой чертёжной было наибольшее количество чертежей- около 40 тысяч. Все чертежи построенных заводом судов были в наличии, начиная с 1848 г. Имелись чертежи построенных заводом пароходов «Астрабад», «Граф Вронченко» и до последних пассажирских пароходов типа «Азия», построенных до 1917 г.». Имелся и архив негативов с 1885г. из пяти тысяч фотопластин. Но, вследствие недостатка места для хранения и дефицита материалов, множество чертежей и весь фотоархив были утрачены в годы Великой Отечественной войны.⁴³ Однако, главным фактором потери источников по истории производства на Воткинском заводе было отсутствие какого-либо интереса к этой истории: по словам самого И.А.Добровольского в 1970 г. будучи членом заводской комиссии по архиву, основная функция которой – отбирать материал для дальнейшего хранения, он перебрал все судовые чертежи, сохранившиеся там с 1938 г. Из всех чертежей он оставил для хранения только около 300 листов: общие виды судов, чертежи их главных узлов с деталями.⁴⁴ Другие чертежи, в основном детальные, интереса для хранения не представляли... [11, с. 82-94]

⁴² В начале 1930-х годов завод производил паровые экскаваторы, а в 1931-1939 г. построил несколько речных драг и 3 землечерпалки. Эти машины перемещались по воде на собственных понтонах и имели двигатели, так что их можно считать речными судами. В 1938 г. Завод был перепрофилирован на выпуск артиллерийских орудий.

⁴³ Старожилы вспоминают, что оборотную сторону старых чертежей на ватмане и иную пригодную бумагу они использовали по назначению, фотопластины большого формата отмывали и стеклили ими окна, а батистовую кальку отстирывали и ткань использовали на пошив белья.

⁴⁴ Если верно, что завод действительно участвовал в строительстве около 400 судов, то в архиве сохранились чертежи далеко не на каждый пароход.

Заключение по главе

Современные авторы или вообще обходят стороной вопрос о причинах заката судостроения в Воткинске, или ограничиваются туманными ничего не объясняющими фразами, типа: «Перспективы судостроения казались очень заманчивыми»⁴⁵, но события 1917 г.⁴⁶ и гражданская война поставили точку в славной истории воткинского судостроения. 25 апреля 1921 г. Заведующий заводом Владимир Ильич Фокин отправил В.И.Ульянову-Ленину телеграмму о том, что в Каму вышли два новых и два капитально отремонтированных парохода и четыре новых железных баржи. Это были последние суда воткинского производства.» [27, с. 51]⁴⁷

Конечно же, пока нет достаточных оснований утверждать, что Воткинский завод, а, прежде всего, его коллектив, целенаправленно были «добиты» коммунистами, чтобы ликвидировать, извести под корень социальную базу «мятежа».

Но теперь, по крайней мере, можно ответить на вполне конкретные вопросы: кто совершил безвозвратный развал судостроения на Воткинском заводе? Когда? Зачем?

Мы видели, что производственная база завода была подорвана армейскими реквизициями, в большей мере Красными, а судостроительное производство было решительно и бесповоротно разрушено Советской властью в марте–апреле 1919 г. для того, чтобы оно не досталось армии Колчака. Как говорится, пришедшие комиссары- организаторы поспешной эвакуации должны были предвидеть негативные социальные последствия своих действий для заводского коллектива и для воткинцев в целом, но относились к этим последствиям равнодушно, хотя Деловой совет по управлению предприятием и указывал им пути минимизации ущерба. Беда в том, что доверия к такому совету и к таким советчикам у комиссаров не было никакого: ведь эти рабочие и инженеры были на заводе в пе-

⁴⁵ Действительно, флот очень нуждался в восстановлении: по переписи 1917 г. на Волге и её притоках работало 2246 единиц паротеплоходного флота [2, с. 732], а к 1923 г. осталось лишь 876 единиц (39%), из которых реально работало 376 единиц (17%) от дореволюционного количества [4, с. 133, 143]

⁴⁶ Как мы показали, не было никакой связи заката судостроения с каким-либо событиями 1917 г.

⁴⁷ Монография, посвящённая истории заводских производств, приводит иные количественные показатели, но сообщает названия выпущенных судов: «Судовой цех заканчивал строительство ранее заложенных судов. По Вотке и Сиве в навигацию 1921 г. отправились пароход «Металлист» и баржа «Марат» [28, с. 61] Впрочем, возможно, это были заводские названия, и собственник их сменил; в списке судов, которые работали в Волжском бассейне на 1923 г. эти названия нами не обнаружены. [4]

риод мятежа и, предлагая сохранить основные производительные силы, они автоматически попадали под подозрение, как возможные агенты противника.⁴⁸

Тогда же, теми же комиссарами был ликвидирован архив по паровозостроению: в тот момент на заводе скопилось около сотни локомотивов [11, с. 145], прибывших на ремонт, и невозможно было даже гипотетически допустить их увод противником в Сибирь, а без документации они мало что стоили, да и отремонтировать их было бы проблематично. Понятно, что и массив данных по мостостроению был уничтожен тогда же: многочисленные мосты Транссиба, построенные Воткинцами, имели стратегическое значение. Таким образом, ключевые производительные силы завод потерял именно тогда. Лишённые средств производства работники истратили собственные резервы и сами разбрелись кто куда искать заработка.⁴⁹

⁴⁸ Впрочем, данное утверждение пока не выходит за рамки гипотезы. Комиссарам-пролетариям мотивы воткинцев понять было трудно, а непонятное часто вызывает подозрения. Напомним, что термин пролетариат восходит к латинскому *proles* – потомство. Иными словами, пролетарий – это тот, кто, кроме как детей делать, ни к чему более не способен. В Воткинске не было и не могло быть пролетариев: город–завод вербовал работников фактически на условиях пожизненного найма и обеспечивал их потребности. С другой стороны, токарь–слесарь, уволенный с завода в крупном индустриальном центре мог хоть ежегодно наниматься на новое предприятие: выгнали с Путиловского – пошёл к Михельсону.... А в Воткинске мастеровой за своё место держался, и завод его держал, «закреплял» обучением его самого и его детей в техническом училище, выдачей ссуды на строительство, землеотводом, кредитами и пр. Интересно, что на Воткинском заводе и инженеры получали покосы – около 20 десятин на лицо – и продавали сено с этих покосов в заводскую конюшню. [1, с. 124]

⁴⁹ Автор этих строк был свидетелем процесса сокращения госзаказа и катастрофической конверсии на оборонных предприятиях Удмуртии начала 1990-х годов. Тогда, пожалуй, лишь на Воткинском заводе был сохранён коллектив квалифицированных работников: мне приходилось видеть, как инженеры, оставшиеся без работы на основном производстве в то время шли на любую временную даже неквалифицированную работу; не только безработно, но даже с воодушевлением они чистили канавы вдоль заводской плотины, чтобы только сохранить за собой рабочее место и «социальный пакет». Конечно, с одной стороны, каждый понимал, что в городе-заводе новую работу просто не найти. С другой стороны, вследствие последовательной и сильной социальной политики руководства завода, в общем и целом, общий уровень материального достатка в Воткинске, на мой взгляд, был всегда заметно выше, чем по городам Удмуртии в целом. И речь не идёт лишь о высоких зарплатах заводчан. Воткинцы обеспечивают своё благосостояние сами, в свободное от основной работы время создавая семейные подсобные хозяйства. Вспоминается мне случай, когда я, приехав в Воткинск к новому месту службы, получил служебную квартиру. Никого в городе я тогда не знал, и был как-то растерян пустотой квартиры; мне понадобились доски, чтобы построить полки в кухонном шкафу. Я спросил про них у моей однокурсницы Ольги Килиной (ныне Качиной), которая происходила из фамилии потомственных мастеровых, а в то время была директором одной из школ. Она, видимо, поняв моё состояние, сказала так: «Воткинск засасывает своей деловой средой. Вот ты сейчас из-за пары досок растерялся, а через год у тебя здесь и сад-огород будет, и гараж, и машина...» Именно так всё и вышло, и я всё это построил. Так вот, полагаю, что именно эти источники самообеспечения созданные каждым из воткинцев для

И в этом, наверное, не было злого умысла: всё объяснимо тупой некомпетентностью и служебным рвением чужаков: видимо, жителей Воткинска в целом они воспринимали в качестве подозрительной и враждебной социальной среды, а разваливающийся завод посчитали бесполезной обузой.⁵⁰ Вспомним, что эвакуация «полезного» для Красной армии Ижевского завода была организована тогда же, но совсем по иному принципу: было вывезено лишь около 40 вагонов с командными деталями машин и с технической документацией; в эвакуации они пребывали под охраной из работников завода. По миновании опасности все эти вагоны были возвращены на завод, и производство винтовок моментально восстановлено. [11, с. 147]⁵¹

Столетие назад экономист И.Х. Озеров, описывая условия производства на казённых заводах, указывал: «Навыки горнозаводского рабочего, накопленные в течение продолжительного времени сами по себе представляют большой капитал» [1, с. 47]. Однако рассмотренные нами на многочисленных примерах особенности глубоко дотационного производства на описанном предприятии по выражению того же экономиста «сделали рабочего несамостоятельным, превратив его в улитку, сросшуюся со своей раковиной и от этой раковины он не может оторваться. Его воспитывали веками, что он для завода, что завод его прокормит, не о чем беспокоиться. А когда рабочий видит, что его опекуны не так поступили, как следует, то в нём рождается чувство горькой обиды совершаемой над ним.» [1, с. 18]

События, связанные с исходом судостроения не только искалечили судьбы сотен воткинских мастеровых, лишив их любимого дела: разделение на «Советских» и «беляков» долго сказывалось в их биографиях и после окончания Гражданской войны. Так, И.А.Добровольский поневоле временно «отступив» с членами своей семьи в Сибирь в детском возрасте вспоминал, что ему, как и множеству других квалифицированных работников с «нечистой» анкетой было отказано в допуске к секретным работам и материалам, когда Воткинский завод в 1938 г. стал режимным предприятием и на основной площадке было развёрнуто производство артиллерийских систем. Всем им всем пришлось тогда искать

своей семьи и позволили им пережить безвременье и вернуться к продуктивной работе на основном производстве сейчас, когда и у завода заказы появились, и жизнь налаживается.

⁵⁰ Понятно, что в тех условиях Советское государство просто не имело возможности дотационно поддерживать производство речных судов, которое не являлось для него стратегически важной отраслью.

⁵¹ Конечно же, в сравнении с паровозом или пароходом винтовка- изделие весьма примитивное, и Ижевский завод «гнал» валовое производство. В то же время проектирование нового типа парохода или паровоза и запуск их в серию требуют интеллектуальных затрат большой группы инженеров и одновременной работы десятков и сотен людей в течение месяцев.

себе иное применение [11, с. 226] и их «трудовой капитал», наработанный на производстве продукции гражданского назначения оказался невостребованным.

Потомственный воткинский мастеровой Владимир Михайлович Степанов, отработав много лет вдали от дома на постройке подводных лодок, написал книгу воспоминаний в которой, описывая свое детство и юность в Воткинске, приводит многочисленные факты дискриминационного отношения к тем воткинцам, в семье которых хоть кто-нибудь был «отступленцем». [29]

Но вольный дух речника в Воткинске не пропал: моторных лодок в городе сейчас «держат» едва ли не больше, чем автомобилей, а в приречных сёлах Степаново, Камское, да и в том же Галёво стоят целые флотилии катеров.

Источники и библиография

1. Озеров И.Х. Горные заводы Урала. –М., 1910. –254 с.
2. Шубин И.А. Волга и Волжское судоходство (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). – М.: Транспечать, 1927. –920 с.
3. ЦГА УР, Ф.212, Оп. 1, Д. 11174 О взыскании долга за пароходы, построенные на Воткинском заводе и о страховании их.
4. Список рабочего ядра речного флота СССР. Ч.1. Транспортный флот Волжского бассейна. – М.: НКПС, 1923. –152 с.
5. ЦГА УР, Ф.212, Оп. 1, Д. 11175 О продаже парохода «Камский судостроительный завод» мещанину Нижегородской губернии В.И.Малышеву.
6. ЦГА УР, Ф.212, Оп. 1, Д. 11127 О постройке 18 шт. 15-ти кубовых и 6 шт. 20-ти кубовых саженой шаланд для Астраханского порта.
7. ЦГА УР, Ф.212, Оп. 1, Д. 11091 О постройке парохода «А.Станкевич» по заказу Тобольского губернского правления.
8. ЦГА УР Ф.785, Оп.8к, Д. 969 Чертёж испытаний буксиро-пассажирского парохода «А.Станкевич» построенного для Тобольского губернского правления.
9. ЦГА УР, Ф.212, Оп. 1, Д. 11151 Сведения о сдаче нарядов военного и морского министерств по Воткинскому заводу (июль 1915г. –февраль 1918г.)
10. ЦГА УР, Ф.212, Оп. 1, Д. 11093 О строительстве по заказу Отдела торговых портов землечерпалки по типу «В. Салов» для Балтийского порта.
11. Добровольский И.А. Воткинский завод на рубеже эпох (Заметки конструктора) –Воткинск, 2009.– 400 с.
12. ЦГА УР, Ф.Р-548, Оп.1, Д.1. Копии приказов начальника штаба Воткинской народной (белой) армии за период с 1 сентября по 8 ноября 1918 г. (с № 9 по № 78 включительно).

13. ЦГА УР Ф. 1061, Оп.1 Д.33 Воспоминания участников Гражданской войны в Удмуртии.
14. ЦГА УР Ф.785, Оп. 1, Д.33 Копии протоколов заседаний коллегии управления Камско-Воткинского горного округа.
15. ЦГА УР Ф.Р-061, Оп.1 Д.20 Коллекция материалов с воспоминаниями о революции и Гражданской войне в Удмуртии.
16. ЦГА УР Ф.785, Оп. 1 Д.4 Распоряжения Уральского областного правления национализированными предприятиями. (23.10.1918-28.02.1919г.)
17. ЦГА УР Ф.785, Оп.1, д. 41 Материалы о состоянии цехов Воткинского завода после ухода белогвардейских банд Колчака (09.06.1919-11.12.1919г.)
18. ЦГАСА Ф.6, Оп.10, Д. 147
19. Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. –Ижевск, 1992. –392 с.
20. Джеймсон, Томас Генри. Экспедиция в Сибирь. Русская мысль, № 4340. –Париж, 9 ноября 2000 г.
21. Стасевич П.Г. Кампания Волжской флотилии на реке Каме в 1919 году. – Ленинград, Военно-морская академия РККА, 1930. –96 с.
22. ЦГА УР Ф.785, Оп. 8к, Д. 974 Схема расположения цистерн и трубопроводов на бронированных катерах типа «Рысь». 26.05.1919г.
23. РГА ВМФ Ф. Р-2180 Речные флотилии Всероссийского правительства (белых)
24. ЦГА УР Ф.223, Оп.1 Д.1
25. ЦГА УР Ф.785, Оп.1 Д. 32 Протоколы общих собраний рабочих и служащих Воткинского завода находящихся в эвакуации в г. Томске.
26. ЦГА УР Ф.785, Оп.1, Д. 39а Заявления граждан, пострадавших от действий иностранных правительств и войск интервентов во время Гражданской войны.
27. Воткинский завод. Вчера, сегодня, всегда. –Воткинск, 2009. –199 с.
28. Воткинский завод. История развития производства за 240 лет. –1999. –340 с.
29. Степанов В.М. Вспомним. Автобиографические воспоминания о близких, друзьях и наставниках...–Ижевск, 2009. –336 с.

*Каждый мнит себя стратегом
Видя бой со стороны
[Ш.Руставели]*

ВОЕННЫЙ ГУМАНИЗМ или ТАКТИЧЕСКИЙ ХОД?

Историки Ижевско-Воткинского восстания рабочих и крестьян, продолжавшегося с августа по середину ноября 1918 г. отмечают, что части Красной армии отчего-то не подвергли городскую застройку Ижевска и Воткинска разрушительной бомбардировке, хотя количество выпущенных ими снарядов при обстреле позиций повстанцев в окрестностях города ежедневно измерялось тысячами. Иными словами, причина этого воздержания лежит вне чисто военной плоскости. Обратимся к синхронной аналогии из мемуаров Белого генерала В.М.Молчанова, который имел опыт Первой мировой, а затем и Гражданской войны: «Красные почему-то не били <из пушек> Бирск самый. Я думаю, что они просто обеспечивали себя, чтобы их большие формирования были в Бирске и отдыхали эту зиму. Большой город был, хорошие строения- иначе они бы гвоздили его. А они не гвоздили, стреляли ...где-нибудь по берегу.» [1, с. 104-105]

Но Красные войска не вставали на постой в захваченных ими Ижевске и Воткинске, обеспечивая в них порядок (в своём понимании) путём действий численно невеликих органов ВЧК и комендантской службы, и не использовали городской жилищный фонд. Значит, они сохранили дома и имущество обывателей по другой причине, и у них имелась возможность, но не было цели на уничтожение противника в блокированном городе.

Тот же мемуарист отмечал: «Я слышу Ижевск сдан, Воткинск сдан. Воткинцы построили мост через Каму, по мосту переправились. Громаднейший мост построили, конечно, временный он был, состоял из баржей на якорях, и так далее.» [1, с. 98]

Итак, Красная армия¹ располагала десятками единиц оружия дальнего боя (имеются в виду артиллерийские орудия с достаточным боезапасом и пулемёты). В первую декаду ноября 1918 г. она взяла Ижевск, а вскоре и Воткинск, но отчего-то не расстреляла скопление отступающей живой силы противника на правом берегу Камы. Множество солдат и мирного населения было сконцентрировано здесь в ожидании переправы. Красные спокойно позволяют повстанцам уйти и увезти с собой вооружение, включая несколько пушек. Были вывезены семьи, личные хозяйства, часть имущества завода. Казалось бы, имея не менее 10 тысяч

¹ В составе полевых войск и двух флотилий.

штыков и сабель, Красным было бы куда как просто рассеять, порубить и разогнать многовёрстный тележный обоз Ижевцев, растянувшийся на марше и расстрелять самую переправу с высокого правого берега из пушек. Однако же, о жертвах той эвакуации историкам пока не известно. Наконец, наплавной мост через Каму (а ширина реки составляла несколько сот метров) мог быть разрушен если не артиллерийским огнём Красных, то путём элементарной диверсии для предотвращения эвакуации. Для этого достаточно было послать на этот импровизированный мост в качестве тарана движущийся пароход или просто гружёную баржу по течению. Ничего сложного в этом нет; достаточно вспомнить, что для борьбы с бронепоездами таранные «чёрные» т.е. небронированные паровозы широко применялись обеими сторонами.

Разумеется, вопрос о причинах необъяснимой пассивности Красных войск приходил в голову и нашим предшественникам. Так один из деятелей местной исторической науки ещё в 2003 г. писал: «Три красные дивизии (азинская, медведевская и максимовская), а также Волжская военная флотилия под командованием Федора Раскольникова с отрядом морских пехотинцев² Ивана Кожанова одержали блестящую победу над ижевско-воткинскими повстанцами без особых потерь для себя. При помощи авиационного отряда, также участвовавшего в боях за освобождение Удмуртии от белоповстанцев, они прекрасно знали, где находятся и по каким путям идут за Каму отступающие части. Они знали также, что через Каму в районе Галево строится понтонный мост³, и все ближайшее кре-

² В документах того периода нет термина «морская пехота». Подразделение называется «отряд военных моряков». Добавим, что кроме Волжской флотилии в полтора десятка кораблей, вооружённых пушками и пулемётами здесь действовала и Пермская бронefлотилия Красных. (О ней чуть подробнее далее.)

³ Разумеется, от авиации, если бы она совершала ежедневные вылеты на разведку района предстоящих боёв, невозможно было бы скрыть ни перемещения массы войск или беженцев, ни факт постройки моста через Каму. Действительно, в составе флотилии Раскольникова была буксируемая баржа «Коммуна», переделанная в «авианосец». Она несла то ли 4 то ли 6 гидросамолётов, которые взлетали с воды. Известно, что они бросали на противника пудовые бомбы. Вот только данные как о самом факте применения, так и о результативности применения этих (равно как и иных) самолётов в Ижевско-Воткинской операции Красной армии в начале ноября 1918 г. пока не опубликованы. Впрочем, тот же автор пишет, что «самолёты поддерживали связь между собой при помощи радио» (!?) [2, с. 132] В то же время, всякий, кто знаком хоть немного с историей техники знает, что лишь спустя десятилетие после описываемых событий были произведены опыты по установке радиопередающей аппаратуры на разведывательные самолёты. Уровень радиофикации отечественной авиации лучше всего показан в фильме «Чкалов» выпуска 1940 г.: там главный герой во время воздушного праздника в Москве обнаружил неполадку своего самолёта (невыход стойки шасси при посадке); руководитель полётов передаёт ему команду бросить самолёт и прыгать с парашютом. Но как передаёт? Он пишет команду на фюзеляже своей машины. Пишет белой краской. А Чкалов в ответ отрывает кусок обшивки своего самолёта (sic!) и пишет карандашом записку присутствовавшему здесь же товарищу Сталину, что машину он не бросит. Одним словом, факт

стьянство мобилизовано на вырубку векового костоватовского соснового леса⁴.

Что бы стало с этими людьми, увозившими свои семьи - жен и детей на повозках и скопившимися на узком берегу галевской пристани, если бы красные прорвались, поставили хотя бы десяток пушек на высоком берегу!? Какая кровавая каша могла быть на берегу Камы! А ведь они могли это сделать без всяких усилий. И должны были сделать⁵, так как белогвардейцы, отступая, везли с собой огромное количество оружия и боеприпасов. А это новая опасность для большевиков и Красной армии, новые потоки людской крови! Именно для вывоза пушек им необходим был понтонный мост.⁶

Но поразительно: в течение целой недели командующий Второй армией Восточного фронта красных В.И. Шорин не предпринимает ни одного серьезного боевого действия, хотя до расположения отступающих белогвардейцев ходу не более одного дня. На подступах к Воткинску стоят безучастно части Вятской дивизии и 7-й Бауский полк латышских стрелков, присланный специально из Луги, вооруженный 6-дюймовыми пушками. Они вошли в Воткинск и вышли на правый берег Камы только 13-14 ноября, когда отступающие благополучно переправились уже на левый берег реки, взорвали за собой понтонный мост и двинулись на восток.

Этот выдающийся акт гуманного отношения победителей к побежденным, к сожалению, до сих не нашел своего отражения в исторической литературе, но он существовал в реальности!» [3]

Конечно же, мы не можем допустить мысли, что В.И. Шорин, бывший полковник царской армии, а на тот момент командующий Второй армией Красных планировал выпускать противника из мешка вместе с его пушками и винтовками просто так, под свою ответственность, чтобы через неделю снова с этим же противником биться и «лить новые потоки людской крови».

боевого применения авиации, а уж тем более авиации с радиосвязью в декабре 1918 г. под Ижевском и Воткинском пока сочтём недоказанным и во внимание принимать не будем.

⁴ В действительности заповедный заводской лес возле дер. Костоваты был вырублен в годы Великой Отечественной войны.

⁵ Если командир **должен** был что-то сделать в боевой обстановке, но не сделал этого, то он совершил воинское преступление. Военнослужащий, как начальник, так и рядовой солдат за невыполнение воинского долга подвергается наказанию. Общеизвестна практика расстрелов командиров, комиссаров и каждого десятого бойца в частях Красной армии (так наз. децимаций), не выполнивших приказ.

⁶ Пушки и иное артиллерийское имущество это хотя и тяжёлый, но весьма компактный груз если сравнивать их с телегами беженцев. Да и сколько их было, тех пушек у повстанцев? Описи артиллерии известны; пушек было полтора десятка. Для их перевозки вполне хватило бы единственного парохода. Об этом пишут и мемуаристы (см. далее). А мост был нужен исключительно для того, чтобы по нему перешли тысячи беженцев и перевезли объёмные грузы, коими являются узлы со скарбом, запасы пищи и фуража.

Итак, попытаемся разобраться в том, что же это было на самом деле: импульсивная гуманность, тактическая ошибка командарма Шорина, преступная нераспорядительность полевых командиров или стратегический замысел Главного командования Красных? А может быть, что-то ещё?

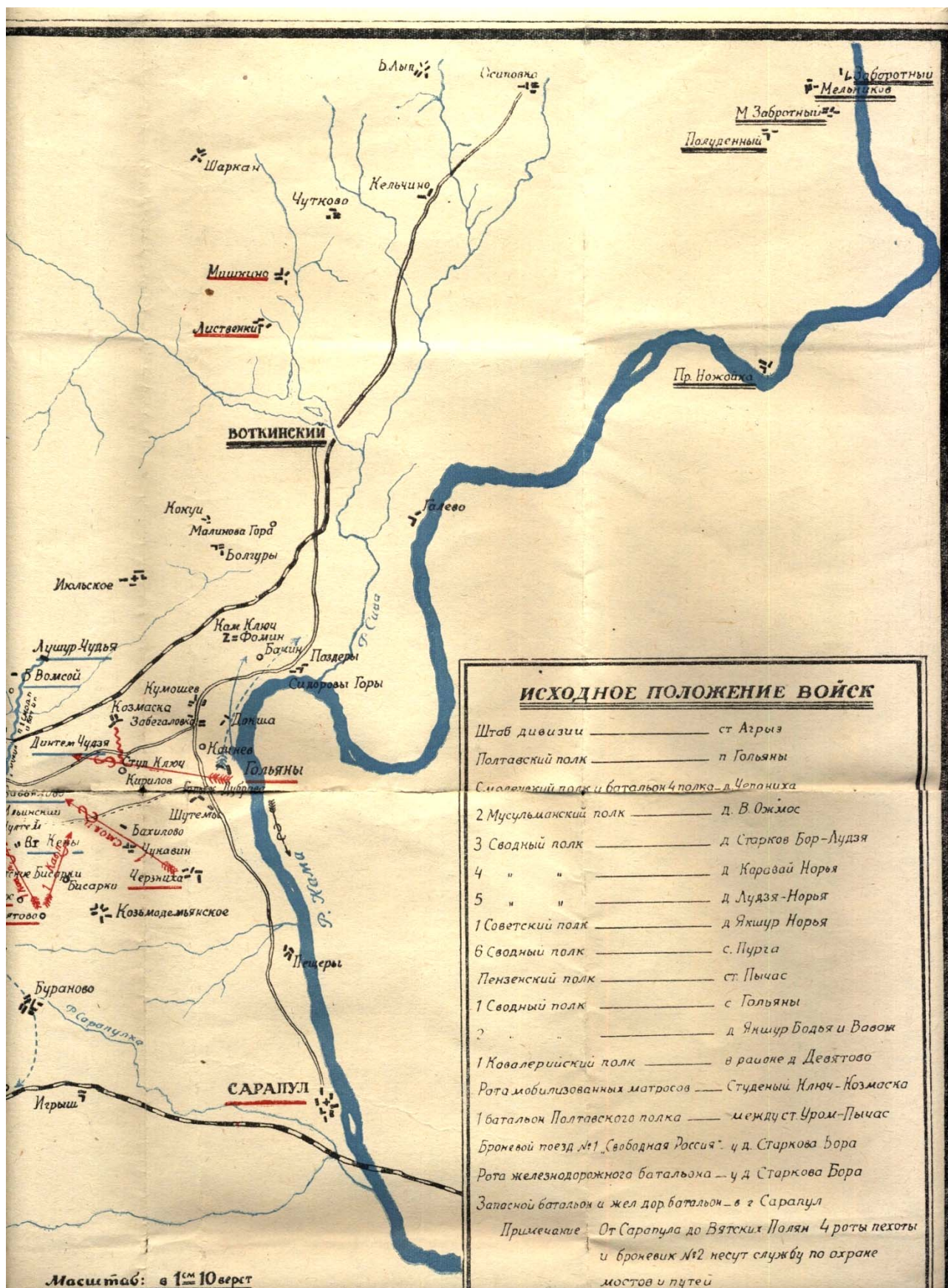
Впрочем, в связи с феноменом «Галёвского чуда»⁷ стоит обратиться к малоизвестной истории Камской бронефлотилии ВЧК, действовавшей из Перми, да и вообще пристальнее взглянуть на ход военных действий у Камского берега в те дни, когда повстанцы пошли по переправе...

Корабли не вступают в бой

Известно, что Камская бронефлотилия Красных, которая базировалась на Пермь и с августа 1918 г. пыталась деблокировать Каму, перерезанную повстанцами в Гольянах и Галёве, три месяца перестреливалась с ними, высаживала десанты и вступала в дуэли с их кораблями, но отчего-то покинула свой боевой участок и ушла в базу в первой декаде ноября, как раз накануне решительного штурма Ижевска и Воткинска. Посмотрим на карту боевых действий, составленную в штабе 2-й Армии Красных в то время. На этой карте обозначен Красный мусульманский полк, который бежал с поля боя 7 ноября, бросив винтовки и пушки и пограбив по пути имущество своих командиров в обозе. После бесславного боя полк был расформирован и на картах более не обозначался. Упомянут в легенде карты и обозначен на местности бронепоезд «Свободная Россия». А вот столь действенной силы, которой на протяжении нескольких месяцев была Камская бронефлотилия, и сил Волжской бронефлотилии (с её пресловутыми аэропланами), которые подчинялись командарму-2 Шорину на карте нет. Чёрным цветом подчёркнуты на карте названия населённых пунктов, занятых противником. Пристань Галёво такого подчёркивания не имеет. Никакие задачи на предотвращение эвакуации Народной армии не поставлены перед Красными бронефлотилиями и в общеизвестных и весьма подробных Приказах № 200 и 201 по Второй армии о штурме Ижевска и Воткинска от первых чисел ноября. Нет там ни слова об овладении переправами противника, ничего не сказано о том, что противник должен быть разбит и пленён на правом берегу Камы, что у него надо отобрать пушки и обоз. Не обозначены на карте и в приказе ни скопления противника под Воткинском, ни его паромные переправы, о которых Шорину будто бы «хорошо известно».

Отступавший с Народной армией казначей П.А.Николаев записал тогда в дневнике:

⁷ По аналогии с известным «Дюнкерским чудом».

Фрагмент схемы штурма Ижевска в ноябре 1918 г. частями 2й армии. Фрагмент. [ЦГАСА, Ф.3, оп.1, Д. 75, Л. 269] Оригинал предоставлен для публикации Е.Г.Ренёвым.

«9 ноября ...ходил к Главнокомандующему, <он> велел сдать <деньги> Полевому казначею. Сдали деньги Казначею с портфелем по счёту пятьсот пятьдесят тысяч и прикомандировались **на случай эвакуации**.

10 ноября день прошёл спокойно, покамест не угрожает.

12 ноября прошли до Степаново 20 вёрст, за Камой остановились ночевать.

13 получил документ на деньги. Ночевали в Степанове

14 го утром в Зипунове, 4 верст от Зипунова до Ошвы...» Цит. по: [4, с.114]

Приведённый текст мало что говорит до тех пор, пока мы не будем читать его буквально по словам и с картой Пермского края в руках. Что мы видим? 9 ноября, Ижевск уже 2 дня как пал, а в Воткинске об эвакуации пока не объявлено: хранитель всей армейской казны говорит об эвакуации лишь как о вероятном событии. 10 ноября противник был от Воткинска сравнительно далеко, и городу не угрожал. 12 ноября казначей (пешком?) проходит 20 вёрст, видимо, из Воткинска до с. Степаново, что вблизи переправы, но переправляться отчего-то не спешит, а ночует в селе. 13 ноября он снова ночует в Степанове, но это, видимо, уже левобережная деревня Степаново, она лежит в 12 км. строго на юг от прибрежной деревни Векошинка. 14 ноября он оказывается в дер. Зипуново (это примерно 30 км. к юго-востоку от последнего Степаново), а затем делает не менее 30 вёрст (если судить по карте) в том же направлении от Зипуново до Ошвы (Ошвы?).

Казалось бы, по всей логике вещей именно в этот момент Красная армия должна собрать все силы, а корабли Волжской (Ф.Ф.Раскольников) и Камской (Пермской) флотилий с их пушками более всего необходимы здесь для решительного разгрома блокированного противника. Но мы встречаемся с труднообъяснимым парадоксом, который описан в официальной истории Гражданской войны: «Осень в 1918 году выдалась холодной. Уже в конце октября в Прикамье начались первые заморозки, а в начале ноября на реке появился первый лёд, образовалась шуга. Возникла угроза, что со дня на день ледовый покров прочно скуёт реку. Штаб 3-й армии вынужден был отозвать все суда <Камской> бронифлотилии в Пермь. Отход судов Камской бронифлотилии осуществлялся по частям. Последним ушёл с фронта бронепароход «Урицкий», который только 13 ноября с невероятными трудностями дошёл до Перми прокладывая себе путь в сплошной шуге» [5, с. 62] Обстоятельства отхода, а по факту- уклонения от боя Волжской флотилии 5 ноября 1918 г. чуть более подробно описаны нами в предыдущей книжке.⁸ С документами в руках мы показали, что суда флотилии Расколькова были к тому времени тяжело нагружены реквизированным у жителей Прикамья продовольствием, имели на буксире по нескольку баржей, и им просто невозможно было вести боевую работу.

⁸ См. Коробейников А.В. Волжская флотилия против Народной армии.

Но почему Пермская флотилия уходит в базу? Историки пишут, видимо, ссылаясь на донесения Красных флотоводцев, что осень 1918 г. была необычайно холодной, по реке пошла шуга, и капитаны опасались, что их суда вмёрзнут в лёд. Что такое шуга? Толковый словарь Ожегова говорит, что это: «мелкий рыхлый лёд, появляющийся перед ледоставом» [6, с.1179]. Допустим, шуга действительно затрудняла движение Красных бронепароходов, но отчего же она не мешала речникам Народной армии строить переправы, о которых пойдёт речь ниже? Ведь понтоны и баржи по Каме они тоже таскали буксирами с колёсными движителями. Не мешала им шуга и плавать по Каме до 14 ноября. Далее: мы видели из цитированного отрывка, что Красный бронепароход «Урицкий»⁹ 13 ноября добрался до Перми вполне благополучно, то есть до ледостава. А был ли вообще в 1918 г. на Средней Каме ранний ледостав и когда он там вообще бывает? Обратимся к современному агроклиматическому справочнику по Удмуртской республике. В нём сосредоточены наблюдения за сроками ледостава с 1877 г. Согласно этому источнику обычный срок ледостава на Средней Каме- 19-20 ноября, а самый ранний ледостав у Сарапула -25 октября- был зафиксирован в 1912 г. [8, с. 99] Понятно, что в Перми ледостав может наступить и на несколько дней раньше, чем у Галёва. Но в любом случае, военные пароходы Красных были уже на зимовке в Перми, когда повстанцы эвакуировались через Каму по мостам. Таким образом, если бы командование Красных имело намерение не допустить этой переправы любой ценой, то парой своих пароходов оно могло бы пожертвовать легко: на тот момент в их распоряжении в Перми имелось ещё более сотни судов. (Хотя наверное, тогда всем было трудно предвидеть, что Камский флот будет захвачен Белыми в конце 1918 г.)

Итак, 13 ноября «Урицкий» (бывший «Левшино») был в Перми. А когда он покинул свою боевую позицию? Решим простую задачку: скорость хода «Урицкого» известна- 12 узлов, т.е. 22,2 км/ч. Известно, что скорость течения Камы в наши дни на участке от Сарапула до плотины Воткинской ГЭС составляет от 2,5 (в межень) до 4,3 км/ч (в половодье). Возьмём среднюю цифру 3,5 км/ч. Пароход шёл против течения, и хотя судно встало на позицию лишь 18 октября, придя из Перми, где получило ремонт [5, с. 59], его машина, наверное, была сильно изношена и не давала полной мощности, а по воде шла шуга и пр. С учётом всех неблагоприятных факторов уменьшив скорость плавания судна более чем вдвое. Получится около 10 км /ч. Расстояние от района севернее Галёво, где мог бы оперировать этот бронепароход, до Перми составляет по воде 300 км. То есть, при

⁹ Ранее назывался «Иван», «Братья Каменские», «Левшино», а в Камской бронefлотилии, с сентября 1918 г. получил имя «Урицкий».[5, с.26] Это было большое и мощное судно: длина 68 м., ширина 12,8. м, осадка 1,33 м., Мощность машины 480 л.с. Скорость 12 узлов [7, с. 64] Вооружение: одно 100 мм. орудие, 2 пушки кал. 75 мм., 6 пулемётов. [5, с. 142];

безостановочном плавании потребуется $300:10=30$ часов. Иными словами, чтобы быть в Перми 13 ноября, «Урицкий» должен был покинуть позицию никак не позднее 11-12 ноября, то есть, как раз в те дни, когда по наплавным мостам через Каму полным ходом шли Ижевцы и Воткинцы! Даже если переправа была бы построена лишь в первой декаде ноября, «Урицкий» имел бы достаточный запас по времени, чтобы расстрелять эту переправу и уйти на зимовку. Ему нечего было опасаться прекратить здесь судоходство, оставив после себя фарватер, который перегорожен затонувшими корпусами понтонов: навигация заканчивалась, а обломки моста всё равно были бы (и в реальности были) снесены весенним ледоходом и половодьем. Значит, причина отвода судов Пермской флотилии была всё-таки не в раннем ледоставе, и суда ушли в тот момент, когда им проще всего было бы разбить переправу несколькими выстрелами. Отчего же всё так произошло?

*

Но если в севера, с Верхней Камы всю осень 1918 г. действовала Камская бронefлотилия, то с южного направления в октябре на Среднюю Каму вошла другая военная сила Красных- Волжская флотилия. И здесь внимательный читатель заметит необъяснимые противоречия в изложении событий разными авторами.

Историки И. Быховский и Ю.Ракитин пишут: в начале ноября «Отряд судов Волжской военной флотилии, у которого на Каме оставалось несколько канонерских лодок¹⁰ и десантных судов, должен был сковать своими действиями белогвардейские войска (читай: войска Народной армии – А.К.), оперировавшие в районе Воткинского завода.¹¹ Канонерским лодкам было приказано взять под обстрел дороги, ведущие к Ижевску и не допустить переброски резервов противника. Во время упорных боёв за Ижевск, завязавшихся 6 и 7 ноября канонерские лодки «Товарищ Маркин» и «Крестьянин-товарищ» находились в Гольянах...Суда Волжской военной флотилии поднялись вверх по Каме, поддерживая огнём артиллерии наступление частей Красной армии на Воткинск и **9 ноября овладели пристанью Галёво**...12 ноября был освобождён Воткинск.» [5, с. 98-99]

В свою очередь, А.Б.Широкоград пишет: «6 ноября начался спад воды на Каме, температура воздуха упала до минус 2 ° С, температура воды – до плюс 1 ° С. Командование¹² приняло решение уводить флотилию на зимовку в Нижний Нов-

¹⁰ Канонерской лодкой или артиллерийским судном называют корабль, предназначенный для обстрела береговых целей.

¹¹ Основной задачей Волжской флотилии Красных, видимо, была блокада флотилии Старка в р. Белой.

¹² Надо понимать, командование 2-й Армии Красных?

город. На Каме были оставлены лишь два судна: «Товарищ Маркин» и «Крестьянин-товарищ»... В тот же день Красные произвели высадку десанта с баржи у Гольян. «Товарищ Маркин» в течение трёх часов поддерживал десантников огнём. Утром 8 ноября «Товарищ Маркин» и «Крестьянин-товарищ» подошли к селу Докша, где были обстреляны артиллерийским огнём. Отстрелявшись, оба парохода повернули обратно. 9 и 10 ноября оба парохода вели обстрел частей противника в районе сёл Гольяны и Докша... 11 ноября «Товарищ Маркин» и «Крестьянин-товарищ» прошли деревню Паздёры, но у впадения в Каму реки Сивы... обнаружили боновое заграждение на якорях и лёд.¹³ Суда повернули назад. В районе Паздёр суда были обстреляны с берега и тоже отвечали огнём. Вечером того же дня части Красной армии взяли Паздёры. На следующий день «Товарищ Маркин» и «Крестьянин-товарищ» продолжали обстрел левого берега Камы. Но вскоре пришёл приказ командарма 2-й армии В.И.Шорина «идти на зимовку». 13 ноября оба судна пошли вниз по Каме... 16 ноября «Товарищ Маркин» и «Крестьянин-товарищ» пришли в Нижний Новгород.» [7, с. 60-61]

Так всё-таки захватывали ли суда Волжской флотилии «Товарищ Маркин» и «Крестьянин-товарищ» 9 ноября пристань Галёво, вблизи которой был понтонный мост, по которому уходили повстанцы или нет? Налицо явное расхождение в свидетельствах.¹⁴

Обращение к официальным документам мало что проясняет: 9 ноября командарм В.И.Шорин подписывает приказ № 201 «Войскам армии о продолжении преследования противника и освобождении Воткинска». Читаем: «Смоленскому ... и Шестому сводному полкам наступать ... для овладения Воткинском с южной и юго-западной стороны... Первому сводному полку для овладения Воткинском с юго-восточной стороны. Флотилии подняться вверх по Каме и содействовать огнём наступающим Первому сводному и Смоленским полкам. Авиационному отряду боевые задачи будут даваться каждый раз отдельно... Роте моряков занять Усть-Речинскую пристань.» [Цит. по: 9, с. 107-109] Краевед В.Г.Лекомцев справедливо замечает, что «флотилия... не принесла результативной помощи войскам 2-й Армии.» и предполагает, что командарм Шорин на-

¹³ Как отмечалось выше, в составе Волжской флотилии действовала баржа-гидроавиатранспорт «Коммуна». Логично предположить, что, по крайней мере, до принятия решения об отводе судов на зимовку 6 ноября руководство Красной флотилии имело время, чтобы произвести авиаразведку акватории Средней Камы и получить полные данные о наличии боновых заграждений и моста (или мостов), которые были закончены постройкой 4 ноября (см. об этом далее).

¹⁴ Полагаем, что сочинения цитированных нами историков должны иметь в основе своей документальные свидетельства: судовые журналы и официальные рапорты. Впрочем, судить об этом трудно: особенность обнаруженной нами литературы о боевом применении флота на Каме в 1918 г. состоит в том, что эта литература зачастую не имеет научно-справочного аппарата и ссылки на архивные дела в ней не приводятся.

правил главный удар на позиции противника вокруг города, а не на переправу, для овладения которой в Усть-Речку была послана лишь рота моряков [9, с. 110-111]. Этот просчёт Шорина спас жизнь многим Воткинцам и Ижевцам; к мосту через Каму красноармейцы пробиться не смогли [9, с. 116]

Но могли ли корабли флотилии Раскольников в принципе выполнить приказ и попасть в Галёво для оказания эффективной помощи наземным силам до подавления Ижевско-Воткинского восстания и разрушить переправу до 14 ноября? Логично допустить, что 11 ноября встреченное ими боновое заграждение в устье Сивы у деревни Паздеры было бы разрушено войсками Красных, которые взяли в этот день названный населённый пункт. Значит, судам Волжской флотилии путь был бы открыт, им оставалось подняться до Галёво около 40 км.: это 4-5 часов неторопливого хода. Иными словами, они имели полную возможность 12 ноября обстреливать и переправу, и левый берег Камы в районе в Галёво, а 13 числа уйти вниз по Каме на зимовку. Обратим внимание читателя, что и Ижевск, и Воткинск и Галёво стоят на правом берегу Камы. На этом же берегу расположена и упоминаемая деревня Паздёры, и устье Сивы. Зададимся вопросом: отчего пушки подошедшей флотилии обстреливают цели именно на левом берегу а не заграждение? Видимо повстанцы уже частично перешли к тому времени на левый берег. Запомним и приведённые выше даты из истории написанной в Советское время: 6 ноября командование Красных принимает решение уводить Волжские суда на зимовку, 9 ноября эти суда будто бы захватывают пристань Галёво, которая была, так сказать, портом повстанческой армии (и расположенную рядом деревню Усть-Речка, от которой был построен понтонный мост ?), примерно 10 ноября район боевых действий оставляет последний пароход Пермской флотилии, а 13 ноября последние корабли Волжской флотилии уходят вниз по Каме.

Итак, накануне решительного штурма цитадели повстанцев полевые войска и флотилии Красных действуют враздробь, и вместо концентрации усилий разбегаются кто куда. Но отчего командиры обеих флотилий отводят свои соединения кораблей под единым предлогом ухода на зимовку? Мы видели, что сроки ледостава на Каме в навигацию 1918 г. ранними не были. Нижний Новгород на 800 км. юго-западнее Перми. И хотя оба города находятся в поясе умеренного климата, сроки ледостава рек в этих местах сильно различаются. То есть в Перми ледостав всегда намного **раньше**, чем в Новгороде, но суда отходят туда неделей **позже**, чем в Новгород! Время в пути от Галёвской пристани до этих баз почти одинаковое, но в Новгород суда уходят уже 6 ноября, а в Пермь- 11-12 ноября. Впрочем, может быть и основная масса Пермских судов (кроме «Урицкого») ушла в базу в тот же день? А если так, то следует отметить труднообъяснимое в силу нелогичности единодушие в мотивации Красных флотоводцев. Документы о дейст-

виях Пермской флотилии пока нами подробно не изучены и можно лишь предположить, что её суда снялись с позиции накануне решительного сражения по той же причине, что и Волжская флотилия: корабли были перегружены реквизированным продовольствием и вследствие большой осадки и малой манёвренности реальной боевой отдачи дать не могли. К тому же их командиры не желали рисковать драгоценным продовольственным грузом. А может быть, к началу ноября военачальникам обеих сторон было ясно, что никакого генерального сражения, никакого «последнего и решительного» боя у переправы не будет?

Загадочные понтонные мосты

Воткинский краевед В.Г.Лекомцев, видимо, применяя знания, полученные им в военном учебном заведении, реконструирует ход мыслей командарма Шорина относительно переправы и совершенно справедливо указывает, что: «...Кама-широкая река. А это значит, что на имеющихся пароходах и баржах через Каму можно переправить лишь часть повстанцев. Строительство моста займёт не менее двух недель, будет обнаружено аэроразведкой и флотилия Раскольникова уничтожит недостроенный мост. **И разведка в самом деле заметила строительство моста в районе села Бабка.**(откуда это?- А.К.) Но путь туда неблизкий из Воткинска, а от Ижевска- далёкий, и бегущий противник будет разбит на этой дороге.» [9, с. 117]

Мы видели выше, что обращение к источникам, которые находились в научном обороте до настоящего времени, пока мало проясняет стратегические замыслы сторон по отношению к переправочной операции Народной армии, так как свидетельства весьма разноречивы. Приведём максимально полно все источники, из числа тех, что были обнаружены к настоящему времени.

«Мост для переправы при отступлении и на левый берег Камы строился по указанию Начальника штаба <Народной армии> капитана второго ранга Вологодина. Фактическим руководителем работ на месте был техник поручик Лотков, позднее ставший начальником инженерного дивизиона. (Умер в Сан-Франциско в 1969г.) Вот некоторые детали постройки моста по запискам поручика Лоткова¹⁵. Он говорит, что лесного материала у нас было вполне достаточно. Командированный из Воткинского завода инженер Никольский¹⁶ пустил в ход заводскую лесопилку в Галёве и мы своевременно получали пилёные материалы потребных

¹⁵ В расстрельном списке Воткинской ЧК № 111 от 14 января числится Лотков Алексей. Вероятно, это родственник названного поручика Лоткова? Об этом списке см. в настоящем издании далее.

¹⁶ В списке отступивших с Народной армией указан помощник заведующего Механическим цехом Н.В.Никольский (785-2-2 Л.11 об.)

размеров. На всём протяжении Камы от пристани у села Елова до пристани в Галёве (примерно 75 вёрст) мы нашли всего шесть деревянных барж, годных для понтонов, но этого было недостаточно, и нам пришлось перевезти две железных плоскодонных баржи в Галёво с заводского пруда.

Было недостаточно якорей. Для крепления моста на случай низового ветра пришлось применить изложницы из мартеновского цеха, которые на цепях вместо якорей были брошены в реку. Он говорит, что все инженеры и техники завода в числе 118 человек¹⁷ составили сапёрный батальон, который уходил вместе с армией, и оказывал ей помощь во время трудного похода» (Старцев Н. Примечания к запискам полковника А.Г. Ефимова о Воткинцах [10 с. 319.])

Мемуарист, как кажется на первый взгляд, весьма убедителен, ибо приводит детали постройки моста. Но именно в деталях и наблюдаются неувязки. Так, мы описали выше судьбу землечерпалки «Инженер Петерсон», которую неудачно пытались спустить с Воткинского завода в Каму по большой воде весной 1918г. С лета того же года она сидела на мели возле у Сивинского моста возле остановочного пункта «16-й км.» (См. в наст. издании выше) Таким образом, совершенно непонятно, как 2 баржи могли быть выведены из заводского пруда в Каму, если сплавной фарватер был перегорожен землечерпалкой, да к тому же уровень воды в реках Вотке и Сиве к осени бывал всегда невысок, и для сплава судов эти реки кроме как в весеннее половодье не использовались.

Другие мемуарные источники сообщают совсем иное: «Начальником переправы был капитан 1-го ранга Вологдин. В его распоряжении был штабс-капитан Самарцев, который встречал части и указывал им порядок переправы» [10 с.83]

«Оставление Ижевского завода поставило на очередь дальнейшую судьбу всей борьбы восставших...Совещание в Воткинске решило оставить район Ижевского и Воткинского заводов и отвести армию за Каму. В предвидении возможного отхода уже собирались материалы, и начиналась постройка через Каму плавучего моста на баржах, в двух верстах выше по течению от д. Усть-Речка.¹⁸ Строителем

¹⁷ Выше мы приводили данные о том, что на Заводе трудилось более 600 инженеров и техников. Визможно, 118 человек- эти инженеры и техники лишь судостроительного производства?

¹⁸ Баржи поперёк русла тут, видимо, уже стояли с августа, ибо по некоторым данным повстанцы осуществляли постоянный подвоз продовольствия с левобережья Камы, да и наличие некоторого мостового настила на них (накладываемого по мере надобности?), устроенного тогда же предположить можно. Может быть, линию баржей возле Усть-Речки без капитального настила разведка Красных воспринимала просто как одно из боновых заграждений? В любом случае, пассивность Красных флотилий по отношению ко всем этим инженерным сооружениям объяснить пока затрудняемся. Соответственно, при наличии мостовых опор в виде зачаленных или затопленных корпусов судов строителям переправы надо было устроить капитальный настил, рассчитанный на перевозку тяжестей и прохождение десятков тысяч людей.

был капитан 1 ранга Вологдин.¹⁹ Длина моста- 482 сажени, начало постройки 26 октября, окончание 4 ноября. [10, с. 573-574] (См. карту)

«В первых числах ноября противник подошёл на 4 версты к Воткинску, но дружным ударом рабочих был прогнан. Видя увеличивающиеся силы противника с большим запасом пушек и снарядов, а позади себя начинающую замерзать реку Каму, не имея достаточного вооружения, Воткинское и Ижевское командование ...решили уйти за Каму. Задача предстояла трудная: противник имел в своих руках сильную флотилию и всех родов оружие; Воткинцы имели только **три парохода, отнятые у противника и несколько баржей**.²⁰ На этих пароходах они и должны были перевезти тридцатитысячную армию, военное снаряжение, около ста пушек, несколько сот снарядов и около 700 пулемётов²¹ ...Для того, чтобы не прошла флотилия противника, они с обоих концов Камы затопили по нескольку баржей...В свободном пролёте они навели пловучий мост, по которому провезли 20000 беженцев, всё военное снаряжение, фураж и продовольствие и 30000 армию...Через неделю после отступления Каму сковало льдом и большевики превосходными силами повели наступление... [11, с. 406-407]

«Трудами **своей сапёрной роты** (А.К.) была выполнена весьма трудная работа срочной постройки понтонного моста через широкую и многоводную Каму. Потянулась по нему непрерывная линия людей и обозов; три дня²² продолжался великий исход. 40 тысяч рабочих и крестьян уходили из родных мест...11 ноября был покинут Воткинский завод. В ночь на 12-е. по мосту перешли последние части Воткинской армии; сапёры уничтожили мост...»[12, с. 435-436]

<Воткинцы> с честью вышли из всех окружений, а сверх того привезли ценный подарок адмиралу Колчаку и его армии. Это были сто тысяч винтовок, в своё время полученные ими от Ижевского завода.²³ [12, с. 437]

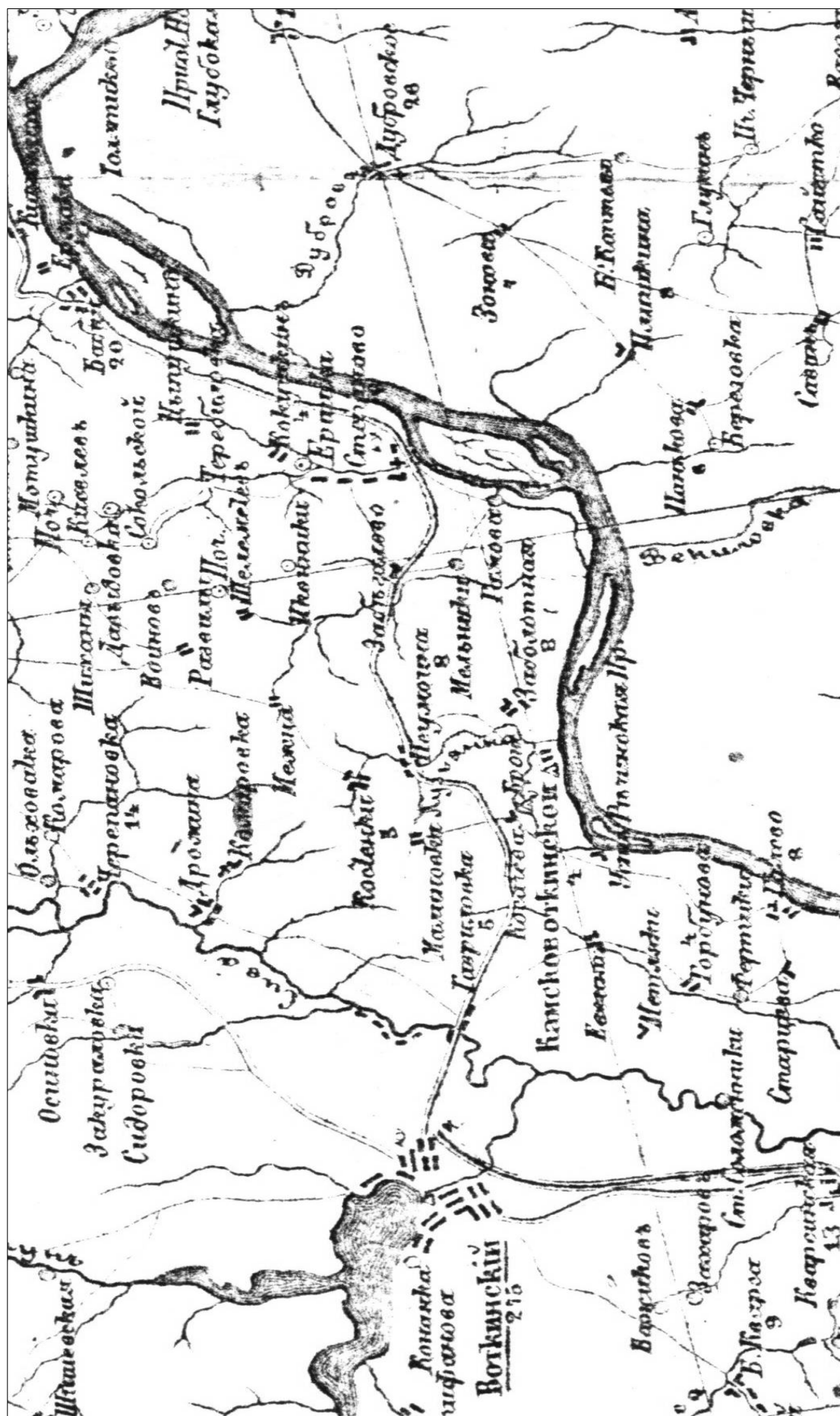
¹⁹ В приказах по Воткинской народной армии В.П. Вологдин упоминается как капитан второго ранга; см. об этом подробнее в главе наст. издания о биографии Вологдина.

²⁰ Ход рассуждений автора понять трудно: по логике вещей, повстанцы, не имея достаточно переправочных средств и видя замерзающую Каму должны были бы лишь несколько дней подождать и спокойно эвакуироваться по льду.

²¹ Приводимое число пушек и пулемётов в свете сравнения с многочисленными источниками о бедственном состоянии вооружения повстанцев представляется сильно преувеличенным. Скорее всего, речь идёт об изделиях незавершённого производства Ижевского завода- пулемётных стволах.

²² Используя мемуарные данные о пропускной способности моста и оценочные сведения о количестве переправленного людей и имущества В.Г.Лекомцев делает собственные расчёты и полагает, что безостановочное движение по мосту в ходе эвакуации должно было бы продолжаться не менее четырёх суток. [9, с. 141]

²³ Документальные подтверждения перемещения столь заметного количества оружия с Ижевского завода пока историками не обнаружены.

«Длина моста была 482 сажени, закончен он был в необычайно короткий срок между 26 октября и 4 ноября в обстановке частой бомбардировки красными канонерками²⁴ и без наличия каких-либо стандартных специальных средств. [12, с. 440]

«В ночь с 12 на 13 ноября поручик Болонкин вновь был вызван в штаб к капитану Юрьеву... Успешно отбив днём 13 ноября все атаки Красных поручик Болонкин около 9 часов вечера вышел на восточную окраину Воткинска, в 3 часа утра 14 ноября был у моста и в 5 часов утра переправился на левый берег Камы. Начальником переправы был строитель моста капитан 1 ранга Вологдин. Когда Красные, наступавшие по правому берегу с востока подошли близко к мосту, и он мог быть ими захвачен, руководители переправы отдали приказ поджечь его. Некоторые запоздавшие Ижевцы перебежали по уже горевшему мосту.» [10, с. 576.]

«Красные части, занявшие Ижевск, были настолько изнурены боями, что не могли двинуться в преследование, и, по показанию участников, только разведывательные отряды противника следовали за арьергардами уходивших Ижевцев [10, с. 574-575]

Верфь Воткинского завода. Идет постройка барж.
Начало XX в. (Из фондов НМ УР №3614-К) [13, с. 85]

Итак, если строителем переправы называют инженера Вологодина, то что же построил поручик Лотков: pontонный мост возле Усть-Речки или боновое заграждение у деревни Паздеры в которое уткнулась Волжская флотилия в конце октября?

²⁴ Пока не ясно, о каких именно «красных канонерках», оперировавших в районе переправы в указанный период с 26 октября по 4 ноября идёт речь в документе.

В литературе есть и другие версии эвакуации повстанческой армии, правда, без ссылок на источники информации. Так Воткинские краеведы утверждают, что мостовых что переправ было сразу две: уже описанная с Усть-Речки на Дубровку и из Бабки на Векошинку²⁵. Причём «северный мост предназначался только для окрестных жителей и части Бабкинского фронта... Бабкинский мост потребовал меньше затрат: там использовали Большой и Малый Бабкинские острова, но и по нему переправились на Левый берег не только люди, повозки, но и недоумевающие коровы, не желавшие идти неизвестно куда. Вот такая мелочь запомнилась некоторым из женщин, покидавшим родные края.» [9, С. 120, 121]

Воткинский краевед Николай Лапин изложил в личном сообщении ко мне свои соображения, основанные на изучении микрорельефа местности: «Что касается переправы, то она по моему была в Косачево; другого места попросту быть не может. Строительство её именно здесь было обусловлено:

1. Наличием материалов для строительства, в том числе барж, т.к здесь, в непосредственной близости, находился Камский броневой завод и основная пристань Воткинского завода, а на противоположном берегу Усть -Реченский перекаат.
2. Здесь наиболее удобный (пологий) спуск к реке по сравнению с Галево и Усть -Речкой.
3. Наиболее близкий путь до Камы.
4. Выше 2 верстах, у д. Заболотной, находился старинный перевоз, соединяющий правобережье с немногочисленными дорогами левого берега.
5. И наконец как никакое другое место соответствует описаниям А.Г.Ефимова в его книге "Ижевцы и воткинцы", а именно: от д. Усть-Речка тут 2 версты а ширина реки в этом месте примерно 482 сажени.» (См. карту)

²⁵ Такое указание представляется нам совершенно невероятным сточки зрения топографии, если, конечно же повстанцы не форсировали Каму вдоль течения... Названные населённые пункты ушли под воду или изменили свою местоположение после заполнения водохранилища Воткинской ГЭС. Но при взгляде на карту как старинную, так и современную легко установить, что в действительности напротив мостовой переправы на 2 версты выше пристани Усть-Речка примерно там, где сейчас село Камское, на левом берегу Камы лежит деревня Векошинка. Именно здесь несколько лет назад, на территории базы отдыха ИжГТУ был установлен памятный знак. В свою очередь, напротив Бабки на левом берегу лежит село Дуброво. Следовательно, представляется логичным направления переправ указывать как с Усть-Речки на Векошинку и из Бабки на Дуброво.

Есть и свидетельства очевидца эвакуации, Воткинского протоиерея Петра Николаевича Луппова. Свои воспоминания он составил независимо от других источников в начале 30-х годов XX века. Разумеется, вышеприведённые мемуары деятелей Белого движения ему не могли быть известны. Он о мостах вообще не упоминает, а порядок отхода описывает иной, чем изложен в цитированных выше источниках²⁶: «Воткинцы должны были двигаться через Галёво и Сайгатку (нынешний Чайковский) на Янаул, где предполагалось соединиться с Ижевцами, переправившимися через Каму 6-7 ноября в Гольянах.²⁷ Из Воткинска в Галёво отправилось около 4500 человек. Это были ещё не воинские формирования, скорее ополчение... В Галёво повстанцы переправлялись из Воткинска <по железной дороге и на лошадях> 11, 12 и 13 ноября. Их там собралось в общей сложности около 5000 человек, включая Галёвский гарнизон, заставы в Степаново и Волковском кордоне. Все повстанцы со снаряжением должны были добраться до Сайгатки на пароходах и баржах, которые были уже наготове. Осень в том году была очень тёплая, на Каме даже ещё не появлялось закраин²⁸, набухали почки на деревьях.²⁹ Вечером около 5000 Воткинцев были готовы к отправке. В Галёво было очень оживлённо в этот вечер, 13 ноября 1918г., ждали протоиерея

²⁶ Возможно, в сознании мемуариста слились воедино подробности двух эвакуаций Воткинцев: в 1918 и в 1919 г. ?

²⁷ О понтонном мосте в Гольянах историкам не известно. Видимо, переправа Ижевской Народной армии была осуществлена с помощью кораблей.

²⁸ Закраины- лёд, который намерзает от берега, так как земля охлаждается быстрее воды.

²⁹ Утверждение противоречит информации относительно флотилий: обе флотилии Красных спешат в те же дни завершить навигацию и завершают её в первой половине ноября ссылаясь на необычайно ранние холода!

Луппова. Он приехал, отслужил походное краткое богослужение...Затем началась погрузка людей на пароходы и баржи, которая происходила быстро и организованно. Снаряжение, артиллерия, хозчасть были погружены заранее. Прощальными пароходными гудками Воткинские изгои попрощались со своей Родиной и отправились в недалёкий путь до Сайгатки³⁰, откуда должны были следовать до Янаула походным порядком. Играл духовой оркестр.»
[14, с. 143-144]

Надо закономерно предполагать, что повстанцы могли уходить за Каму как по мосту, так и на кораблях, но остаётся совершенно непонятно, как Воткинцы могли 13 ноября творить молебен и под оркестр отплывать из Галёво, если в соответствии с общепринятым описанием этой истории Галёво было захвачено флотилией Раскольникова и частями Красной армии ещё то ли 9 то ли 12 ноября?

Последняя операция Народной армии

Попытаемся реконструировать события тех дней, обратившись к одному из немногих сохранившихся **объективных** источников. Речь идёт о подшивке Приказов штаба Воткинской Народной армии за период сентября-ноября 1918 г., то есть вплоть до падения Ижевска. Так вот, здесь на 80 листах с оборотами нет никакого упоминания ни о строительстве моста, ни об организации эвакуации. Поэтому нам придётся кропотливо выбирать косвенные свидетельства из данного источника, который историкам известен, но не использован пока в должной степени. Эти свидетельства, как представляется, могут пролить свет на многие из поставленных выше частных вопросов.

Итак, кто же строил паромную переправу? Поручик С.Н.Лотков, оставивший мемуар о строительстве переправы в текстах Приказов не упомянут. А вот имя В.П.Вологодина, которого мемуаристы называют строителем понтонного моста, в документах есть. Так, В.Вологдин, в должности инженера-электрика упоминается в документах Воткинского завода от 21 августа 1918г. (через неделю после начала восстания): тогда он представил доклад о необходимости строительства новой заводской электростанции. [16, с. 39] Приказом Начальника штаба Народной армии № 23 от 16 сентября В.П. Вологдин без указания чина, был назначен комендантом г. Воткинска [17, с.21 об], приказом от 20 сентября инженер Вологдин назначается начальником технической части Галёвского района [17, с. 24. об], а 1 ноября Вологдин уже как капитан 2 ранга становится членом Военного суда [17 с. 65].

³⁰ Около 20 км. вниз по течению.

Поручик Лотков указывает, что мост был построен «трудами своей сапёрной роты». Об этой роте известно пока немного. Так, приказом от 30 октября командиру сапёрной команды штабс-капитану Чебкасову приказано из «разрозненных команд сапёров сформировать сапёрную роту». Этим же приказом он был назначен командовать созданным подразделением и, видимо, начинает интенсивно строить понтонный мост (или боновое заграждение?). [17, с. 62] Впрочем, А.Г.Ефимов датой начала постройки моста называет 26 октября. Повторимся, что никаких приказов на эту тему мы пока не нашли, но тем не менее указанная дата отмечена в деле одним чрезвычайно интересным документом. В приказе за этот день читаем: «Начальник третьего подрывного отряда инженерных войск Степанов по сдаче минной станции на реке Каме начальнику подрывников Злыгостеву откомандировывается с командой в числе 15 человек обратно в Ижевск.» [17, с. 54] О чём это говорит? Прежде всего о том, что повстанцы перегородили Каму минными полями, установив либо контактные мины, либо те, подрыв которых предполагалось осуществлять выборочно и дистанционно, ведь для этого имелась специальная команда подрывников. А если так, то именно этих **минных постановок**, а не какой-то плавучей ледяной «шуги» опасались командиры красных флотилий, уводя свои суда подальше от переправы.

А сколько же судов имели Воткинцы в своём распоряжении на момент эвакуации? Идентификации судового состава Галёвской флотилии и её боевому пути мы посвятим отдельный текст; пока же заметим, что архивные документы позволяют утверждать, что у повстанцев было по меньшей мере 6 самоходных судов, и архив приводит их названия и имена комендантов, назначенных на них Приказом от 28 октября, т.е. накануне эвакуации. Не капитанов (или, по традиционной Камско-Волжской терминологии командиров), которые осуществляют судовождение, а именно комендантов, которые организуют перевозку людей и грузов. Некоторые из этих судов имели пассажироместимость в несколько сот человек. Кроме того, Воткинцы потопили, а после подняли и использовали несколько моторных вооружённых бронепонтонов Пермской флотилии ВЧК: сохранились приказы о назначении мотористов на эти трофейные суда. [17, с. 48]. А что же упоминаемые мемуаристами затопленные баржи? В протоколе заседания Делового совета Воткинского завода от 23 декабря, то есть через месяц с небольшим после ухода повстанцев указано, что принадлежавшие предприятию баржа «Кама» и плашкоут «Север» стоят на мели вдали от Галёва и «им угрожает опасность от весеннего ледохода». [16, с. 34] Но где остались эти баржи? То ли севернее Галёва, на пару километров выше Усть-Речки, где и был мост, то ли к югу от Галёва, в Паздерах?

Когда Воткинцы начали готовить отход? Можно обоснованно утверждать, что полковник Федичкин, командовавший Народной армией до 20 октября управ-

ляемый отход пытался спланировать заранее и организовывал для этого приобретение средств транспорта: так, с 18 октября в соответствии с его Приказом Воткинцы начинают кампанию по мобилизации конской амуниции на контролируемой ими территории [17, с. 48,об] и к 5 ноября получают сотни предметов гужевой сбруи и проводят инвентаризацию этих запасов. [17, с. 74].

Куда глядели командиры?

По свидетельству очевидцев отступающие Воткинцы уходили по левому берегу на юго-восток по коридору, ширина которого не превышала порой трёх километров [15, с. 387-388]. Полагаем, что ключевое слово в этом свидетельстве именно «коридор». Видимо, такой коридор для отступления целенаправленно был создан Красной армией, флотилии которой, равно как и сухопутные силы не предприняли попыток отрезать пути эвакуации блокированной группировки повстанцев несмотря на то, что физические возможности для этого были. Стратегической задачей Красной армии осенью 1918 г., видимо было не только очищение заводов, но и разблокирование Камы для организации подвоза продовольствия и сырья в Центральную Россию. Сухопутным штурмом вдоль правого берега Камы 22-23 августа выбить «Камскую пробку» не удалось. А если верно то, что блокада Камы повстанцами в октябре-ноябре осуществлялась с применением минных полей, то перед командованием Красных стояла задача удаления повстанцев от реки любой ценой.

Камский судостроительный завод в селе Галево (из фондов НМ УР №6761-РК)
[13, с. 76]

Удалить, а точнее выдавить повстанцев с Ижевского завода и с правобережья Камы Красной армии получилось лишь к середине ноября, после исчерпания ресурсов повстанческой армии. Однако, в свете прекратившейся навигации в итоге вышло так, что осенью 1918 г. решилась лишь узко тактическая задача освобождения правобережья, а водная артерия так и не заработала. Кама всё-таки замёрзла во второй декаде ноября; Красные продолжали теснить Воткинцев на восток, но так и не разбили их войско, которое вернулось домой по весне 1919 г. (Впрочем, говорят, что не стоит искать умысла там, где всё можно объяснить элементарной некомпетентностью исполнителей?)

В любом случае, и детальная картина применения флотилий в стратегических замыслах сторон, и детальная картина эвакуации Народной армии пока и не складываются; их фрагменты разваливаются под давлением выявленных противоречий. «Склеить» их можно лишь путём широкого привлечения новых источников и их перекрёстной проверкой для составления сводной хронологии событий.

*

В книжке «Волжская флотилия против Народной армии» мы постарались показать тактику действия центрального правительства по отношению к широким контингентам Прикамских повстанцев осенью 1918 г.: спровоцировать глухо недовольных крестьян и рабочих на открытое вооружённое выступление, довести дело до «точки кипения», до открытой вооружённой борьбы. Ибо повстанца с вилами или обреза, объявленного врагом, с «чистой совестью» можно расстрелять из пушек издалека, или скосить из пулемета в бою, или захватить в плен и расстрелять как врага, взятого с оружием в руках без суда и следствия. В самом деле, зачем было тратить ресурсы на агентурную разработку оппозиции, предварительное следствие, судопроизводство, содержание под стражей? Воистину: «Нет человека, нет проблемы».³¹ Куда как просто было выявить в регионе пассионариев и потенциальных диссидентов, и дать им самим проявиться вместо того, чтобы переубеждать их, перевоспитывать, «перековывать». Видимо, власть решила дать им сорганизоваться, а после широким жестом взять да и вырезать эту «негодную социальную ткань». Однако мы видим, что не менее половины квалифицированных воткинских тружеников встали на сторону Восставших, и это обстоятельство благодаря агентурной разведке Московским властям было наверняка известно: «вырезание» столь значительного объёма ткани явно грозило падением производства оружия, и даже многолетней остановкой наших заводов. Кроме того, не было тогда и технологии массового убийства в условиях городской застройки без попутного уничтожения при этом и членов семей оппозиционеров, и жилого фонда, и производственных помещений. Конечно же, Народную армию, после того, как она вышла из городов, попытаться уничтожить физически можно было бы в принципе. Но и тогда это сопровождалось бы массовой гибелью мирного населения в отступающем обозе. А если в обозе шли десятки тысяч, то и весть об этой расправе при неудачной эвакуации за реку была бы разнесена по округе десятками тысяч свидетелей. Иными словами, власть большевиков на долгие годы была бы в Ижевско-Воткинском районе скомпрометирована: расстрел переправы принёс бы ей ощутимые имиджевые потери.

Зададимся и таким вопросом: а те десятки тысяч, что ушли на Восточный берег Камы по мостам — они усилили Белое войско или нет? С одной стороны, они добавили в него солдат, но с другой стороны, они добавили и головной боли Белому командованию: среди пришельцев обученных бойцов было не так уж и много, а сопровождавших их беженцев пришлось кормить, как-то устраивать с жильём, предотвращать среди них эпидемии и пр. Из истории войн известно, что мудрый полководец, осаждающий крепость никогда не препятствует мирному населению в этой крепости укрываться; мирный беженец будет отнимать кусок хлеба у

³¹ Формула, авторство которой приписывают И.В.Сталину.

солдата, занимать жилище, которое в иных условиях было бы занято солдатом, будет жечь дрова, которые предназначались на обогрев солдата, и ехать на телеге, которая требуется для перевозки солдата. Иными словами, дефицитные ресурсы будут распыляться на содержание «небоевого элемента», объективно ослабляя войско. Точно по таким же мотивам и грамотный снайпер никогда «подранков» не добывает: раненый солдат противника в строю не стоит, но при том солдатскую пайку потребляет, и для ухода за раненым и для его перевозки требуется здоровый санитар, которого надо где-то взять, уменьшив количество строевых. То есть раненый боец ослабляет свою воинскую часть гораздо более, чем боец убитый: он- слабое звено. Понятно, что Красная армия в описываемых событиях ни семей своих, ни домашнего скарба, ни стационарных госпитальных больных за собой не возила, и этим уже она была объективно сильнее. Иными словами, с точки зрения тактической, Красное командование имело все логические обоснования для того, чтобы не «добывать» раненую Народную армию на Камском берегу.

**

Так мог ли командарм Шорин «устроить кровавую кашу на берегу Камы» в ноябре 1918 г., да ещё и «безо всяких усилий» как об этом говорил цитированный выше бывший деятель истпарта? Если бы мог, и получил бы такой приказ, то наверняка бы он такую кашу устроил: технические возможности у него были.

Вспомним, что 6-7 ноября, когда Ижевцы идут на Красных в последние отчаянные беспатронные атаки Шорин им «кровавую кашу» вполне спокойно устраивает и косит их из пулемётов. Убийства Ижевцев, не успевших к переправе и расстрелы повстанцев в захваченных городах он с чистой душой санкционирует. (См. об этом далее в наст. издании) А тут вдруг через мост он врагов «гуманно выпускает» с грузом пушек и винтовок, и при этом прекрасно понимает, что ему с этими врагами снова предстоит биться очень скоро, и при этом и их убивать, и своих людей терять. Всё он понимает, но, тем не менее, отпускает Красные вооружённые бронированные корабли на зимовку, чтобы не рисковать ими, но и свои пушки на высоком Камском берегу не ставит. Отчего?

Во-первых, задача на поголовное уничтожение повстанцев, видимо, не была перед ним поставлена: от командования Восточным фронтом он получал директивы врагов «прогнать за Каму». Вот он и прогнал, и орден Красного знамени за это получил.

При этом Камская бронефлотилия уходит на север в Пермь, когда, казалось, она тут нужнее всего, чтобы захлопнуть кольцо блокады. Да и Волжской бронефлотилии шуга будто бы мешает и десант высаживать и огнём его поддерживать

Но Шорин и командование Восточным фронтом в своей стратегии избегания боя ничего нового не открывают; обратимся к классикам военной мысли. Так, Никколо Макиавелии в «Размышлениях над первой декадой Тита Ливия» утверждает, что «Мудрый военачальник должен позволить своему противнику уклониться от битвы». Он разбирает множество исторических примеров того, как открытые пути к отступлению позволяли достичь стратегического превосходства над противником. Приведём лишь один из них, касающийся гражданской войны периода Римской истории: «Гней Манилий повёл своё войско против жителей города Вейи. ...Чтобы у жителей не осталось никакой надежды на спасение, он закрыл <им> все выходы. Противники, видя, что они заперты со всех сторон сражались отчаянно и храбро, убили самого Манилия и полностью перебили бы уцелевшее римское войско, не открой один мудрый трибун <для них> прохода. Этот случай показывает, что пока жители города Вейи были вынуждены бороться за свою жизнь, они упорно сражались. Однако, лишь только они увидели, что проход свободен, их охватило в большей степени стремление к бегству, чем к битве.» [18, с. 564]

Какие обстоятельства усиливают гипотезу о стратегическом замысле командования Восточного фронта Красных на избегание смертоносного сражения? Итак, повстанцев в начале зимы выдавили на левый берег Средней Камы где нет ни городов, ни ресурсов. Им создали коридор для отступления. А если бы лёд на Каме действительно встал в первых числах ноября, как того будто бы опасались Красные флотоводцы, то что бы случилось? В те дни последние патроны и снаряды ещё не были истрачены повстанцами при обороне Ижевска и Воткинска. И поэтому, как знать, они могли бы за день двинуть по льду к югу, на Сарапул-многолюдный город. А там Казанбургская железнодорожная линия, мост, порт, склады...А за Камой, в Уфимской губернии- Белая армия, от которой можно было бы получить и снабжение и подкрепления, да и сама Белая армия могла бы перейти на правобережье Камы... Как бы тогда развернулись события Гражданской войны в регионе? Однозначно, Ижевск и Воткинск не были бы сданы. Если представить хотя бы на минуту всё это, то станет ясно, что видимо, в той обстановке Красным командирам важнее всего было направить энергию повстанцев хоть куда, лишь бы подальше от городов-заводов?

Но отчего при завершении подавления мятежа ими всё-таки не была принята стратегия на полное уничтожение личного состава войска повстанцев? Она была вполне обычной для того периода, когда для подавления крестьянских выступлений Красная армия применяла все средства: не только артиллерию, пулемёты и авиацию, но и отравляющие газы? Наверное, надо вспомнить о том, что, авангардом восстания в Ижевске и Воткинске были митинговые местные политики,

неустроенные в плане работы фронтовики и пр. «баламуты». Но его движущей силой, поставщиком солдатских кадров, «пушечного мяса» было всё-таки крестьянство, обираемое продотрядами да рядовые труженики «от станка». Мы писали выше, что квалифицированные воткинские рабочие, ушедшие в «эвакуацию» сохранили профсоюз, и протоколы их собраний до сих пор хранятся в архивах. Надо понимать, что специалист-оружейник или металлист высокой квалификации будет востребован при любом режиме и при любом правительстве. Это не генерал Молчанов, у которого профессии не было, и в эмиграции он вынужден был сначала разводить кур, а прогорев, работать маляром и завхозом офисного здания. Поэтому через месяцы или годы, когда «запал прогорел» множество рабочих, не найдя себе применения в эвакуации вернулось из Сибири и даже их Китая, и продолжали трудиться в Ижевске и Воткинске и составили славу нашей оружейной столицы России. Власть их долго не трогала: видимо, посчитав достаточно наказанными за бунт. Часть их, правда, попала под каток репрессий 30-х годов. К слову, тогда же и бывшего командарма В.И.Шорина органы «хлопнули». А 1918 он был героем: деблокировал Каму, заводы от мятежников очистил...

Всё же представим на минуту, как артиллеристы Шорина в ноябре 1918 г. выкатывают свои орудия на прямую наводку и начинают стрелять в понтонный мост и в корабли с беженцами. Если бы могли, то, наверное, выкатили бы они тогда свои пушки.³² Однако, за несколько дней до того, под Ижевском «Красные орлы» поняли, что подвижные отчаянием повстанцы способны на беспощадные рукопашные «психические атаки». Иными словами, при подавляющем преимуществе в артиллерии и пулемётах Красные разрушили бы переправу рано или поздно, но цена за разрушение переправы была бы для них неприемлемо высокой. Потому Шорин медлит, сутки не входит в Воткинск, оставленный Народной армией, и пушки не выкатывает на прямую наводку, будто нарочно ждёт пока почти все повстанцы не уйдут на левый берег. (Разумеется, в штаб фронта он докладывает, что войска его «измотаны», и наступать не могут. Именно эта версия и попала в официальную историю Гражданской войны, и, видимо, отсюда её заимствуют Белые мемуаристы в больших чинах).

Но и это, видимо, лишь часть правды. Необходимо отметить, что кроме беспатронных бойцов Народной армии Красным противостояла здесь ещё одна сила, о которой историкам почти ничего не известно- Галёвская флотилия в составе не

³² Вспомним, что точно так же Красная армия «попустила» эвакуацию армии Врангеля из Крыма.

менее пяти-шести вооружённых судов! Вот ей то уходить со Средней Камы было совсем уж некуда, и пушки-пулемёты Красных, расставленные на высоком берегу Камы на кромке откоса как мишени в тире эта флотилия расстреливала бы своими дефицитными снарядами по принципу один снаряд- одно попадание, и расстреляла бы многие из них вполне успешно. Потому что служили в этой флотилии не полуграмотные китайские кули, чехо-мадьяры и прочие наёмники без роду-племени, а квалифицированные русские моряки и судостроители, которые на протяжении нескольких месяцев неоднократно наносили поражения Красным в боях на Каме и топили их корабли. Но это уже тема для отдельного разговора.

Библиография и источники

1. Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы./В.М.Молчанов; составл.Л.Ю.Тремсиной; коммент. С.В.Волкова. –М.: Айрис-пресс, 2009.–400 с.
2. Куликов К.И. В боях за Советскую Удмуртию. –Ижевск : Удмуртия, 1982. –260 с.
3. Куликов К.И. Роль научных учреждений и архивов в объективном изложении истории Гражданской войны в России. Режим доступа: [yhttp://gasur.narod.ru/comarch/mero/2003/zavjalovo/kulikov.htm](http://gasur.narod.ru/comarch/mero/2003/zavjalovo/kulikov.htm)
4. Жилин С. А. От Прикамья до Приморья.–Ижевск, КнигоГрад, 2008. –208 с.
5. Быховский И.А., Ракитин Ю.И. Боевой путь Камских бронefлотилий. Хроника. Воспоминания. Документы.– Пермь :Пермское книжное издательство. 1986.– 146 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. –М.: ООО»Издательство Оникс», 2008. –1200 с.
7. Широкоград А.Б. Великая речная война . 1918-1920 ГОДЫ. – М.: Вече, 2006. –416 с.
8. Агроклиматический справочник по удмуртской АССР.– Ленинград.: 1961.– 120 с.
- 9.Лекомцев В.Г. Воткинцы в Ижевско-Воткинском восстании. Приложение к «Воткинской газете».– Воткинск, 2005.–280 с.
10. Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками в 1918 г. // Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье ноябрь 1917- январь 1919. Документы и материалы.– Париж, 1982. –С. 553-591
11. Уповалов И.Г. Рабочее восстание против советской власти. Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье ноябрь 1917- январь 1919.

Документы и материалы. –Париж, 1982. –С. 396-421

12. Лотков С.Н. Камско-Воткинский завод и его рабочие.//Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье ноябрь 1917- январь 1919. Документы и материалы.– Париж, 1982. –С. 422-442

13. Иднакар: методы историко-культурной реконструкции [Текст]. № 3 (10): Митюков Н.В., Лапшин Р.В. Удмуртские названия в морском и речном флоте России. – Ижевск, 2010. – 76 с.

14. Добровольский И.А. Воткинский завод на рубеже эпох (Заметки конструктора) –Воткинский, 2009.– 400 с.

15. Гутман-Ган А.Я.Ижевское восстание.// Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье ноябрь 1917- январь 1919. Документы и материалы. –Париж, 1982. – С. 372-395

16.ЦГА УР, Ф. Р-785, Оп. 1. Д. 33. Копии протоколов заседаний Коллегии управления Камско-Воткинского горного округа.

17.ЦГА УР, Ф.Р-548, Оп.1, Д.1. Копии приказов начальника штаба Воткинской народной (белой) армии за период с 1 сентября по 8 ноября 1918 г. (с № 9 по № 78 включительно). На 80 л.

18. Макиавелли Н. Государь/Н.Макиавелли; Пер. с итал. К.А.Танушко. –М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. –704 с.

Ешь-потей, работай-мёрзни.

На ходу тихонько спи...

[Местная поговорка]

СОЦИОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНСКО-РАБОЧЕЙ АРМИИ

Несколько лет назад мой давний друг Евгений Геннадьевич Ренёв начал вплотную заниматься историей Ижевско-Воткинского восстания. Он сразу же заметил ряд необъяснимых противоречий в существующих трактовках Восстания как многопланового явления и поделился наблюдениями со мной. В частности, он обратил внимание на необъяснимые расхождения в публикациях, которые указывали число потерь Народной армии.¹ Кроме того, сами объёмы людских потерь, принятые в исторических описаниях событий 1918 г., показались ему чрезмерными: известно, что Белые мемуаристы писали, будто Красные войска, заняв Ижевск, учинили массовые расстрелы на центральной площади, а такой общепризнанный авторитет в деле исследования политических репрессий, как А.И.Солженицын, видимо, вслед за Белыми мемуаристами указывал, что число повстанцев, погибших при защите города, измерялось сотнями (кажется, 500-600 и даже 800 чел.)

Но такие указания, во-первых, не подкрепляются обнаруженными на сей день архивными данными. Так, мой друг попытался выяснить источник творческого вдохновения А.И.Солженицына и обратился к физическим и идейным наследникам литератора. Но в ответ получил лишь что-то вроде: «Если *такой* человек писал, значит знал...».

Во-вторых, логично полагать, столь фатальная одномоментная убыль заводского населения, несомненно, сказалась бы на производстве: вопиющий дефицит кадров должен был сразу и надолго остановить завод или одно из производств и, опять же, отразиться в документах учёта личного состава цехов и производств, но ни того ни другого не произошло.

В-третьих, массовое истребление жителей заводских посёлков было бы запечатлено в сознании их родственников и нашло бы отражение в устных источниках, но никаких рассказов о гибели кого-то из родственников или о расстрелах рабочих в последние дни Восстания я никогда от своей родни не слышал. Наконец, множество трупов враз убитых людей следовало бы элементарно спрятать в мёрзлую ноябрьскую землю, но массовые захоронения, относящиеся

¹ На недостоверность данных о многотысячных потерях повстанцев указывал Е.Ф.Шумилов[1], но попыток верификации данных он, кажется, не предпринимал.

к тому периоду, в окрестностях Ижевска и Воткинска доселе достоверно не известны, несмотря на то, что площади городов неизмеримо расширились, а территории и окрестности Заводов давно изрыты котлованами фундаментов зданий, да и археологи производили разведки и раскопки в обоих городах. Одним словом, объяснений не было.

Тогда же я сказал Евгению, что проблема эта, скорее, социально-демографическая, и проще всего было бы прояснить ситуацию, обратившись к официальным источникам, коими являлись записи Актов гражданского состояния; если здесь погибли не пришлые люди, а горожане, то записи об их смерти надо искать в церковных книгах. Евгений тогда же именно так и поступил. Он сделал фотокопии всех записей всех ижевских церквей за весь период Восстания и даже за некоторый период после него, и, действительно обнаружил, что искал! Но не сотни и тысячи, а лишь десятки умерших горожан. Причина их смерти вполне ясная: «Убит в бою», «Убит снарядом», «Убит Красными», «Взят в ЧК и убит», и т.п. У некоторых людей запись о смерти не сопровождается указанием на место захоронения. Понятно, что родственники погибших горожан не могли обойтись без свидетельств о смерти: им нужны были правоустанавливающие документы для осуществления своих имущественных и наследственных прав, прекращения брака и т.п. Несомненно, какая-то часть повстанцев-прихожан городских храмов была захоронена их сослуживцами непосредственно в местах боёв, а многие тела погибших были оставлены на поле боя за городом при последнем отступлении: на кладбищах их нет, но в метрические книги, по заявлениям их родственников, должны были попасть и они. Поэтому можно сказать однозначно, что поиск жертв был произведён историками в наши дни вполне качественно, и никаких следов тысяч, и даже и сотен убитых в последние дни Восстания ижевских рабочих пока не обнаружено.

Тем не менее, «дыма без огня не бывает», и «слухом земля полнится». Данные о потерях, которые циркулируют в литературе, должны были откуда-то появиться. При написании книжки о воткинских судостроителях я попытался прояснить вопрос о том, сколько же таковых было в Народной армии и сколько из них погибло? Но в заводском архиве сведений об этом, кроме тех немногих, о которых пойдёт речь ниже, мне обнаружить не удалось. Выше, в главе об эвакуации Воткинцев в данном издании приведены данные протоиерея Луппова, что их отступило около 5.000 чел., а в главке «Счёт утратам» есть полученная в архивном деле цифра в «200 человек лучших рабочих», которых Завод невозвратно потерял в Гражданской войне. Наверное, эти рабочие были лучшими в силу своей квалификации, а вовсе не по признаку принадлежности к Красным

или Белым, а в число этих потерянных вошли как погибшие в боях с обеих сторон, так и умершие от голода и болезней (в эвакуации массовым заболеванием был тиф), а также и расстрелянные карательными органами обеих сторон. Кто-то из вошедших в это число просто в результате эвакуации и отступления с войсками мог осесть на постоянное жительство вне Воткинска. В любом случае, если верна цифра потерь в 200² человек для многотысячного города-завода и большого коллектива, накопившаяся нарастающим итогом за период стодневного Восстания и почти двухлетнего периода боевых действий вокруг Завода, то она не так уж велика. И на фоне величия Первой мировой и Гражданской войны при бесценности каждой человеческой жизни выглядит она вовсе не так устрашающе...

Красно-Белая пропаганда и «доля рабочей массы»

Для чего мудрый военачальник должен чётко представлять не только количественный, но и социальный состав войска своего противника? Как это сказывается на эффективности военных действий? Поражение противника - это не только поражение военное в открытом бою: деморализованный солдат для всякого войска куда как опаснее солдата убитого и раненого: один паникёр может стать катализатором смуты, распропагандировать и увлечь с позиции десятки морально и психически неустойчивых сослуживцев. Поэтому вполне очевидно, что пропаганда, направленная на разложение войска противника изнутри, должна строиться на строго научных основах: «цеплять за живое» и падать на благодатную почву. Для этого надо обязательно знать специальные интересы представителей того социального слоя, на кого эта пропаганда будет направлена.

В первых официальных документах органов Советской власти, появившихся в период Восстания, чёткие дефиниции классового состава повстанцев, кажется, отсутствуют. Так, в «Приказе Военного совета ижевско-воткинского направления Второй армии» от 20 августа указывается: «...Военный совет указывает всем товарищам красноармейцам, боевикам и начальникам групп отрядов на серьёзность общего положения страны, подчёркивающего необходимость быстрей и верной расправы с восставшими бандами фабрикантских, купеческих и офицерских наёмников, желающих снова надеть на шею рабочего и крестьянина так недавно сброшенное ярмо». [2, с. 39] Понятно, что чужие для нашего региона Красные командиры Чарин, Кузьмин и Озол, подписавшие данный приказ, вряд

² Около сотни воткинцев было расстреляно чекистами после поражения Восстания. См. главу о «Расстрельном списке» в наст. издании.

ли понимали, что у нас тут никогда не было ни фабрикантов, ни помещиков, ни касты офицеров и, соответственно, с социальным составом повстанцев они тогда не разобрались. Поэтому и чисто пропагандистский лозунг касательно «ярма» среди Вятских жителей не сработал: целевой аудитории на него не было...

А в газете «Известия Вятского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов», редакция которой более была осведомлена о местных реалиях, в номере от 23 августа появляется заметка «О белогвардейском мятеже на Ижевском заводе (со слов очевидца Ильина)». Здесь описана хронология событий, в соответствии с которой организаторами вооружённого выступления явились члены «Союза фронтовиков» в количестве 3500 человек, которые были «белогвардейцами». Как видно, и этот ничего не объясняющий термин, возникший, видимо, по недостатку объективной информации, повисал в пустоте...

И в армейских документах Красных точных определений поначалу не было: 30 сентября 1918 г. главнокомандующий Восточным фронтом И.И. Вацетис приказывает Второй армии «покончить, наконец, с ижевской авантюрой» [3, с. 451]. Да оно и понятно: трезвомыслящий военный человек воспринимает повстанцев просто как очередного противника: для него в тех условиях «все кошки серы». Но вот уже в докладе Главному командованию «О стратегическом положении Советской республики и задачах Красной армии», который подаётся высшему политическому руководству страны 7 октября, указано: «Обстоятельства, разыгрывающиеся в Ижевско-Воткинском районе, обязывают нас обратить на этот район особое внимание: борьба в ижевско-воткинском районе носит своеобразный характер. Против этого района с нашей стороны сосредоточены более 10 тысяч войск, однако заметного успеха не видно. Причиной этому явлению...служит то обстоятельство, что политическая агитация, бросаема нами в сторону противника в лице единичных агитаторов, слишком ничтожна, чтобы разложить рабочую массу... [4, с. 117-121] Иными словами, здесь восстание уже однозначно идентифицируется, как выступление рабочих, и именно данное обстоятельство служит оправданием упорства Народной армии. Однако как мы увидим далее, и здесь целевая аудитория Красной пропаганды определялась не точно. Соответственно, и сама пропаганда успеха не имела.

В то же время участник восстания Г. Миленко, буквально «по горячим следам», пишет в газете «Свободная Пермь» в марте 1919г., (накануне входа Колчаковской армии в Ижевск и Воткинск) об исключительно широкой социальной базе свершившегося осенью 1918 г. выступления: «Я категорически утверждаю, что единственным подлинным героем Ижевско-Воткинского восстания была вся серая масса рабочего и крестьянского населения и их окрестностей» [5, № 42]. И далее: «Я говорил, что Ижевско-Воткинское восстание - это подлинная рабо-

че-крестьянская революция. И прежде, сам состав населения подтверждает это обстоятельство. В заводах - 70% собственно рабочего населения с семьями, а в окрестностях сплошь и одни только крестьяне. Остальная часть составляет весьма незначительное количество буржуазии, притом исключительно торговой, и, наконец, трудовая интеллигенция, занятая в кооперативных, общественных организациях, а, главное, по обслуживанию тех же заводов». [5, № 48]

*

Можно ли подтвердить тезис о всенародном характере Восстания и широкой социальной базе Народной армии путём анализа имеющихся данных о её боевых потерях?

Итак, известно, что судостроительное производство после ухода Народной армии недосчиталось половины своих работников: в списке отсутствующих на 24 ноября перечислено 329 человек. (Иными словами, судостроители составили около 10 % отступившего войска Воткинцев-заводчан). Причина отсутствия, однозначно связанная с боевыми действиями («В Народной армии» или «В милиции», «Мобилизован 30 сентября», «Мобилизован 15 октября», «Убит»), записана напротив имён примерно 180 рабочих. Ещё примерно у 120 указано: «Причина отсутствия неизвестна». [6, Л. 376-380 об.]³ Достоверно убитых повстанцев-судостроителей по списку отсутствующих всего семеро, что составляет 3,5 % от всех солдат-судостроителей:

1. Чернорабочая Анкудинова Екатерина Мефодьевна
2. Чеканщик Булатов Арсений Иовович
3. Чеканщик Кузьмин Пётр Михайлович
4. Мобилизованный 30.09. Стерхов Николай Евгеньевич
5. Кузнец Проскурин Александр Иванович
6. Клепальщик Хабибуллин Самигулла
7. Кузнец Прошутин Александр Иванович.

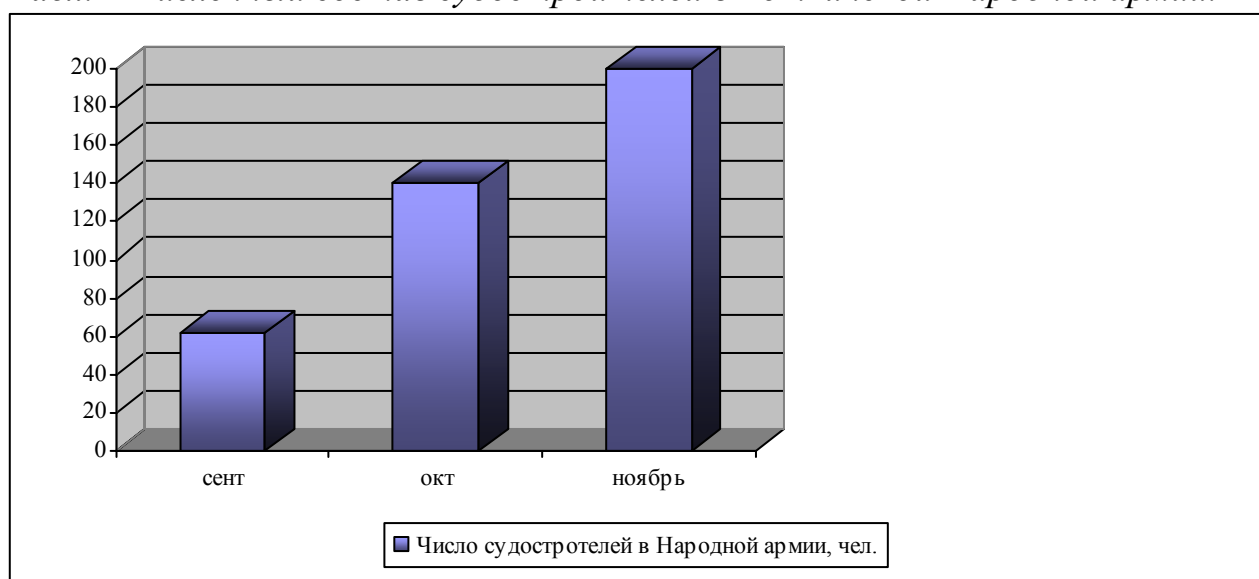
Данные по иным категориям отсутствующих судостроителей следующие:
 В Народной армии и Милиции без пояснений - 62 чел.,
 Мобилизованных в Народную армию 30 сентября - 73 чел.,
 Мобилизованных 15 октября - 55 чел.,
 Отсутствующих на работе по неизвестной причине - 124 чел.,
 Вновь принятых -9 [6, Л. 376-380 об.]

³ Цифры плюс-минус два-три человека, вследствие нечитаемости некоторых записей в документе.

Логично предположить, что те, кто указаны в списке в качестве бойца Народной армии без пояснения причин, являлись её добровольцами и воевали с начала Восстания, т.е. с августа, а в сентябре также состояли в рядах. Соответственно, мобилизованные 30 сентября были экипированы и пополнили войско в октябре, а октябрьский призыв увеличил армию и отразился в её ноябрьской численности нарастающим итогом.

При этом невозвратными потерями в объёме 3,5 % в общем расчёте можно пока пренебречь. Полагаем, что данные по судостроителям могут адекватно отражать динамику всего рабочего контингента, и всей Народной армии. Поэтому для наглядности изложим данные из проанализированного списка в виде нижеследующего графика:

Табл. 1 Численный состав судостроителей в Воткинской Народной армии.

Итак, всего лишь семеро убитых из двухсот достоверно известных судостроителей-участников Народной армии за три месяца боёв? Конечно, это весьма отраднo с общегуманной точки зрения, но выглядит весьма загадочно с точки зрения военной. Впрочем, даже если список этот, видимо, далеко не полон, то каково же было, хотя бы в первом приближении, процентное число потерь по Народной армии в целом, и можно ли рассчитать общее число её бойцов?

Напомним, что анализируемый список рабочих составлялся цеховой администрацией почти через 10 дней после ухода Народной армии за Каму. В основе его, видимо, лежали ведомости на выдачу месячного жалования; мобилизованные предъявляли повестки и переходили с определённого числа на армейское довольствие, а убитые из списков цехов исключались, их табельные номера передавались вновь зачисленным в цех. Ну, а выяснить истинную причину от-

сутствия сотни рабочих путём опроса родственников и соседей не явившихся администрации было затруднительно: оставшиеся родственники могли причину просто не знать или скрывали её, опасаясь репрессий, а многие семьи выехали полностью, оставив пустые дома. Но, может быть, указанные выше безвестно отсутствующие 124 судостроителей пали на полях сражений Ижевско-Воткинского восстания? Какова вероятность такого предположения?

Поэтому на днях (пишется в октябре 2012 г.) я обратился к Евгению Ренёву за консультацией. Мне было известно, что этим летом он скопировал большие объёмы документов в Московских архивах, и я полагал, что он может обладать объективной информацией. Вышло так, что Евгений, не сообщив принципиально новых данных, благородно «вернул» мне мою же давнюю идею, посоветовав обратиться к спискам убитых бойцов, которые публиковались в Приказах по Народной армии, и к записям о смерти, которые велись в храмах Воткинска. Но вот какое дело: в сохранившихся Приказах поименовано буквально несколько павших из числа жителей Воткинска. Но их отношение к тому или иному производству из Приказов установить нельзя. Кроме того, сами эти Приказы адресованы начальнику городской милиции и являются документами, которые устанавливают юридически значимые факты смерти людей, и служат основанием для выдачи свидетельств о смерти. С другой стороны, церковные метрические книги с записями о смерти по Воткинску за 1918 г. в Центральном государственном архиве УР также отсутствуют.

Что же делать? Оказалось, что среди Приказов по Воткинской Народной армии пригодный в дело источник всё-таки есть. Таковым оказались объявления о солдатах, которые находились на излечении в госпиталях. Понятно, что там указаны лишь раненые, нуждавшиеся в стационарном лечении. Полагаем, что «пуля-дура» не выбирает, кого ранить: рабочего, крестьянина или инженера. Поэтому, список раненых - это случайная социологическая выборка, но она состоит из сотен позиций. Кроме того, здесь представлены раненые бойцы множества подразделений: 2,3,4,5,7,8-й рот, пулеметной команды и даже сотрудник контрразведки Народной армии Василий Васильевич Орлов!

Следовательно, это выборка ещё и представительная. Поэтому данные этой выборки, как случайного среза, можно экстраполировать на весь социальный состав Народной армии.

Данные о боевых потерях по сохранившимся документам [7, Л.11-80] следующие:

Табл. 2 Боевые потери по Воткинской Народной армии.

Лист дела	дата	Общее Кол-во раненых	Волости, число раненых	Из города: Втк, Ижв, Сар., Каз.
11-12 об.	23.08-26.08	53	49	4-Втк.
13-13 об.	28.08	41	36-Камская	5-Втк
17	09.09	5	5	-
18-18 об.	09.09-10.09.	15	14-Бабка	1-Ижв
23-23 об.	09.09-14.09	10	10-Бабка	-
24	08.09-10.09	3	3	-
37	04.10	13	9-Шаркан	Втк-3 Сар-1
38-38 об.	05.10	15	14-Ножовка, Кельчино	Втк-1
41	06-08.10	35	34-Светлое, Перевозное, Мишкино	Втк-1
43	10.10.	21	17-???	Втк-4 Сар-1
44	11.10-13.10	5	4	Втк-1
21	13.10	2	1-Камская	1-Ижв
46	18.10	6	6	-
63	25.10-26.10	71	Зюзино, Шаркан, Сосновск.	Втк-3 Ижв-4
69	27.10-28.10	122		Втк-13
71	25.10-29.10	20		-
72	29.10-30.10	175		Втк-16 Иж-3, Сар-5 Каз-1
76	30.10-02.11	34		Втк-6, Иж-4 Сар.-1

Всего раненых (в том числе и впоследствии умерших от ран), отражённых в исследованных Приказах за период с 23 августа по 2 ноября: 647 чел.,⁴

Из них жителей Воткинска: 57 чел.

Ижевчан: 13

Сарапульцев: 8.

Казанец: 1

Итого, по сохранившимся документам в общем счёте боевых потерь Народной армии горожане составили 79 человек, т. е. около 12%, а воткинцы, как потенциальные кадровые рабочие Воткинского казённого завода - лишь 9%. Иными словами, если верить спискам, то один раненый горожанин приходился примерно на десять раненых крестьян!⁵

Тем не менее, даже если и не десять, а всего лишь пять крестьян приходилось в Народной армии на одного рабочего, то вряд ли это Восстание следовало когда-либо называть чисто рабочим восстанием. Да, кадровые рабочие, несомненно, составили костяк рот, формируемых по цеховому признаку, но около 90%, т.е. подавляющую основную массу личного состава войска повстанцев, как это явствует из анализа боевых потерь, составляли крестьяне окрестных волостей.

Количество и качество личного состава

Читатель без труда обнаружит и в данной книге, и в общедоступных публикациях весьма противоречивые сведения о численном составе Народной армии. Так, Красные командиры Н.Е. Какурин и И.И. Вацетис в издании, которое увидело свет в 1926 г., утверждают, что в начальном периоде Восстания в нём участвовало 4.000 бойцов [8, с. 84], а на завершающей фазе - 5.500 [8, с. 91]. Их

⁴ Данные эти, видимо, не полные: так, в Приказе № 57 от 18.10.1918 г. указано, что с 17 августа по 1 октября на излечение поступило 508 солдат и 3 командира, выздоровело 331 солдат и 2 командира, а амбулаторно принято 1771 чел. [7, Л. 46]

⁵ Впрочем, если вспомнить, что Воткинцы испытывали дефицит койко-мест в лечебных учреждениях и в газетах публиковали благодарности тем, кто пожертвовал на госпиталь несколько рублей, мешок картошки или пару простыней, то можно полагать, что в стационары помещали как раз, в основном, крестьян, а горожан могли отпускать долечиваться по домам, где им были обеспечены должный уход и питание. Но если Воткинские судостроители потеряли убитыми 7 человек, составляя 10% войска, то получается, что всё войско потеряло в боях лишь 70 рабочих? Порядок данного числа подтверждается и тем указанием, что общие потери рабочих составили за все 20 мес. войны 200 человек, а чекистами, после ухода Армии, было убито около сотни бывших повстанцев. Экстраполируя данные о потерях рабочих, можно полагать, что крестьян погибло в 10 раз больше, т.е. суммарные невозвратные потери Воткинской Народной армии составили около 800 человек.

оппонент А.Г.Ефимов пишет: «Число Ижевцев и Воткинцев, перешедших за Каму указывается участниками очень различно. Минимальная цифра для Ижевцев будет примерно 16.000 человек, из них 10.000 боеспособных мужчин. Другие считают, что ушло 30.000 и даже больше. Поручик Болонкин для Воткинцев даёт цифры: вооружённых Воткинцев было около 15.000 и почти столько же гражданского населения и семей. [9, с. 83]

А.Г.Ефимов пишет и такое: «Около 40.000, может быть 50.000 рабочих и их семейств бросили родные очаги и всё, что им было дорого. Уходили от расправы, от мести той власти, которая именовав себя защитницей всех трудящихся [9, с. 79]. Такие слова, наверняка должны были произвести, да и по сей день производят неизгладимое впечатление на чувствительного читателя...

И.Г.Уповалов, будучи в эмиграции, видимо, желая придать себе больше весу как очевидцу Восстания и «посланцу Воткинцев», указывает: «Через месяц упорной борьбы Ижевская и Воткинская армия с 10.000 восставших рабочих увеличилась до 75.000 штыков. У них было уже 100 пушек и 700 пулемётов, все взятые у противника. [10, с. 404]. Заметим, что Данные о количестве пушек, подтверждаемые архивными документами, этот автор завышает в 10 раз. Видимо, и с числом пулемётов та же история. Общим местом в литературе о Восстании является и указание на то, что Ижевцы одних винтовок раздали окрестным крестьянам более 60.000 штук [11, № 416, с. 22]. Публикаторами этой цифры предполагается, видимо, что все, получившие винтовки, встали в строй Восстания. Таким образом, цифра, в 75.000 бойцов, приводимая И.Г.Уповаловым, как бы получает свое обоснование.

Публикаторы мемуаров Д.И.Федичкина в журнале «Первопроходник» в 1974 г. и издатели стереотипного текста, увидевшего свет в 1982 г., вводят в оборот суммарное количества повстанцев, из которых были сформированы роты, в 180.000 чел., [12, с. 349], в то время, как в рукописи того же автора, оригинал которой хранится в архиве Стэнфордского университета, приводятся суммарные цифры на порядок меньшие: лишь 10.600 человек.⁶

Резюмируя состояние научной, а не пропагандистской проблемы, публикатор мемуаров А.Г.Ефимова в 2008 г. справедливо указывает: «Точная численность армии восставших на настоящий момент не известна» [13, с. 14]. Действительно, такой разброс значений - от 5 до 75 и даже до 180 тысяч вооружённых людей - совершенно не годится для того, чтобы читатель мог составить себе верное представление об историческом событии.

⁶ О том, как публикаторы той рукописи весьма существенно и по своему усмотрению «подправили» текст Д.И.Федичкина, и что из этого вышло см. [14, С. 158-161] Здесь же приводится и подлинный текст.

Но можно смело утверждать, что эта численность не известна лишь потому, что никто и не пытался пока её выяснить *научными* методами, и числом Народного войска жонглировали пропагандисты.

А для чего авторам, публикующим тексты о Восстании, вообще нужны сравнительные показатели численности армии повстанцев и противостоявшей ей группировки Красных войск? Видимо, для того, чтобы обосновать ту или иную *идею*, доказать, что повстанцы имели какие-то иные *качественные* показатели, которых не было у их противника. Несомненно, во многих боях они проявляли и инициативу, и отвагу, и моральную упругость. Известно, однако, из архивных источников, что общая численность Красной группировки на момент подготовки к штурму Ижевска составляла всего около 10.000 бойцов (см. выше). Тогда отчего повстанцы, обладая многократным численным перевесом, и убеждённые в своей правоте, всё же отступили в конечном итоге?

Вообще, можно ли хотя бы в первом приближении выдвинуть *обоснованное* предположение о численности Народной армии? К сожалению, ни списков этой армии, ни её подробных штатов в нашем распоряжении пока нет. Но считать численность любой армии - дело весьма лукавое: вопрос всегда будет стоять о том, кого именно, и как, т.е. по какой методике, при этом учитывать. Вообще, пока не ясно, как именно искать численность армии: на какую дату? И какие именно категории считать: всех, кто мог числиться по штатам рот и иных подразделений, или тех, кто непосредственно бился в окопах и на кораблях? А заводчанин, который обслуживал военные перевозки, или работал заводскую смену, прислонив винтовку к станку, и бежал в строй по тревожному гудку - это уже боец или ещё рабочий? А крестьянин, который носит свой домашний хлеб в котомке, а от Армии не получает даже и винтовку, а добывает её в бою - это ещё крестьянин или уже боец? Таким образом, более или менее точно соотношение противоборствующих сил можно оценивать на основе боевых рапортов обеих сторон и данных о потерях лишь применительно к каждому конкретному бою или операции.

Вообще, если вспомнить о тактике той войны, то следует обратить внимание, что при тех средствах ведения боя количественные показатели по личному составу не всегда гарантировали преимущество. Ведь общеизвестно, что побеждает не тот, у кого больше солдат и средств ведения боя или у кого они лучше, а тот, кто создаёт преимущество над противником в нужное время и в нужном месте. В начальном периоде Восстания при наличии внутри Ижевско-Воткинского района сети железных и грунтовых дорог, которые соединяли города и расходились от них к Камским пристаням, и, при умелом использовании речного транспорта и средств телефонной и звуковой связи, части Народной

армии имели возможность манёвра. В результате, они появлялись там, где их не ждали, и длительно сдерживали противника, а, используя эффект внезапности, неоднократно и побеждали малыми силами или создавали на угрожаемых направлениях перевес, по крайней мере, численный. А с появлением на театре военных действий Красных флотилий, авиации, бронепоездов, дальнобойной артиллерии, радиосвязи, т.е. технических средств, преимущество манёвра внутри осаждённой территории было потеряно. При вопиющем дефиците пушечно-пулемётного вооружения, средств наблюдения и связи, недостатке боеприпасов временные тактические преимущества были утрачены, и даже массовые геройские штыковые атаки повстанцев не могли спасти положения. Кроме того, произошло естественное обучение и боевое сплочение Красных войск, а практика расстрела каждого десятого бойца отступившего подразделения привела к поднятию дисциплины: оппоненты повстанцев выросли в качественном отношении. Так что, на наш взгляд, ничего удивительного нет в том, что численность вооружённых людей у Восставших и могла в какой-то период составлять 40.000 (и даже более?) человек, разбросанных по большой территории, а ей нанесла поражение группировка в 10.000 или 20.000 Красных, но более организованная, лучше вооружённая, и сконцентрированная на направлении главного удара.

Как нельзя лучше данную коллизию описал бывший Белый офицер Д.В. Филатьев. Правда, его описание относится по времени к лету 1919 г., но объективные причины низкой боеспособности противников Красной армии отмечены, на наш взгляд, совершенно точно:

«... Сибирская армия <Колчака> числила в своём составе 800 тысяч ртов, или по-сибирски – ложек⁷... а в строю под ружьём из этого числа находилось лишь 70 тысяч, т.е. меньше одной десятой. Всё остальное расплзлось по штабам, обозам и тылам. ...щедрость в установлении командных степеней... отвлекала массу офицеров на штабные должности и механически вызывала создание корпусных, дивизионных и пр. обозов, причём численность повозок не соотновывалась ни со штатами, ни с потребностями, а исключительно зависела от возможности отнять у населения большее или меньшее количество повозок и лошадей... Это уже не часть войск, а какая-то татарская орда времён Батыя. Сходство усугублялось тем, что при штабах ездили жёны, дети, родственники и возился весь домашний скарб.... Какие невероятные и к тому же ненужные

⁷ В то время было принято образно определять войска по роду оружия: так, например, про отряд, в котором 500 человек пехоты и 200 кавалеристов, говорили, что в нём 500 штыков и 200 сабель. В указании на количество ложек сквозит ирония по отношению к низким боевым показателям войска.

трудности испытывало интендантство и другие управления, чтобы прокормить и снабдить всю эту ораву небоевого элемента. У Красных... сравнительная горсточка разбила в конце концов наши толпы обозных и обратила в бегство многочисленные штабы с их тучей переписчиц, при которых нередко возились в обозе и их родители.» [15]

Разумеется, Ижевцы-Воткинцы не плодили в своей среде штабных офицеров «косяками»: они были обременены семьями и обозами по иной причине, так как предвидели, что к оставленным родственникам могут быть применены репрессивные меры, а при отступлении они были вынуждены вывезти запасы пищи и фуража для себя на Восточный берег Камы. Вспомним, однако, что перед этим они отправляли туда же своих фуражиров, чтобы перевезти продукты в города, которые расположены на Западном берегу. Иными словами, их появление в составе Белых войск принесло с собой большие проблемы для интендантской службы: тысячи людей и лошадей следовало кормить в условиях зимы в области, уже истощённой фуражировками.

Видимо, за период летних боёв 1919 г. в составе армии Колчака при отступлении по Уралу и Сибири бывшие повстанцы в значительной степени порастеряли свой обоз: многие члены их семей вернулись домой, умерли от тифа или свирепствовавшей тогда «испанской болезни»⁸ или осели и более не сопровождали войско на походе. Тот же Белый мемуарист отмечает в последующем необычно высокие боевые показатели бывших повстанцев: «В августе 1919 тверды были лишь Воткинские и Ижевские рабочие⁹, да приволжские татары, которые были уже так далеко от своих деревень, что попасть в них не рассчитывали» [15].

Выше, в параграфе, посвящённом кадровому обеспечению Завода в период после отхода Народной армии, мы указывали, что на предприятии работало около 6700 человек, а за счёт Восстания было потеряно по всем причинам (убитыми, ранеными и отступившими) около 3050 рабочих и около 350 лиц из числа инженерно-технического персонала, то есть в сумме около 3400 человек. Но если всё-таки верно наше вышеобоснованное анализом потерь предположение о том, что лишь каждый десятый боец Народной армии был заводским рабочим, то общий состав бойцов этого войска, которые приняли участие в сражениях, следует считать равным около 34 тысяч человек?! К тому же, и не-

⁸ «Испанская болезнь» - инфлюэнца, или, говоря по-современному, – грипп. В описываемом периоде, при отсутствии антибиотиков и в условиях недостаточного питания при дефиците витаминов и животных белков, эта болезнь была смертельной. По некоторым современным оценкам она тогда уносила жизни не меньше, чем боевые действия.

которые мемуаристы говорят о сорокатысячной Народной армии...

Число это представляется, на первый взгляд, сильно преувеличенным, если рассматривать его с точки зрения здравого смысла, ибо известно, что повстанцам в Ижевско-Воткинском районе противостояла поначалу гораздо меньшая по численности группировка Красных. Но с другой стороны, если посмотреть на эту цифру в контексте тактики боевых действий восставших, то именно такая прорва народу в условиях дефицита патронов, огнестрельного оружия, пушек и пулемётов, действительно могла валить волна за волной в психические атаки на пулемёты Красных и побеждать их не умением, а числом. Эти же толпы пленных повстанцев и могли быть расстреливаемы победителями. Тогда где же эти сотни убитых? В рассмотренных выше списках раненых бойцов указано, что они вступили в Воткинскую Народную армию из Камской, Бабкинской, Ножовской, Шарканской, Светлянской, Кельчинской, Мишкинской и др. волостей. Именно в церковных книгах по этим волостям и следует искать записи о вечном упокоении наших земляков. Конечно же, не все бойцы Народной армии уходили в эвакуацию по мостам: несколько рот Воткинцев постоянно действовало и на левобережье Камы, на территории современного Пермского края.

Что можно сказать в итоге о численности Армии, её социальном и профессиональном составе? Конечно же, квалифицированные судостроители вряд ли массово ходили в атаки в пехотных цепях; они занимались, в первую очередь, эксплуатацией и ремонтом боевой техники, возводили инженерные сооружения. Поэтому логично полагать, что и процент убитых и раненых среди них должен быть меньше, чем среди полевых войск. Следовательно, предположение о том, что 120 из «пропавших без вести» судостроителей составили безвозвратные или хотя бы боевые потери Воткинской Народной армии, не имеет подтверждения и представляется маловероятным.

А.Г. Ефимов и иные мемуаристы приводят разноречивые данные о численном составе Воткинского войска. Но, ссылаясь на мнение поручика Болонкина, который был свидетелем Камской переправы и оборонял её до последней минуты в составе аръергарда, он называет цифру в 15.000 отступивших бойцов и почти столько же гражданского населения и членов семей [9, с. 83]. Цифра в 15 тысяч отступивших бойцов представляется вполне реальной: по мостам шли Первый, Второй и Четвёртый полки, а Третий Сайгатский имени Чехословаков полк оперировал на левобережье, и ему не было нужды переходить Каму. Вместе с тем, А.Я. Гутман-Ган пишет, что после первых боёв на левобережье Камы в строю было 20.000 Воткинцев и лишь 8.000 Ижевцев [16, с. 408]. Это вполне согласуется с показаниями поручика Болонкина: три полка Воткинцев примерно

⁹ См. выше о доле рабочего контингента в этих частях.

пятитысячного состава перешли Каму, и там к ним присоединился ещё один.

Соответственно, тогда выходит, что если в числе Воткинских «отступленцев» было более трёх тысяч рабочих, то лишь по пятеро крестьян приходились на одного рабочего при отступлении. Но если и пропорция раненых: 1 рабочий на 10 крестьян, вычисленная на основе анализа данных о потерях за весь период Восстания, верна, то состав «боевого элемента» этого войска до отступления, скорее всего, приближался к десятикратно умноженному числу рабочих, отсутствующих в заводских списках в связи с Восстанием. Иными словами, через ряды Воткинской Народной армии, суммарно, и могло пройти до 34 тысяч солдат и командиров, но почти половина из них, в основном крестьяне, в эвакуацию не пошли.

Расчёты общей численности

Можно использовать несколько способов оценки достоверности свидетельских показаний относительно количества солдат Народной армии. Так численность любого людского контингента вычисляется путём анализа потреблённых этим контингентом нормированных ресурсов. Например, зимой 1984 г., заступая в кухонный наряд по 180-й Зенитно-ракетной бригаде, я получал на кухне по пять стограммовых пачек чая. Нормы суточного довольствия были обозначены на стенде у входа в столовую: один грамм чая на человека в сутки, а чай выдавали только за завтраком. Следовательно, мне не надо было изучать штабные документы, чтобы установить среднесписочную численность нашей бригады по штатам мирного времени: 500 человек. (Минус 20-30 солдат, временно отсутствующих по причине нахождения в командировках, отпусках и гарнизонном госпитале¹⁰).

§ 1. Денежное довольствие

Итак, общеизвестно, что в Народной армии и на восставших заводах был установлен единый месячный оклад для всех - 14 рублей в сутки или 420 рублей в месяц. Сумма эта была установлена далеко не случайно: нормы командировочных расходов, подлежащих возмещению за счёт предприятия, в то время составляли по 10 руб. в сутки для рабочих и по 15 руб. для служащих [17, 1 об, 15 об,]. Архив сохранил Приказы, из которых видно, что нормы денежного довольствия соблюдались очень строго, деньги выдавались ротным командирам и начальникам команд под расписку, а в полевое казначейство представлялись списки личного состава и раздаточные ведомости (они пока не обнаружены). В

¹⁰ Я служил во Втором дивизионе, многократно проводил проверку личного состава; из 90 человек штатной численности по означенным причинам обычно отсутствовали двое-трое.

соответствии с Приказом, накануне отхода из городов все участники Народной армии были удовлетворены денежным довольствием по 10 ноября. Иными словами, период выдачи можно принять с маленьким округлением за три месяца. Полагаем априори, что бюджет по Ижевской и Воткинской (и Сарапульской?) армиям был единым: города делились «приходящими» деньгами. Рассчитаем денежный баланс всей Народной армии за этот период:

1. Актив

«17 августа в кассе Воткинского завода повстанцы захватили 520.000 рублей» [18, Л.6].

«Прикамский комитет <Членов Учредительного собрания> овладел государственной казной; в Ижевском и Воткинском казначействах оказалось 26 миллионов рублей в денежных знаках и процентных бумагах» [16, с. 383].

«В Ижевском отделении Государственного банка <было захвачено> 25 миллионов рублей»¹¹ [12, с. 340].

«В конце сентября в Ижевск прибыла долгожданная делегация самарского «Комуча». ...Они привезли немного денег (на 1,5 миллиона рублей облигациями военного займа)... [16, с. 385].

«В октябре отряд артиллерийских чиновников под командой... штабс-капитана Куракина <доставил> из Самары 15 миллионов рублей для уплаты жалованья Ижевским рабочим и содержания Ижевской Народной армии» [12, с. 354].

Обращение фабрично-заводского комитета бывшей оружейной фабрики Евдокимова ... 18 ноября 1918 г. «Рабочих на фабрике было до 200 чел. Деньги до 90.000 руб. расхищены белогвардейцами, а потому фабрика нуждается в субсидии до 20 .000 руб.» [19 с. 179].

Из доклада продовольственного отдела Совета г. Ижевска 20 ноября 1918 г.: «Миллионные суммы правления заводских продовольственных лавок увезены <Белыми>» [19, с. 180].

Из документации по Заводам того периода видно, что бюджеты предприятий и бюджеты Народной армии и повстанческого правительства хотя и субсидировали друг друга, но формально были различны.¹² Так, Приказом по Воткинскому заводу от 10 сентября, цеховым бухгалтериям было предписано выдать всем мобилизованным рабочим аванс до конца месяца [17, с. 27], а 7 октября было постановлено выдавать мобилизуемым ещё и доплату до уровня 420 руб. в месяц тем, у кого она была ниже этого предела [17, с. 27]. Кроме того, из кассы

¹¹ Видимо, это та же сумма, что указана выше? В тексте рукописи, опубликованном Е.Г.Ренёвым, указана сумма в 12 миллионов [20, с. 163]

¹² Детализированная бухгалтерская документация была вывезена при отступлении и, видимо, погибла.

завода оплачивались командировки рабочих и служащих по нуждам обороны.

Восставшие не облагали местное население контрибуциями, но принимали от него добровольные пожертвования и публиковали в газетах информацию об этом. Судя по публикациям, суммы денежных взносов были весьма незначительны: есть публикации и о пожертвовании двух тысяч рублей, и о пожертвовании двух (!) рублей или нескольких пар лаптей. По крайней мере, этими суммами можно пока пренебречь в нашем столь приблизительном подсчёте.

Иными словами, можно обоснованно полагать, что, так или иначе, все денежные средства того периода, бывшие в распоряжении администрации восставших, тратились на зарплату рабочим и денежное довольствие солдатам. Следовательно, в первом приближении можно полагать, что восставшие имели поступление денег в объёме не менее 43-45 миллионов рублей.

2. Остаток.

9 ноября в полевом казначействе Воткинцев остаток средств составил 550.000 рублей [21, с.114].

Протокол заседания революционного гражданского совета Ижевска о восстановлении в городе Советской власти от 9 ноября: «т. Пастухову, члену партии коммунистов, сообщившему, что он знает о 13 млн. советских денег, зарытых в земле, завтра же с отрядом Чрезвычайной комиссии съездить за этими деньгами и внести их в Народный банк на счёт Революционно-гражданского совета..... Денежные суррогаты, находящиеся в Ижевском казначействе на сумму 375 тыс. руб. предписать ...отправить в Москву» [19, с. 146-147].

А.Г.Ефимов вспоминал, что командир Ижевской бригады штабс-капитан Журавлёв 13 декабря оставил своих солдат и скрылся с двумя миллионами рублей [9, с. 96].

Иными словами, из графы Приход следует вычесть 3 миллиона рублей, и в активе у Восставших оставалось не менее 40-42 миллионов. (А если учесть указание Д.И.Федичкина о захвате в казначействе лишь 12 миллионов, то остаток в руках Восставших составит 30 миллионов). Много это или мало?

3. Расход

А.Я. Гутман-Ган считал, что денежные средства использовались Восставшими далеко не эффективно: «...Началось неразумное расходование казённых сумм, столь свойственное нашей революционной демократии. Рабочие ставки оплаты труда, существовавшие при большевиках, как и вообще большевицкие декреты, касающиеся условий работ, оставлены были в силе. Солдаты Народной армии получали такое же жалованье, как и рабочие и как высшие военные начальники. Так называемая «культурно-просветительная вербовочная» секция эсеровской партии поглощала огромные суммы, хотя вербовала она в армию

весьма туго; касса быстро таяла» [16, с. 383].

А сколько денег и на что израсходовали восставшие за три месяца? Известно, что по Воткинскому заводу, на котором трудилось около 6700 человек, на выдачу зарплаты в месяц в сентябре (когда ещё большая часть рабочих была в цехах) расходовалось по 1.600.000 рублей. При этом, выдавалось лишь 2/3 заработанных сумм, а остальное записывалось в депозит [17, с. 18]. (Интересно, что решением руководства Завода «прогульные» дни, во время которых происходили вооружённые действия на территории г. Воткинска, рабочим не были никак оплачены! [17, с. 6] Видимо, это и побудило командование Народной армии к установлению окладов для своих бойцов). 30 сентября произошла массовая мобилизация заводчан, и фонд зарплаты уже составил 1.200.000 рублей.

По сводным данным заводской бухгалтерии за 3 месяца Восстания приход составил около 5.150.000, а расход около 4.670.00 [22, л. 18 об].

Иными словами, здесь были получены средства из тех, что захвачены в Казначействе, но большую их часть выплатили в виде зарплаты.

Ижевский казённый сталелитейный и оружейный завод имел около 26-28 тыс. основных и вспомогательных рабочих, из которых на местах осталось около 20 тыс. чел. Следовательно, и фонд зарплаты здесь составил за тот же период вчетверо большую сумму, чем в Воткинске, т.е. около 20 миллионов. Таким образом, собственно на нужды Армии восставшие имели, при оптимистичном сценарии, что-то около 15-20 миллионов. Патронов и снаряжения они не закупали,¹³ а продовольствие выменивали на винтовки¹⁴, брали по мобилизации в кредит,¹⁵ либо посылали женщин-горожанок убирать брошенные крестьянские поля.

Иными словами, 15-20 миллионов рублей можно считать фондом денежного довольствия Народной армии. Делим эту сумму на месячный оклад в 420 рублей и получаем около 35-48 тысяч человеко-месяцев. Но сколько же это было человек?

Если автор этих строк скажет, что его вес составляет три с половиной килограмма, то будет ли данное утверждение истиной? Разумеется, будет, но при некотором уточнении: эти данные относятся к конкретной дате; именно такой вес был у меня при рождении 26 февраля 1961 г.

Соответственно, и численность Народной армии изменялась, распределяясь

¹³ Впрочем, генерал В.М.Молчанов вспоминал, что в то время, когда он весной-летом 1918 г. руководил восставшими в Елабуге, им приходилось покупать патроны у ...красноармейцев.

¹⁴ См. мемуары генерала В.М.Молчанова.

¹⁵ О системе заготовок продовольствия Воткинской армией см. подробнее в нашей книге «Волжская флотилия против Народной армии», а также [23, л. 67]. Вместе с тем, заготовки сена повстанцами оплачивались [17].

по месяцам отнюдь не равномерно. Но если накануне отступления, т.е. на начало ноября, армия составила около 28 тыс. человек, и график роста её численности не имел значительных колебаний, то на начало октября получаем около 14 тысяч, а на начало сентября - около 7 тысяч, т.е., в сумме, около 49 тысяч человек-месяцев. Иными словами, Ижевско-Воткинские повстанцы, при всём желании, никак не смогли бы оплатить армию бóльшего численного состава.

§ 2. Личное оружие.

Умение действовать оружием, как личным, так и групповым отличает солдата от человека невоенного. Повстанцы захватили у Красных несколько пушек и пулемётов, но количества группового оружия в их войске не только не приближалось к армейским нормам, но, прямо сказать, было ничтожно.¹⁶ Иными словами, можно смело утверждать, что Бойцы Народной армии были поголовно вооружены лишь личным оружием. Для ведения дистанционного огневого боя это оружие должно быть огнестрельным. Разумеется, основу вооружения составила система местного производства, т.е. винтовка, называемая в мировой литературе по имени её создателей «Нагана-Мосина», а у нас более известная как «Трёхлинейная образца 1891 г.»¹⁷ с указанием годов последующих модернизаций.

Наверное, имея много денег, можно завербовать и оплатить любое количество бойцов, но они ничего не стоят, если нет возможности их вооружить и обучить. Но была ли у руководителей Восстания возможность вооружить означенные выше контингенты?

Рассмотрим в общих чертах указания разноречивых источников относительно количества оружия в Народной армии.

1. Расход

Итак, мы уже установили выше, что есть данные о том, что руководители Восстания раздали (или сменяли на продукты) окрестным крестьянам, по крайней мере, около 60.000 единиц оружия (Или даже больше?).

«Главнокомандующему генералу Болдыреву они послали 15.000 новых проверенных и пристрелянных винтовок» [12, с. 355].

«<Воткинцы> с честью вышли из всех окружений, а сверх того привезли ценный подарок адмиралу Колчаку и его армии. Это были сто тысяч винтовок, в своё

¹⁶ «К концу сентября Народная армия имела около полусотни пулемётов и около 10 полевых орудий» [16, с. 381]. Артиллерию повстанцам пришлось делить между тремя «фронтами»: см. график очерёдности дежурства артиллерии на Агрызском, Северном и Воткинском направлениях [23, л. 101].

¹⁷ Калибр три линии, т.е. 3/10 дюйма = 7,62 мм.

время полученные ими от Ижевского завода»¹⁸ [24, с. 437].

Итак, если учесть, что и каждый, из порядка 30 тысяч отступивших за Каму в ноябре 1918 г., имел в руках личное оружие, то общий итог расхода, если верить приведённым свидетельствам, в совокупности составит, как минимум, $60.000+15.000+100.000+30.000=205.000$ единиц.

2. Приход

Теперь посмотрим, верно ли такое предположение, и имели ли повстанцы возможности для того, чтобы раздавать оружие в таких объёмах?

Несколько сот винтовок повстанцы захватили в боях, но ведь и они тоже гибли с оружием в руках, и известны рапорты Красных командиров о подобранных ими винтовках на поле боя. Поэтому эти количества пока в общий баланс включать не будем, ибо ими можно пренебречь.

<8 августа> Восставшие захватили в Ижевском заводе 7.000 винтовок и 2.500.000 патронов [12, с. 340]. Понятно, что и численность их войска в эти дни не могла быть выше семи тысяч человек.

А.Я Гутман-Ган пишет: «<Во время Восстания> Производство Ижевского завода увеличилось до 1000 ружей в день (при большевиках они вырабатывали только 200 ружей в день» [16, с. 379].

<Во время Восстания> Работая в 3 смены Ижевцы выделяли до 2500 винтовок ежедневно [12, с. 340]. Разноречивость свидетельств сразу вызывает некоторые подозрения у всякого, кто знаком с производством и эксплуатацией оружия.

3. Анализ данных.

М.Бернштам, публикатор мемуаров полковника Федичкина и других участников Восстания, видимо, пытался прояснить вопрос относительно суточного выпуска оружия на Ижевском заводе. Он пишет в этой связи: «В годы Мировой войны Ижевские заводы производили 2100 единиц в день: 500 готовых винтовок и 1600 полуотделанных винтовочных стволов без деревянных прикладов. В период восстания производство стволов не уменьшилось, а производство готовых винтовок выросло вдвое - свыше 1000 единиц в день. Таким образом, восставшие рабочие выпускали для вооружения своей армии и для помощи повстанцам Поволжья более 2600 стволов в день. Понятно, что Д.И.Федичкин не делает разницы между готовыми винтовками и полуотделанными стволами: и те, и другие немедленно поступали на вооружение повстанческой армии, и рабочие и крестьяне легко приделывали к стволам деревянные приклады» [25, с. 359]. Что сказать на это? Во-первых, М.Бернштам, судя по всему, рукописи Д.И.Федичкина не видел и, как говорится, «тупо» переписал текст по публи-

¹⁸ Документальные подтверждения перемещения столь заметного количества оружия с Ижевского завода пока историками не обнаружены.

кации «Посева». В рукописи (см. выше сноску о статье Е.Г.Ренёва¹⁹) сказано про 8 отрядов по 1200 человек из бывших на войне солдат и офицеров и 10 крестьянских отрядов по 100 человек каждый отряд. А в публикации это уже 8 отрядов по 10.000 крестьян в каждом (в Малмыжском и Уржумском уездах) и 10 отрядов по 10.000 крестьян-солдат на Северном фронте) [20, с. 349].

Этакую прорву кем-то придуманных «мёртвых душ» надо было как-то «вооружить»: и появляется нехитрый цитированный выше расчёт: 2600 стволов ежедневно, причём со ссылкой на данные Э.К.Гермониуса, которые относились к...1914 г. [26]. Но М.Бернштаму, видно, было невдомёк, что «полуотделанные стволы» - это именно стволы, т.е. трубки с фрезерованными нарезками внутри, и не более того. Военный инженер В.С.Михайлов вполне резонно называет их «стволы черновые просверленные» [27, с. 112]. Напомним читателю, что для того, чтобы получилась винтовка, ствол надо окончательно отделать: рассверлить патронник, присоединить мушку и целик, прикрепить ствольную коробку, в которую, в свою очередь, вставить затвор, ударно-спусковой механизм и магазин. А без этого ствол, даже если к нему и приделать приклад, станет годен лишь на то, чтобы из него жёванной бумагой плевать 😊.

Тот же В.С. Михайлов указывает, что «Мобилизационной программы Ижевский завод на случай войны не имел и никакой мобилизационной подготовкой обязан не был. Мощность Ижевского завода по составу оборудования к 1914 г. оценивалась по оружейному заводу винтовок 120.000 штук в год, а по сталелитейному заводу стволов черновых просверленных и коробок черновых - по 133.000 штук в год [27, с. 111]. (Видно, что количество производимых Стальзаводом и запускаемых на Оружейный завод стволов и коробок на 10% превышает число сделанных из них винтовок: это вполне логично, ибо при планировании производства закладывается определённый резерв на брак, неизбежный при механической обработке заготовки. Заводчане говорят, что 10% «отходит в брак»). По данным того же автора выпуск винтовок за 1917 г. составил 505.860 шт. или по 42.100 шт. в среднем за месяц [27, с. 113]. Трудно сказать, за счёт каких резервов можно было резко увеличить производство на продолжительный период: простой интенсификацией труда и многосменной работой этого достичь было бы нельзя по объективным причинам, и вышецитированный автор многократно указывает на то, что оборудование на Ижзаводах было устаревшим, а его износ составлял к началу войны до 30 % !

Насчёт приклада - отдельный разговор. Возможно, в Париже, где издавался комментарий М.Бернштама, водятся рабочие и крестьяне, способные в до-

¹⁹ См. также: Ренёв Е.Г. Подлинные воспоминания командира Ижевской Народной армии Д.И.Федичкина. / Ижевские архетипы. Режим доступа: <http://archetype.izhevsk.ru/?p=324>

машинных условиях «легко приделывать» к винтовкам-трёхлинейкам деревянные приклады. Но я за годы работы на оружейном производстве и службы в правоохранительных органах таких не встречал. Да это и не возможно: обратим внимание читателя на то обстоятельство, что «трёхлинейка» имеет коробчатый магазин на пять патронов, расположенных в ряд. Он находится под ствольной коробкой и проходит через деревянную ложу насквозь благодаря специально фрезерованному для него пазу. Во внезаводских условиях ни прорезать такой глубокий сквозной паз ножом, ни продолбить стамеской нельзя: стенки деревянные тонкие, и они непременно сколются. Здесь необходима именно станочная обработка фрезой. Наконец, ствол с коробкой, вставленные строго по месту в свои пазы, крепятся к ложе специальными пружинными кольцами и винтом. Конечно, можно убрать магазин, превратив винтовку в однозарядную, и примотать проволокой металлические части на остроганное поленце по типу того, что делал Сергей Бодров в фильме «Брат-2». Но подчеркнём, что это будет вовсе не винтовка, а лишь стрелялка-пугач, при том даже не многозарядная, ибо крепление моментально разболтается отдачей от мощного винтовочного патрона. А для того, чтобы не просто «бахнуть», а попасть хотя бы в слона, оружие надо правильно приложить к плечу и удерживать его при выстреле, сопровождая глазом мушку, целик и цель; для удержания и существует приклад и ложа. В любом случае, в бой с такой «шихтой-самоделкой» против войска, вооружённого настоящими винтовками не пойдёшь, но для несения охранной службы она, пожалуй, сгодится.

А можно ли поставить в ложевой мастерской много деревообделочных станков, вывести рабочих на круглосуточную работу без выходных и наделать ложи сколько требуется? Теоретически можно, а на практике не выйдет: цикл изготовления ложи от запуска до выпуска - минимум 3 месяца, а для качественного оружия и больше. Дерево перед обработкой надо сперва просушить до нужной кондиции, и некоторые ижевчане наверняка помнят обширные сушильные сараи, которые много лет назад спускались от ложевой мастерской (теперь в ней Президентский дворец) к пруду на уклоне, там, где сейчас Театр Оперы и балета, ЦУМ и «Лыжи Кулаковой». А Механический завод имел свои сараи в районе Железнодорожного вокзала. (Я до сих пор не забыл запах сохнущего дерева: в сараях были высоченные стеллажи с уложенными брусками, торцы которых были обмазаны смолой, чтобы не растрескивались). Иными словами, чтобы **выпустить** сегодня на тысячу винтовок больше, их надо было **запустить** на три месяца раньше: выпилить ружболванку из бессучковой древесины на пригородных лесосеках, привезти, уложить на просушку и ждать. Иначе, ложа из несущёной древесины от нагрева при стрельбе пойдёт микро-

трещинами; она просто разлетится при выстреле, и ствол полетит в лицо стрелку.

Правду сказать, точные сводные данные о программе выпуска оружия на Ижевском заводе в XX веке до сих пор не рассекречены: они, видимо, отражают реальные мобилизационные возможности предприятия на «особый» период. Поэтому все публикации на эту тему до наших дней оперируют цифрами «плюс-минус лапоть». Есть в истории Ижевского оружия и исторический «анекдот»: известно, что в разгар Сталинградской битвы к нам приехал маршал К.Е.Ворошилов, чтобы «протолкнуть» срочный заказ на винтовки, в которых тогда была крайняя нужда: винтовки выдавались по одной на двоих-троих солдат.²⁰ Резко увеличить выпуск оружия оказалось невозможно по объективным причинам, но выход был найден: старые рабочие, которые в то время были учениками школы фабрично-заводского обучения, вспоминали, что руководство завода вскрыло изоляторы брака, в которых лежали тысячи изделий, забракованных военной приёмкой ещё в царские годы. Мальчишек посадили ширкать напильниками клейма с орлом, выбитые на ствольных коробках. Ложу к ним сделали быстро из невыдержанной и некрашеной древесины, затыльники и ремни на приклады не ставили. Таким образом, по упрощенной технологии собирали за сутки то ли 10, то ли 12 тысяч изделий и отправили на фронт.²¹ Видимо, на этом основании и пошла в литературе гулять информация о том, что «в годы войны ежесуточное производство винтовок на Ижевском заводе было таково, что им хватало вооружить дивизию». Впрочем, возвращаясь к периоду Гражданской войны, можно понять за счёт чего и тогда было резко и кратковременно увеличено производство: если верен вышеупомянутый рассказ про изоляторы

²⁰ О драматизме Сталинградской битвы см. фильм *Enemy at the Gates* (Враг у ворот). Мобилизационные запасы оружия попали в руки противнику: только на Смоленской базе снабжения немцы захватили около семи миллионов винтовок! Напомним, что накануне штурма Берлина наша армия составляла около 10 миллионов человек.

²¹ Не значит, что такие «бракованные» винтовки не годились в бой. Во-первых, требования военной приёмки к оружию очень строги: изделия бракуются не только по причинам, которые влияют на боевые характеристики оружия, но и на основании дефектов внешнего вида. Так, царапина или забоина, непрокрас или ржавчина на поверхности на меткость не влияют, а военпред такой ствол забракует. В Ижевске было до Революции несколько частных фабрик, которые такой «брак» использовали для производства оружия гражданского назначения. И до сих пор эта практика широко применяется многими производителями оружия. Во-вторых, Красная армия применяла тактику массовых атак. Это значит, что и потери оружия были тоже массовыми: даже раненый или контуженый боец, уронив винтовку в снег, до весны её уже не найдёт. Образно говоря, винтовка пропадает вместе с солдатом, хотя физический ресурс оружия на войне, как правило, намного длиннее человеческой жизни; вряд ли какой солдат сделал из своей винтовки столько выстрелов, на сколько это оружие было рассчитано конструктором (живучесть ствола и иных деталей закладывают на десятки тысяч выстрелов). Из рассказов ветеранов ВОВ мне известно, что за 20-30 собранных на поле боя винтовок солдат получал медаль «За боевые заслуги».

брака, относящийся к 1942 г., то можно лишь гадать, сколько там лежало изделий в 1918 г., когда этот запас был не поистрачен! Видимо, из этих изоляторов и раздавались «стволы», а, точнее, «винтовочные заготовки» в некоторых количествах окрестным крестьянам?

Таким образом, винтовочные **стволы** в общий баланс произведённого **оружия** включать однозначно не следует, и за 100 дней Восстания ижевчане могли произвести никак не более 100 тысяч готовых винтовок. А в реальности, и того меньше: суточный выпуск в тысячу штук был достигнут не с первого дня Восстания, а лишь где-то в сентябре. Архив сохранил недельную сводку выпуска продукции по Ижевскому заводу с конца августа по 2 сентября. По огнестрельному оружию здесь такие данные: винтовок - 9006, карабинов - 244, штыков - 30, патронов - 418.365 [23, л. 75]. Выработка, на первый взгляд, приличная: суммарно, 9250 изделий, и экстраполируя на месячную программу, получаем около 37.000.²²

Итак, если регулярный выпуск в сентябре и октябре был поднят до 1.000 шт. в сутки, т.е. составил при работе без выходных 60.000 штук, то число порядка 100 тысяч произведённых винтовок за 100 дней Восстания представляется куда как более обоснованным.²³

Соответственно, и цифра суммарного расхода в 205 тысяч винтовок является явным преувеличением. Возможно, всё встанет на свои места, если считать, что те 100.000 винтовок, которые Воткинцы увезли за Каму при отступлении, были лишь изделиями незавершённого производства. Тогда, вполне вероятно, что генералу Болдыреву повстанцы отвезли 15 тысяч винтовок, а порядка 30 тысяч винтовок имели на вооружении своих бойцов при отступлении, а крестьянам раздали порядка 60.000 единиц.

Но куда делись эти 60.000 винтовок? Напомним, что Народная армия пополнялась путём мобилизации крестьян. Возможно, многие из них рады были служить за идею, но в массе своей дальновидно просили именно мобилизовать их, чтобы не иметь потом претензий со стороны большевиков: дескать, не по своей воле против вас пошли... А.Г.Ефимов цитирует Советского автора Истории гражданской войны²⁴: «Вся местность вокруг Ижевска представляет большие лесные массивы со множеством рек и речушек, по берегам которых

²² Хотя, такая экстраполяция не совсем правомерна: видимо, выпуск оружия был поднят в период острой нужды Армии.

²³ Дальнейшие разыскания о количестве винтовок уведут нас слишком далеко от темы книги. См. об этом также: Ренёв Е.Г. Производство винтовок накануне и во время Восстания: реальность и мифы. / Ижевские архетипы. Режим доступа: <http://archetype.izhevsk.ru/?p=652>

²⁴ Видимо, это издание: Гражданская война 1918-1921 г. Т. I-III. М.-Л., 1928-1930. Нам его найти пока не удалось; возможно, оно было изъято из библиотек.

расселилось вотяцкое племя. Народ крайне некультурный, тёмный по своим воззрениям и верованиям, совершенно не разбирался в тех событиях, которые происходили вокруг него, а тем более по всей стране; соседями у него были татары, недалёко ушедшие по своей культурности от вотяков; поэтому белогвардейскому командованию легко было, как вотяков так и татар завербовать в свои отряды» [9, с. 61].

В первых боях Гражданской войны собрания мобилизованных крестьян у обеих противоборствующих сторон в нашем регионе лишь назывались ротами и полками, а по факту представляли собой малоорганизованную толпу испуганных людей. Генерал Молчанов вспоминал о качестве таких «полков» в своём войске осенью 1918 г.: «Башкирское население: татары, башкиры, русских нету совершенно... Мне донесение: маленькая стычка и все эти мобилизованные пропали. Чёрт с ними, пропали, но **они винтовки унесли!**» [28, с. 101].

Нами проанализировано два десятка Приказов Начальника штаба НА в отношении потерь личного состава; в Приказе № 74 от 4 ноября среди убитых солдат Первого пехотного Воткинского Заводского имени 17 августа полка значится 8 крестьян и ни одного рабочего, и 8 бойцов пропавших без вести [7, Л. 71-71 об.]. Все они также крестьяне. Правда, это пока единственный случай массовой пропажи без вести, обнаруженный в Приказах.

Действительно, в личных документах того времени фотографий не было: в теории крестьянин мог чуть не еженедельно являться в Народную армию, получать винтовку и денежный аванс, а потом в бою «пропадать без вести», и снова приходить на призывной участок и называться другим именем. А выданные мобилизованным винтовки у крестьян, соответственно, и оставались. Отсюда и двойной (или тройной) счёт винтовок, и непроизводительная утечка сумм денежного довольствия. В любом случае, полученные выше выводы о том, что Народная армия достигла пика своей численности порядка 30 тысяч бойцов лишь накануне исхода за Каму, подтверждаются произведённым анализом количественных показателей личного оружия. Армию бóльшего состава вооружить было бы просто нечем.

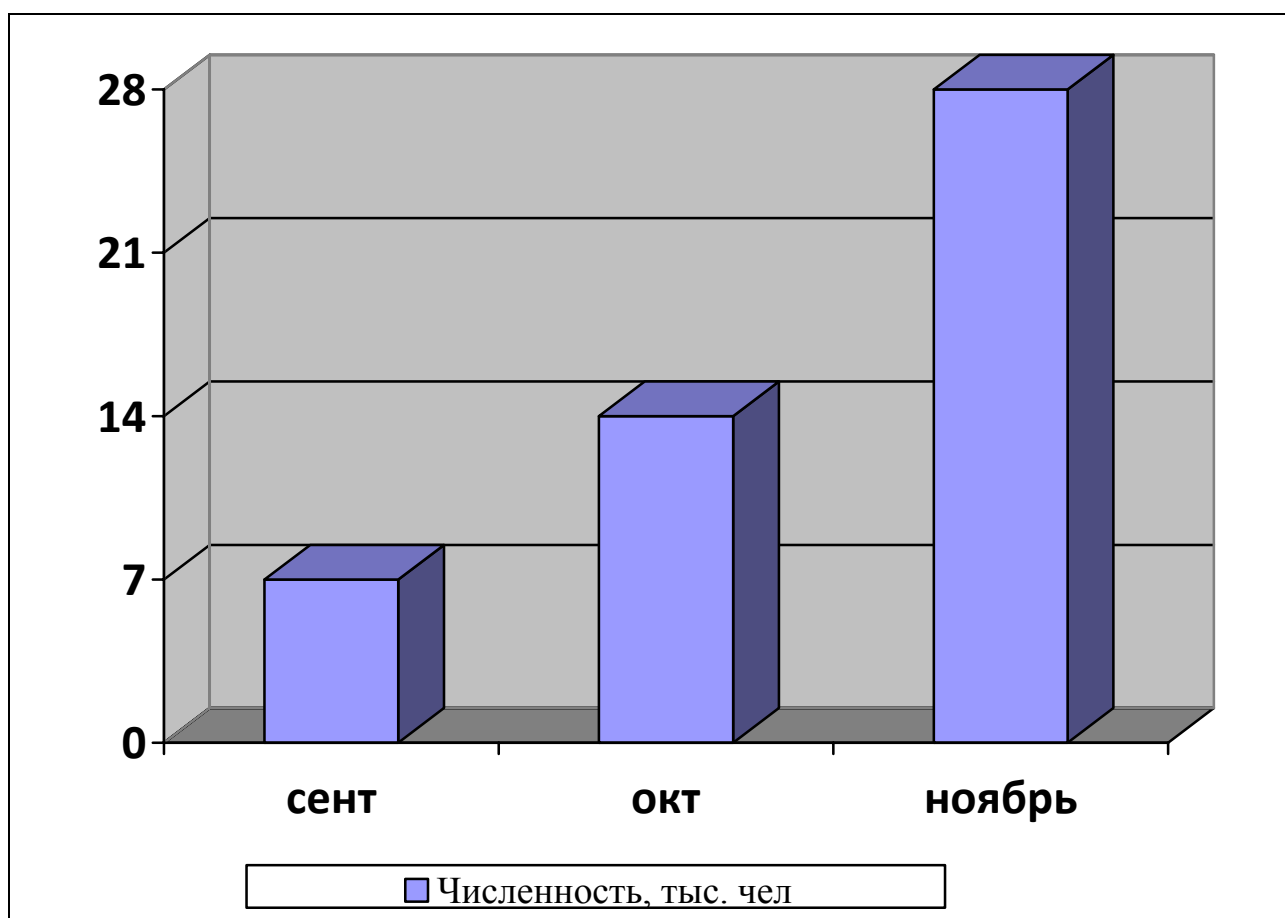
Выводы

Применение даже простейших расчётных методик в сочетании с комплексным использованием источников, отражающих участие коллектива судостроителей в военных действиях, и экстраполяция результатов анализа данных позволяют сделать обоснованные предположения о численности и социальном составе всей Народной армии в динамике времени.

В ходе Восстания и трёхмесячной обороны заводской коллектив воткинцев значительных людских потерь не понёс, ибо основную часть воинских контингентов Народной армии составили крестьяне (См. вышеприведённую Табл. 2.). Несмотря на то, что экспоненциальный рост численности этого войска (См. Табл. 3.) совпал по времени с периодом возрастания людских потерь, которые особенно резко увеличились в последнюю неделю октября 1918 г., боевые потери не оказывали существенного влияния на общую численность Армии, ибо с лихвой покрывались мобилизациями (Ср. Табл. 1 и 3). Если верно предположение о том, что через Народную армию, суммарно, прошло около 50.000 бойцов, а суммарные невозвратные потери составили лишь 3-4 %, то общее количество погибших, рассеянных на обширном пространстве «фронтов» Ижевско-Воткинского региона, следует оценивать в 1.500-2.000 человек.

Таким образом, на протяжении примерно 90 дней данное военное противостояние можно было бы назвать конфликтом малой интенсивности, и, сам по себе, этот конфликт не вызвал фатальной деградации производственных коллективов Заводов и не привёл к обезлюживанию сельской местности.

Табл. 3 Реконструируемая численность Прикамской Народной армии.

Источники и библиография

1. Шумилов Е.Ф. Августовское антибольшевицкое восстание в 1918 г. в г. Ижевске и его последствия. /Альманах «Белая гвардия», № 6. С. 12-14
2. Вторая армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918-1919.Документы. –Устинов:Удмуртия, 1987. – 316 с.
3. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т.I– М., Воениздат, 1971. –790 с.
4. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). – М., Воениздат, 1969. –884 с.
5. Миленко Г. Ижевско-Воткинская эпопея (Записки участника). Свободная Пермь, 8,13,15 марта 1919. № 42,46,48
6. ЦГА УР Ф.785 Оп.2 Д. 1 Списки рабочих...
7. ЦГА УР Ф.548 Оп.1 Д.1 Копи Приказов Начальника штаба Воткинской Народной армии.
8. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. — СПб.: Полигон, 2002.
9. Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920. –М.: Айрис-пресс, 2008.–С. 6-38
10. Уповалов И.Г. Рабочее восстание против советской власти. Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье ноябрь 1917- январь 1919. Документы и материалы. –Париж, 1982. –С. 396-421
11. Ефимов А.Г. Восстание Ижевцев и Воткинцев. / Часовой № 416-423
12. Федичкин Д.И. Ижевское восстание в период с 8 августа по 20 октября 1918 года. // Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье ноябрь 1917- январь 1919. Документы и материалы. – Париж, 1982. – С. 335-363
13. Петров А.А. История рабоче-крестьянской Белой армии. /Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920. –М.: Айрис-пресс, 2008.–С. 6-38
14. Ренёв Е.Г. Воспоминания Д.И.Федичкина как источник по изучению Ижевского антибольшевистского восстания./ Вестник Удмуртского университета. –2011. Вып. 3. С. 158-161
15. Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири: впечатления очевидца. –Париж, 1935. Гл. 10
16. Гутман-Ган А.Я. Ижевское восстание.// Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье ноябрь 1917- январь 1919. Документы и материалы. – Париж, 1982. – С. 372-395

17. ЦГА УР Ф.785, Оп.1, Д.11 Книга постановлений Коллеги управления Камско-Воткинским горным округом с 21.08. 1918 по 25.09.1919.
18. ЦГА УР Ф.785, Оп.1, Д. 39а Заявления граждан, пострадавших от действий иностранных правительств и войск интервентов во время Гражданской войны.
19. Удмуртия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Сборник документов. Часть 1. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1960.– 322 с.
20. Федичкин Д.И. Ижевское восстание в период с 8 августа по 15 октября 1918 года. /Ренёв Е.Г. Воспоминания Д.И.Федичкина как источник по изучению Ижевского антибольшевистского восстания.//Вестник Удмуртского университета. –2011. Вып. 3. С. 162-170
21. Жилин С. А. От Прикамья до Приморья.–Ижевск, КнигоГрад, 2008. –208 с.
22. ЦГА УР Ф. Р-785 Оп.1 Д. 14 Протоколы заседаний Производственного комитета Союза металлистов
23. ЦГА УР Ф.Р-460 Оп. Д.1 Приказы, инструкции и циркуляры штаба формирования Народной армии
24. Лотков С.Н. Камско-Воткинский завод и его рабочие.//Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье ноябрь 1917- январь 1919. Документы и материалы.– Париж, 1982. –С. 422-442
25. Бернштам М. Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье ноябрь 1917- январь 1919. Документы и материалы.– Париж, 1982. –604 с.
26. Гермониус Э.К. Ижевский оружейный завод и роль казённых заводов в деле обороны. /Записки и русского экономического общества в Лондоне. Т.II. кН. 7-8 –Лондон 1922. –С. 2904
27. Генерал В. С. Михайлов (1875-1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. – М.: РОССАЭН, 2007. –424 с.
28. Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы./В.М.Молчанов; составл. Л.Ю.Тремсиной; коммент. С.В.Волкова. – М.,: Айрис-пресс, 2009. –400 с.

ИНЖЕНЕР В.П.ВОЛОГДИН: РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ

Во множестве публикаций, посвящённых Воткинской Народной армии можно встретить имя В.П.Вологодина. Правда, относительно его должности и звания мемуаристы и историки высказывали различные мнения:

«Начальником штаба был капитан 2-го ранга В.П.Вологдин. Он занимал этот пост до февраля месяца 1919 г. , когда в штаб Воткинской дивизии в город Осу прибыл из Омска ротмистр фон Вах и сменил на посту начальника штаба капитана 2 го ранга Вологодина» [1, с. 317-318]

«Начальником переправы был капитан 1-го ранга Вологдин. В его распоряжении был **штабс-капитан Самарцев**, который встречал части и указывал им порядок переправы» [2, с. 83]

«...как в Ижевских и Воткинских частях было встречено известие о вступлении адмирала Колчака на пост Верховного Правителя следует добавить подробности, полученные от одного Воткинского офицера. Он присутствовал на собрании, которое капитан Юрьев созвал после получения известия об изменениях в верховной власти (Диктатура Колчака объявлена 18 ноября 1918 г.-А.К.) ...Среди Воткинских офицеров находились 2 моряка (в том числе строитель моста через Каму - капитан 1-го ранга Вологдин). Оба морских офицера¹ рассказывали Воткинцам об адмирале Колчаке, о его любви к родной стране и морской службе. Один из них был вместе с адмиралом в полярной экспедиции, и его интересные рассказы захватили слушателей, заставляя их с уважением относиться к неизвестному им, но выдающемуся и славному адмиралу. Когда капитан Юрьев объявил о вступлении адмирала Колчака на пост Верховного правителя, Воткинцы ответили на это громовым «Ура» Ижевцы тут же сообщили, что у них уже было собрание и что они постановили идти за адмиралом Колчаком» [2, с. 97-98]

Может быть, вопрос с биографией В.П.Вологодина способно прояснить академическое издание, в котором опубликованы данные о тысячах участников Белого движения? Обратимся к справочнику С.В.Волкова:

«Владимир Петрович Вологдин (28.04.1886-03.03.1951, Париж) Окончил

¹ Не известно, кто именно из Воткинцев мог участвовать в полярной экспедиции Колчака? О какой именно экспедиции идёт речь? Возможно, об экспедиции на яхте «Заря» или об экспедиции по поиску барона Толля в 1903 г. или о том, что кто-то из Воткинцев ранее служил на военном транспорте ледового класса «Вайгач», которым А.В.Колчак командовал в 1909-1910 г. Далее мы увидим, что Виктор Петрович Вологдин в ноябре 1918 г. формально ещё не был морским офицером.

Морское инженерное училище 1893. Капитан 2-го ранга, инженер-механик. В белых войсках Восточного фронта, до февраля 1919 начальник штаба Прикамской армии и Воткинской дивизии. Ген.-майор флота. В эмиграции во Франции, 1924-1930 член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер 2-1951.03.03 в Париже. Жена Таисия Николаевна Окулова (08.10.1875 -10.08 03 1950)» [3]

Такая запись сразу вызывает подозрение: при всём желании человек не смог бы закончить Морское училище через семь лет после своего рождения (!).

Не помогает и обращение к официальным документам царской России: в «Списке чинов Русского императорского флота на 1917г.» Вологодина В.П. нет.² [4]

Е.Н.Шумилов в Интернет –энциклопедии «Пермский край» сообщает о нескольких братьях Вологдиных. Причём, по его мнению, один из них- Виктор (1883-1950) был учёным в области электросварки в судостроении, а другой- Владимир (1886-1951) был «начальником штаба Ижевско-Воткинских повстанцев и генерал-майором «Белой» армии». [5]

Так кем же он был, инженер и морской офицер Вологдин В.П., который участвовал в обороне Воткинска? Попробуем реконструировать его биографию. В.Г. Шевченко опубликовал повесть об истории своего рода на основе домашних преданий и семейного архива [6]. Он приводит даты жизни шестерых детей бывшего крепостного Строгановых, а после Почётного гражданина и редактора Пермской губернской газеты Петра Александровича Вологодина:

1. Сергей Петрович (24.08.1874 - 06.06.1926)
2. **Владимир Петрович (1876 - 1956)**
3. Борис Петрович (10.07.1879-10.03.1938)
4. **Валентин Петрович (10.03.1881 - 25.04.1953)**
5. **Виктор Петрович (28.07.1883 - 14.10. 1950)**
6. Надежда Петровна (11.09.1895-1972).

Как видно, в семейном списке трое сыновей имеют одинаковые инициалы «В.П.», при том даты рождения и смерти Владимира Петровича Вологодина в отличие от цитированного справочного издания С.В.Волкова указаны иные, и ни один из Вологдиных не имел датами жизни 1886-1951г.г.

Полагаем априори, что семейная хроника может в некоторых случаях быть более информативной и точной, чем справочники. Действительно, при чтении

² Найден лишь Вологдин Иннокентий Иванович, 1896 г.р., произведённый в мичманы 27 августа 1915 г.

биографий, которые опубликовал В.Г.Шевченко, внук Виктора Петровича Вологодина, то становится ясно, кто есть кто из братьев:

Владимир Петрович Вологдин получил образование в Кронштадтском Морском инженерном училище императора Николая I, служил на крейсере «Россия», работал инженером-конструктором по судостроению. В 1918г. выехал в Швецию, потом во Францию. Занимался инженерной деятельностью по судостроению. Умер в Париже. Именно он (с неверными датами жизни) и включён в справочник С.В.Волкова.

Валентин Петрович Вологдин в 1907 г. с отличием окончил Технологический институт и был удостоен звания инженера-технолога, работал в области электротехники, участвовал в революционном движении, был высылаем полицией в Пермь. В 1912 год ему удалось построить первый русский генератор повышенной частоты, что явилось замечательным достижением отечественной техники. В годы Первой мировой войны был техническим директором завода "ДК", который делал не только нужные фронту радиостанции, но строил и русские дирижабли, носившие "хищные" названия - "Ястреб", "Кобчик" и др.

В октябре 1918 г. он перебрался в Нижний Новгород для работы в радиолaborатории. Занимался разработкой высокочастотных генераторов. В 1939 г. избран член-корреспондентом АН СССР.

В годы Великой отечественной войны разработал и внедрил методы высокочастотной закалки важнейших танковых узлов. За эту работу он с группой ученых и производственников был удостоен Сталинской премии

Виктор Петрович Вологдин родился 22 марта 1883 г. в Кувинском заводе Пермской губернии. Его отец был последовательно смотрителем завода, краеведом, редактором «Пермских губернских ведомостей» и газеты «Рудокоп». В 1906 году будучи курсантом Морского Инженерного училища Виктор Вологдин по малопонятым пока мотивам был исключён с разжалованием из фельдфебелей и поступил в Политехнический институт, который окончил в 1910 г. «по электро-механическому отделению с званием инженера-электрика с правом производства в чин 5³ класса при определении на государственную службу на штатную должность техника" Приказом министра торговли и промышленности №7 от 29 октября 1910 г. он был "...определен в службу младшим лаборантом СПб Политехнического института Императора Петра Великого".

В 1914 году Виктор Петрович Вологдин был избран преподавателем кораб-

³ Невероятно указание цитируемой публикации, что, в 1910 г по выходе из университета он получает сразу чин V класса: это очень высокий чин, промежуточный между капитаном 1-го ранга (полковником, VI класс) и контр-адмиралом (генерал-майором, IV класс)! Видимо, это ошибка публикатора текста.

лестроительного отделения Института и был принят на службу в Морское ведомство в качестве инженера-электрика.

1909 - 1918 — преподавал в Коммерческом училище, Политехническом институте, Институте путей сообщения, а в 1914-1918- был исполняющим обязанности старшего производителя работ в чертёжной (т.е. конструкторском бюро) Главного управления кораблестроения. Ю. Шевченко пишет: «По всей видимости, именно работа в Министерстве морского флота позволила Виктору Петровичу избежать призыва в армию. Ну, а устроить его на такую должность, конечно, мог, скорее всего, Владимир. В семье Вологдиных никогда не было моряков, но, в конечном счете, из пяти братьев так или иначе с морем, с флотом оказались связаны четверо. Напомню: Сергей до ареста и высылки работал инженером на Франко-русском заводе, там же был техническим директором Владимир, Валентин конструировал и испытывал свои радиостанции на кораблях Балтийского флота, а Виктор работал прорабом Главного управления судостроения, где ведал электрооборудованием легких крейсеров. Пристрастие поколения деда к морю объясняется легко. С детства их жизнь была постоянно связана с переездами на судах по Каме и ее притокам. Упрочивало это пристрастие то, что сначала Владимир, затем Виктор готовились стать профессиональными моряками»[6].

С военно-морским чином Виктора Петровича Вологдина следует разобраться особо. Обычно выпускники Политехнического института получали чин XII класса, а окончившие курс с отличием -X класса (=мичман). Выслуга лет между этими чинами состояла 6 лет. В.Г. Шевченко указывает, что уже через 2 года после выпуска из Института, в 1912 г. Виктор Вологдин получает чин титулярного советника (IX класс, соответствует лейтенанту флота). Производство в три чина за три года совершенно невероятное...И как он смог оказаться в Воткинске осенью 1918г. в чине капитана второго ранга? Впрочем, после отмены Табеля о рангах Февральской революцией производством офицеров занималось не только Временное правительство, но и командующие разных рангов, и чудес с назначениями в тот период было много. Напомним, что Вологдиных с искомыми инициалами в списках офицеров Императорского флота нет. Следовательно, теоретически чины ему могло присвоить или Временное правительство или Народная армия.

Итак, хронист Вологдиных пишет, что в апреле 1918 Виктор Петрович получает в Петербурге неформальное свидетельство от потребительского кооператива о том, что он выезжает в кратковременный отпуск.

«По-видимому, в августе 1918 года семья Виктора Петровича уехала в Пермь. С этого времени начинается самая темная, самая загадочная страница

жизни деда. Именно так говорила об этом этапе жизни деда моя мама. У меня практически нет никаких шансов разгадать дедушкину тайну почти через 80 лет после событий, после того, как ушло участвовавшее в них, да и следующее поколения людей. И все же я постарался собрать все мне известное, чтобы пролить хоть какой-то свет на эту совершенно непонятную пору жизни деда. Если семья деда приехала в начале сентября 1918 г. в Пермь, то в эту пору город был "красным", а 24 декабря того же года его захватили "белые". Мама говорила мне, что дед в 1918 году командовал каким-то отрядом кораблей. Во время первого же похода (куда и когда не знаю) он тяжело заболел тифом. Мама говорила: «Отдавал такие странные команды, что его чуть не шлепнули как предателя» [6].

Офицер Народной армии

А есть ли у нас хоть какой-то шанс просветить тёмную страницу биографии В.П.Волгдина? Вспомним, что самая первая флотилия на Каме - Пермская бронefлотилия ВЧК начинает формироваться лишь к августу 1918г. именно для противодействия Воткинской Народной армии и деблокирования реки [7]. Тогда и начинаются боевые действия на данном речном театре. Если Вологдин участвовал в «походе», в ходе которого он заболел, то это мог быть как поход Красной флотилии от Перми вниз по реке на Галёво и Сарапул, так и рейд Галёвской флотилии Воткинцев в северном направлении на сёла Бабку и Частые. Впрочем, теоретически, переболеть после этого рейда у него время было: в Приказах по Народной армии он проявляется, кажется, впервые лишь 16 сентября 1918г. в качестве вновь назначенного коменданта города Воткинска без указания звания и чина [8, л. 21 об]. А 20 сентября он выступает уже в качестве «инженера Вологдина, начальника технической части Галёвского района» Народной армии и члена комиссии по инвентаризации складированного в Галёве имущества [8, л. 24 об.] Таким образом, на боевой поход, «тяжёлое заболевание тифом» и полное выздоровление у него было чуть более двух недель!

А вот дальше точку зрения семейного хрониста понять трудно: она не только противоречит архивным данным, но и просто не логична:

«Дед был помещен в госпиталь, а в октябре 1918 года мобилизован в армию Комуча в Воткинском заводе. В эту армию набор шел главным образом именно путем мобилизации. Народная армия, или армия Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ), начала формироваться сразу после мятежа чехословацкого корпуса (с 8. 06.1918 года). Всего в эту армию вступило не очень много народу — около шести тысяч человек, и поэтому Комуч объявил насильственную мобилизацию. После выздоровления дед был мобилизован. Для меня долгие

годы оставалось загадкой: как он, человек в общем-то левых убеждений, в конце концов стал колчаковским офицером. Но, пытаясь понять эту метаморфозу, важно вспомнить, что дед был мобилизован в народную армию, а политические воззрения эсеров — руководителей Комуча были в основном, насколько теперь известно, левее самых левых. Отсюда следует один важный вывод: Виктор Вологдин, видимо, предпочел борьбе за диктатуру пролетариата борьбу за законную власть Учредительного собрания. Впрочем, справедливости ради, должен сказать, что когда я попытался заговорить с мамой на эту тему ещё раз - она замахала руками и сказала: «Ты что-то напутал. Я тебе рассказывала совсем не об этом» [6].

Действительно, автор семейной хроники напутал много, а разобраться, взяв в руки хотя бы популярное изложение событий Ижевско-Воткинского восстания, отчего-то не попытался.

В самом деле, если В.П.Вологдин до болезни командовал какой-то флотилией, то в тот период он делал это добровольно? А после болезни и выздоровления был против своей воли мобилизован и назначен комендантом города? Но если та флотилия была Красной, то как он оказался в госпитале в Воткинске, который был захвачен восставшими 17 августа? Наконец, будучи в Воткинске Вологдин никак не мог быть «колчаковским офицером» по формальным соображениям: таковым он стал даже не после переворота Колчака (который имел место быть, когда Воткинск был Народной армией уже оставлен), а лишь гораздо позднее, когда приказом Колчака ему было реально присвоено реальное воинское звание.

Далее Ю.Шевченко пишет:

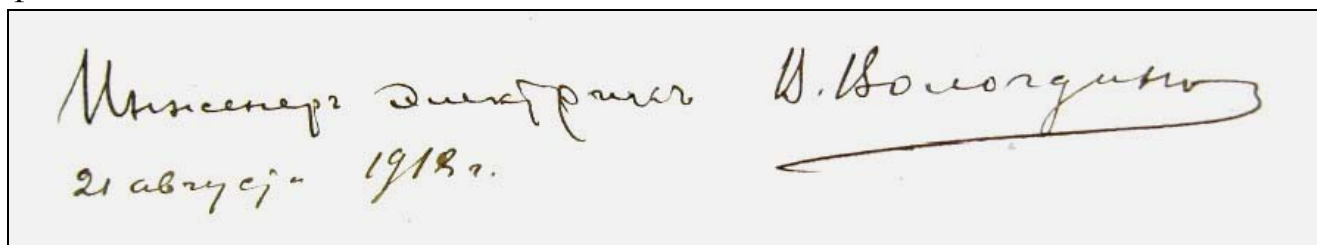
«С Воткинском - родиной Чайковского и городом, где был изготовлен шпиль Петропавловской крепости, судьба связала Виктора Петровича еще до революции. Если мне не изменяет память, его дипломная работа называлась «Снабжение электроэнергией гор. Перми». В 1918 г. приезд в Воткинск формально как будто также был связан с электрификацией этого города, хотя сказанное нуждается в уточнении и проверке...»

Действительно, заводской архив сохранил подробный план развития электрификации Воткинского завода. Автор проекта инженер-электрик Вологдин. Документ датирован 21 августа 1918 г. Из документа следует, что, по крайней мере, с середины июля В.П.Вологдин работал на Воткинском заводе постоянно: «В коллегиальное управление Камско-Воткинским горным округом. Доклад о переговорах с представителями Управления Уральского горного округа по вопросу о постройке новой электростанции на Воткинском заводе...

Мы, Вологдин, Наберухин и Шляпников, делегированные Деловым советом

КВГО в Областное правление...были приняты членами Областного правления — председателем И.Карякиным и Заведующим тех. Отделом А.Масловым 19 июля 1918 г. (нового стиля) в Мотовилихинском заводе...Мощность станции выбрана нами в соответствии с программой строительства 100 паровозов в год, необходимый технический прогресс понимается, как замена устаревших, не экономичных в эксплуатации устройств, пришедших в полную негодность — более современными...»[9, л. 37-39].

Иными словами, Виктор Вологдин создаёт проект электрификации ещё до захвата города Народной армией. Понятно, что он инженерный проект не из шляпы вынул: его надо было разрабатывать на месте длительное время. Но и после Восстания он своё детище не бросает. Но если он готовит и подаёт свой доклад об электрификации Завода 21 августа, то когда он успевает командовать флотилией?

Инженер Виктор
21 августа 1918 г. В. Вологдин

Снова дадим слово биографу В.П.Вологдина:

«С полной несомненностью знаю только, что дедушка был военным комендантом города Воткинска, об этом он рассказывал мне сам. Как-то, имея в виду "белое" дедово прошлое, я спросил его: "Ну, а как ты воевал с красными, в кого-нибудь стрелял?". В ответ на это дед рассказал мне следующую историю: "Как-то два солдата из нашего гарнизона решили перебежать к красным, но их поймали. Поймали и решили судить. Не расстреляли сразу, а именно решили судить, поскольку у нас была армия, в которой должны были действовать законы. Принятие такого решения вызвало серьезные затруднения. Адвокатов среди офицеров еще кое-как нашли, а вот на должность прокурора никто не соглашался. Пришлось стать "прокурором" мне. Пойманные были молодые деревенские мальчишки, которым не исполнилось и двадцати лет. Грозил им расстрел. Во время судебного разбирательства начались неувязки. Речь адвоката прозвучала как прокурорская, адвокат не сомневался в том, что подзащитных следует расстрелять, ну, а я, - говорил дед, - выступил как адвокат. Однако несмотря на эти шероховатости, приговорили все-таки к расстрелу. Расстрелять должны были ранним утром на восходе. Я не мог заснуть и среди ночи отправился в тюрьму. Меня, разумеется, пропустили. Взял у охраны ключи и выпустил парней, посоветовал им поскорее смыться. Вот и все. Много лет спустя

пытался разыскать спасенных, но, к сожалению, безуспешно". Таков был рассказ деда. Он ни слова не сказал о том, какие кары обрушились на него и как он вообще выкрутился, но похоже, что вскоре началось наступление "красных" и войска, занимавшие Воткинск, бежали. В неразберихе отступления, видимо, было не до разбирательств.»[6]

Обратимся к архивным документам: приказом Начальника штаба Воткинской Народной армии от 1 ноября Вологдин, уже с указанием военного чина капитан Второго ранга⁴ был назначен членом Военного суда [8, л. 65]. Отталкиваясь от данного факта проанализируем рассказ о случае с арестованными перебежчиками.

Всякий, знакомый с основами судопроизводства знает, что приговор подписывает как председатель, так и члены суда. Таким образом, подпись В.П.Вологодина под тем приговором должна была стоять.

Всякий, кто знаком с основами караульной службы знает, что если часовые при арестном помещении и могут допустить на пост члена военного суда, то уж вверенных им под охрану арестованных и ключи они отдать никак не могут: при сдаче караула баланс не сойдётся, и, выпуская кого-то из под ареста без письменного приказа, караульные сами попадают под действие закона о воинских преступлениях. Но может быть эти часовые были «от сохи, да от станка» и правил не знали? Нет, знали, ибо, во-первых в соответствии с Приказом по народной армии от 17 сентября на службе были оставлены лишь бывалые солдаты, который «проходили ряды войск». [8, л. 22] Кроме того, надо учитывать, что караул несли члены «Союза фронтовиков и увечных воинов» и в общеизвестном эпизоде с бегством сотни заключённых-баржевиков 10 ноября 1918 г. фигурировали лишь убитые беглецами конвоиры-фронтовики [10, с. 141-142]. Поэтому с уверенностью можно сказать, что правила несения службы охранники арестованных знали, и отдавать заключённых поштучно они не могли. Далее: в Военном суде Вологдин состоял с 1 ноября 1918 г., а плановое отступление на левобережье по мостам и на паромах началось только 10 ноября и продолжалось по 14-15 ноября. Так что никакой неразберихи в штабной работе и панического бегства из Воткинска не было, и если случай с неправомерным освобождением двух арестованных и имел место, то у руководства Народной армией и её контрразведывательного органа вполне было время во всём разобраться как в те дни, так и впоследствии. Скорее тут произошло другое: И.А.Добровольский

⁴ В Приказах по народной армии данных о присвоении этого чина Вологдину мы пока не нашли. Как увидим далее, этот чин будет присвоен ему официально лишь через год. Впрочем, в Народной армии не редким было и самоприсвоение чинов: проверить документально тот или иной чин или иные установочные данные было в тех условиях невозможно.

прямо указывает, что при отступлении Народной армии за Каму караул с арестных помещений был снят, все оставшиеся на месте заключённые (числом около двухсот) были выпущены 12 ноября по приказу начальника контрразведки капитана Шадрин⁵ [10, с. 142]

Далее Ю.Шевченко справедливо указывает:

«19 ноября 1918 г. Колчак осуществил переворот и арестовал Комуч. Народная армия при этом вошла в состав его Западной Армии под командованием генерала Ханжина. Таким образом, формально дед служил в армии Комуча всего два месяца - октябрь и ноябрь. (Как мы показали выше на основе документов - с августа по ноябрь - А.К.) С ноября же вместе с армией он стал колчаковцем. В декабре 1918г. Колчак захватил Пермь. Но в начале января 1919 года перешли в наступление "красные". Их вторая армия 5-7 февраля разгромила южнее Перми Воткинскую пехотную дивизию "белых", в которой, видимо, и служил дед. Только 27-28 января "белым" удалось стабилизировать фронт. Осуществили эту операцию Третий Сибирский корпус и та же "разгромленная" Воткинская дивизия...".[6]

Промежуточные выводы:

1.Мы видели, что качество биографической информации, о чинах Русского флота которую публикует С.В.Волкова не выдерживает критики: не знаем как с другими биографиями, но в случае с Вологдиным этот автор просто свалил в одну кучу две биографии братьев: Владимира Вологодина и Виктора Вологодина. А дальше эту ошибку начали цитировать и, как говорится, «пошла писать губерния...»

2.Общая канва истории, излагаемая семейным хронистом Ю.Шевченко во многом подтверждается архивными данными. Вопрос о том, откуда у Вологодина появляется в Воткинске немалый морской чин остаётся пока открытым. Как знать: может быть, пользуясь сходством инициалов в документах, удостоверяющих личность (и внешним сходством?), братья выдавали себя временами друг за друга, и это ввело исследователей их биографий в заблуждение? Однако привлечение архивных и дополнительных мемуарных источников позволяет обоснованно утверждать, что Виктор Вологдин в период Восстания вовсе не был невинной жертвой насильственной мобилизации, а служил интересам Народной

⁵ В Приказе от 5 ноября 1918 г. в качестве начальника Бюро контрразведки Воткинской Народной армии упомянут некто Жемчужников, а капитан Шадрин в документах Народной армии фигурирует как начальник связи. Впрочем, в Ижевско-Воткинской армии капитанов Шадринных было несколько. [8, л. 79]

армии не только вполне осознанно, но и продуктивно используя свои навыки для судовождения, строительства переправы и даже для юридической практики.

Пионер сварного судостроения

Виктор Петрович Вологдин в Советских энциклопедических справочниках описан, как создатель технологии сварки судовых корпусов. А что он делал в Воткинске в конце лета 1918г.? Можно с уверенностью полагать, что он пытался организовать или хотя бы подготовить сварочное производство; именно это производство является потребителем электрической энергии, и вовсе не случайно именно он разрабатывает проект электрификации завода. Возможно, именно с его подачи работники электротехнического цеха при отступлении Народной армии вывозят командные детали электростанции и иные детали электрических машин, о которых упоминают многие источники. В.П.Вологдин был последователем пионера сварочного производства Николая Гавриловича Славянова, который в конце XIX в. работал на Воткинском заводе, а потом занимал должность начальника Мотовилихинского завода в Перми. Сварочное производство в то время называли «электролитейной фабрикой». По данным Ю.Шевченко: «Виктор Вологдин побывал на "Электролитейной фабрике" в 1918 году. Он пишет, что тогда он "будучи инженером, приезжал на Мотовилиху в порядке служебной командировки". Вот только он не указывает, в каком месяце это было.» В пользу данной гипотезы свидетельствует и тот факт, что ещё в 1915 г. на Воткинском заводе функционировали 3 печи для нагревания свариваемых деталей [11, л.46], что позволяет обоснованно полагать здесь и наличие электросварки.

Приказом Верховного правителя А.В.Колчака от 20 июня 1919 г. коллежский асессор (чин VIII кл., соответствует ст. лейтенанту флота) Вологдин В.П. переименовывался в инженер-махаики старшие лейтенанты с производством в инженер-механики капитаны 2 ранга (чин VII кл. ». [12, Л. 67] За какие заслуги? Имеются данные, что вплоть до 6 августа 1919 г. он числился в должности начальника Нижней опорной базы Речной боевой флотилии. А где была эта база РБФ адмирала Смирнова? Да это же Воткинск и заводская пристань Галёво! Видимо, Нижняя опорная база формально довольно долго сохранялась в штатной структуре Белой армии, несмотря на то, что в июне 1919 Колчаковцы оставили Воткинск и вывезли судостроителей в Тюмень. За период службы у Колчака Вологдин был награждён орденом св. Станислава 3й степени (им награждали в основном гражданских чиновников) и орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом «за мужество и храбрость, оказанные в борьбе с

большевиками».[13, с. 13-14] Иными словами, первое награждение Вологодина состоялось до 20 июня 1919 г. т.е. именно в период активного боевого применения Галёвской базы РБФ от которого в заводском архиве остался чертёж бронекатера типа «Рысь» («Барс»); серия из шести таких судов была изготовлена на Мотовилихинском заводе весной 1919 г. Как-то уж тесно всё получается увязано: Славянов и Мотовилиха, электричество и Воткинское судостроение. Поэтому пока лишь на уровне гипотезы предположим, что Вологдин курировал весной 1919г. изготовление этих бронекатеров, и, возможно, именно они и явились первыми цельносварными судами в России (?).

6 августа 1919 г. наш герой был назначен директором правления- представителем от Морского ведомства по технической части на казённый Дальневосточный завод. [12, л. 96 об.]

Ю.Шевченко указывает: «Тайной для моей мамы и для меня оставалось то, где дед находился в течение трех месяцев: в июне, июле и августе 1919 года.» Напомним, что в это время армия Колчака откатывается на восток. Биограф В.П.Вологодина указывает, что ему удалось установить, что его предок летом 1919 г. проявился в Омске, где организовал изготовление многоярусных сварных коек для лазаретов.

Далее: «Согласно документам, дед служил в армии Комуча до августа 1920 года⁶, а после этого являлся (надо полагать у Колчака, в чине капитана II ранга- А.К.) представителем Морского ведомства - директором правления Дальзавода во Владивостоке...»[6]

«Когда колчаковцы в свое время откатывались на восток и во Владивостоке собралось великое множество белых офицеров, гонимых разными причинами, а главным образом -неудобством сосуществования с советской властью. Некоторые уезжали за рубеж. Одни отправлялись дальше в Харбин и затем в Китай, другие отплывали в Австралию, кое-кто отчаливал в Америку. Мама как-то говорила, что деду предлагали уехать на Яву (на выгодных условиях), но он решительно отказался. Им руководила одна философия: "Я не воевал напрямую с советской властью, и совесть моя чиста". Как известно, этого, по сравнению с тем фактом, что он был колчаковским офицером, было мало, но так или иначе, а дед оставался цел. Жили во Владивостоке и хотели работать многие из тех, кто не уехал. И вот еще в 1918 г. в городе сложилась группа инициаторов создания Дальневосточного общества содействия высшему образованию...»[6]

Биографы В.П.Вологодина отмечают, что «в декабре 1920 г. он впервые зажигает сварочную дугу на Дальзаводе, и заваривает запальный шар дизельного

⁶ Армия Комуча прекратила своё существование в ноябре 1918г. Видимо речь идёт всё же о службе в Ижевско-Воткинских формированиях армии Колчака?

двигателя, а летом 1921-го организует здесь первый в России сварочный цех.» Понятно, что он уже не кровати варит, а ремонтирует морские суда.

«В октябре 1922 г. Временное Приамурское правительство пало, во Владивостоке была установлена советская власть... и явный буржуй - технический директор Дальзавода Вологдин был разжалован в чернорабочие. Дед взялся за тачку.»- Пишут его потомки.

Однако некоторое время спустя Виктор Вологдин возвращается к инженерной деятельности на Дальзаводе.

«В 1926 г. он был избран в Хабаровске делегатом Краевого съезда Советов 1-го созыва, а на съезде его избрали членом исполкома. Параллельно, в том же 1926 г. дед был избран членом Окружного исполнительного комитета. Членом Окрисполкома он являлся в 1927-1928 гг. Не упомянуть об этом нельзя, ведь это были не просто должности, а посты, требовавшие реальной работы. Фамилия деда неоднократно заносилась в Красную Краевую Книгу Почета. В 1921 г. Советом Владивостокского государственного политехнического института проф. В.П. Вологдин был избран на должность ректора института и оставался на ней до 1 февраля 1923 г. С 1925 по 1928 гг. он был ректором Государственного дальневосточного университета.»[6]

Он энергично внедряет сварку с судостроении и «В 1930 г. первое цельно-сварное судно в нашей стране было спущено на воду: буксир ЖС-6... Экономия при строительстве сварного судна составила 31%, то есть отныне вместо каждых трех кораблей можно было строить четыре! [14]

И вот уже в 1932 г. при постройке морских кораблей сваривалось 10-20% всего металла, который расходовался на постройку корпуса.. Ясно, что широкое применение при этом сварки очень существенно удешевило строительство таких красавцев-кораблей, как крейсер "Киров" и других. Особенно быстро шло освоение сварки при строительстве речных судов. В 1931 г. в Киеве построили цельносварной буксир, с 1933 г. самый крупный завод по постройке речных судов "Красное Сормово" отказался от клепаных кораблей и полностью перешел на сварные.»[15]

Семейное предание гласит, что в июне 1931 г. случайным попутчиком В.П.Вологодина в поезде оказался Народный комиссар (говоря современным языком-Военный министр- А.К.) К.Е.Ворошилов. Узнав о новой прогрессивной технологии в судостроении, Ворошилов пригласил Вологодина на работу в Ленинград. «Именно дед в 1936 г. организовал первую Всесоюзную конференцию по сварке в судостроении. Он по-прежнему занимался не только практикой, но и разработкой многочисленных теоретических проблем. Однако главным критерием для него была практика. По его инициативе и при его консультациях с 1934

г. впервые в нашей стране начали строить сварные морские суда типа "Седов", а также большие морские сварные доки, сварные морские трейлеры, буксиры и т.д.»

«В апреле 1933 г. Виктор Петрович Вологдин был зачислен руководителем отдела электросварки в производственно-техническом секторе Главного управления морского судостроения при Главном управлении судостроительной промышленности. В том же году приказом от 1 ноября по Ленинградскому кораблестроительному институту ему поручается руководство работой по постановке преподавания и развитию сварки в институте на правах зав. кафедрой общей технологии.»[6]

Итак, в период Гражданской войны В.П.Волгдин служит в немалых чинах, агитирует солдат за Колчака. Почему его не репрессировали в годы Большого террора? Ведь убивали тогда же и маршалов, и учёных и мелкую сошку за ничтожные провинности! Как с такой анкетой он вообще получал допуск к секретным работам и документам?

Вопрос этот задают и его потомки:

«Как белый офицер В.П. Вологдин, конечно, неоднократно проходил всякие проверки. Кажется, даже проверку печально знаменитой комиссии Дерibasа. Этот деятель ГПУ не давал спуску "врагам революции". В 1933 г. дед лишь по счастливой случайности избежал ареста. Ну, а в Ленинграде, как я думаю он уже ценился как человек, рекомендованный самим Климентом Ворошиловым. И его не смели трогать.»[6]⁷

Возможно, реальный ответ отчасти содержится в книге И.А. Добровольского, который пишет, что Воткинские «отступленцы» были главной мишенью многочисленных проверок и «чисток» на заводе. А вот руководство завода, которое состояло из приезжих инженеров и не имело отношения к делам Народной армии, было осуждено расстрелу и длительным срокам заключения по обвинению во вредительстве в 1937 г. Однако, предание гласит, что И.В.Сталин лично вмешался, убедился, что деятельность этих инженеров полезна для обороны страны, и дело было пересмотрено, приговор отменён и фигуранты вернулись к работе, получив немалые посты в Москве.[10] Видимо, власть осознавала необходимость сохранения реально ценных инженерных кадров? Опять же, репрессии в отношении Воткинцев- отступленцев производились на основании списков, подаваемых руководством цехов в карательные органы. Вологодина в этих списках не было, и в списках работников завода на 1918 г. мы его тоже не

⁷ В те же годы было выработано понятие: Wertvoller Wirtschafts-jude (W.W.J.) Им обозначались те, кого «не трогали» в годы нацистских репрессий. Видимо, у нас тоже была категория «экономически полезных» интеллектуалов.

обнаружили. А проект электрификации был «зарыт» в деле с технической документацией. Во Владивостоке он участвовал в военных действиях, видимо, не отметился, а что он делал между Воткинском и Владивостоком семейному хронисту не известно, да и нам пока в деталях установить не удалось. Можно лишь предполагать, что он участвовал в создании и обеспечении Камской Боевой Флотилии адмирала Смирнова, которая действовала в нашем регионе до июня 1919 г.

Как бы то ни было, Виктор Петрович Вологдин явился выдающейся фигурой в отечественном судостроении [16], а его сын Дмитрий в годы Великой Отечественной войны служил на Амурской речной флотилии.

Указ "О награждении доктора технических наук профессора Ленинградского кораблестроительного института Вологодина Виктора Петровича орденом Трудового Красного Знамени" был опубликован 26 октября 1943 г. в "Известиях". В нем говорилось: "За выдающиеся заслуги в области развития и внедрения электросварки в судостроении, в связи с шестидесятилетием со дня рождения и тридцатилетием научно-педагогической и производственной деятельности наградить доктора технических наук, профессора Ленинградского кораблестроительного института Вологодина Виктора Петровича орденом Трудового Красного Знамени".

...По инициативе Ученого Совета ДВГТУ (ДВПИ):

1. Установлен бюст В.П. Вологодина в Сквере выпускников (2003 г.).
2. Создана обширная экспозиция в Историческом музее ДВГТУ, посвященная В.П. Вологдину и развитию сварки в судостроении.
3. Мемориальные доски установлены на главном здании ДВГТУ (ул. Пушкинская, 10).
4. Учреждена студенческая стипендия имени профессора В.П. Вологодина (1993 г.).
5. Учреждена премия имени профессора В.П. Вологодина (1994 г.), присуждаемая ежегодно преподавателям, студентам ДВГТУ и лицам из других организаций и стран, внесшим весомый вклад в развитие науки и образования. При этом вручается грамота и нагрудный знак...именем Виктора Петровича нарекли сухогруз река-море «Профессор Виктор Вологдин».

Как представляется, мы почти разобрались с биографией В.П.Вологодина за время его работы в Воткинске. Тем не менее, жизненный путь этого неординарного человека, особенно его «Белый» период таит ещё много загадок.

Источники и библиография

1. Старцев Н. Примечания к запискам полковника А.Г.Ефимова о Воткинцах. /Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы в борьбе с большевиками 1918-1920. – М.: Айрис-пресс, 2008. –С. 317-322
2. Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы в борьбе с большевиками 1918-1920. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 416 с.
3. Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004-Русский путь, 560 с.
4. Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. – Пет-роград, 1917. -190 с.
5. Шумилов Е.Н. Вологдин // «Пермский край» Интернет –энциклопедия. Режим доступа: <http://enc.prermkultura.ru>
6. Шевченко В.Г. Сварщик Виктор Вологдин. -Санкт-Петербург-Владивосток 2004
7. Быховский И.А., Ракитин Ю.И. Боевой путь камских бронefлотилий.–Пермь, 1986. –146 с.
8. ЦГА УР, Ф.Р-548, Оп.1, Д.1. Копии приказов начальника штаба Воткинской народной (белой) армии за период с 1 сентября по 8 ноября 1918 г. (с № 9 по № 78 включительно).
9. ЦГА УР Ф. Р-785, Оп. 1, Д.33 Копии протоколов заседаний коллегии управ-ления Камско-Воткинского горного округа.
10. Добровольский И.А. Воткинский завод на рубеже эпох (Заметки конструктора) –Воткинск, 2009.– 400 с.
11. ЦГА УР Ф. Р-212 Оп.1 Д.11126 Сведения о состоянии завода и составе служащих за 1914 год.
12. РГВА. Ф.39597. Оп.1.Д.67. Л. 70 Об. Цит. по [13]
13. Шевченко В.Г., Турмов Г.П. Сварщик Виктор Вологдин. Санкт-Петербург-Владивосток, 2003-158 мс. с. 13-14
14. Вологдин В.П. Постройка первого электросварного катера на Дальзаводе .— Владивосток: ДВГПИ. — 1931
15. Овчаров О.Д. Научно-практическая школа сварки В. П. Вологодина. Дисс на соискание уч. степ. канд. тех. наук. Владивосток, 1999. - 183 с.
16. Турмов Г. П. Огнем сварки и пламенем сердца : ист. очерк : [посвящ. В. П. Вологдину] / Г. П. Турмов ; Дальневост. гос. техн. ун-т. - Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2004. - 198 с. : ил.

Блаженны вы, когда будут ненавидеть вас люди...

[Лк, 6:22]

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ

или

ЧТО РАССКАЗАЛ РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

Как было сказано выше, труженики наших городов-заводов по-разному проявили себя в событиях Восстания и Гражданской войны, а представители старшего поколения до сих пор вспоминают, что с детства их делили на «чистых» и «нечистых». Мемуаристы отмечают, что причины негативного отношения властей к «Белым» и «отступленцам» интуитивно были им понятны, но вот принцип причисления той или иной семьи к категории изгоев был неясен. Происходило это оттого, что никаких определённых пояснений о судьбе своих «нечистых» родственников наши земляки не давали: просто говорили про того или иного: «Пропадал в Гражданскую войну». Да и моя бабушка со стороны матери Валентина Лаврентьевна Лазарева (в дев. Мокрушина), и дед Иван Леонтьевич Лазарев говорили про своих братьев то же самое. Бабушка вступила в ВКП(б) в 1944 г., в Войну сутками работала на оборонном производстве в «закрытом» цехе и при этом воспитала троих детей. Дед воевал политруком, под Сталинградом водил свою роту в атаку, заслужил два ордена. Зимой 1943 был тяжело ранен, на него пришла «похоронка». Потом, после госпиталя, он долго боролся с болезнью... Возможно, мне когда-то удастся описать их историю, опираясь на весьма скудные и отрывочные сведения о том, что они пережили. Надо сказать, что рассказы моих стариков об их молодости, близкой родне и довоенном Ижевске казались мне какими-то запутанными, да и вообще изложения конкретных деталей они избегали, многозначительно замолкая на полуслове. Оттого и темы эти казались мне тогда малоинтересными. К тому же родной отец деда и его сёстры, жившие где-то под Елабугой, отчего-то имели иную фамилию, чем он сам. Применительно к теме данной книжки замечу то обстоятельство, что лишь незадолго до своей кончины, уйдя на пенсию где-то в 1970-х годах, бабушка призналась мне, что и её брат, и брат мужа были «отступленцами»; что они ушли с Белыми в Сибирь, а по слухам даже и за рубеж, и там следы их затерялись... Но, по крайней мере, моим предкам никто этих «отступленцев» не припоминал, и это не мешало им работать на режимном предприятии, допуск на который получали далеко не все желающие (Видимо, «не-

хороших» родственников дед и бабушка в анкетах просто не указывали?). И лишь теперь я понимаю, почему было так: мои «Белые» родственники, скорее всего, имели другие фамилии. Очевидно, дед и бабушка переменяли свои фамилии и указали «подправленные» установочные данные при поступлении на Ижмаш, или, как сами они говорили, «в Завод». В то время при отсутствии у селян паспортов и без фотографий на справках, удостоверяющих личность, сделать это было совсем не трудно.

*

Занимаясь сбором материала для данной публикации, я обнаружил, что у карательных органов Ижевска и Воткинска Советского периода имелся готовый материал для применения репрессий к лицам, которые были причастны к антибольшевистской войне. Речь идёт об архивных делах, в которых сохранились списки работников цехов с разделением на категории: кто и когда оставил свой цех в период Восстания, по какой причине, кто и какой властью был эвакуирован, и кто и когда на производство вернулся.¹

На Воткинском заводе списки составлялись табельщиками и заверялись цеховым руководством. Поэтому они вполне адекватно должны отражать состав тех, кто должен был получать жалование. Иными словами, в эти списки должны были попасть все или почти все штатные работники (а прикомандированных, как мы видели в случае с инженером Вологдиным, там нет).

Известно, что в годы «Большого террора» территориальные органы политического сыска получали плановые задания на репрессирование определённого количества «врагов народа» с разделением по категориям (первая - расстрел, вторая - заключение в трудовой лагерь)². Оттого можно обоснованно полагать, что эти заводские списки явились для нескольких поколений работников ВЧК-ОГПУ неоценимым подспорьем для выполнения планов. По крайней мере, внешний вид этих документов таков, что видно, как с ними работало последовательно несколько человек; выделения из списков некоторых имён тем или иным почерком и красителем того или иного цвета позволяют понять, что из этих перечней разновременно было сделано несколько выборок определённых лиц.

¹ В Ижевске аналогичные списки составлялись путём подворного обхода.

² Напомним, что в соответствии с широко известным Оперативным приказом НКВД от 30 июля 1937 г. за № 00447 для Удмурдской (так в тексте - А.К.) АССР был установлен плановый показатель в 200 чел. по первой категории и 500 чел. по второй. Репрессии подлежали широкие оперативные контингенты. Начать операцию предписывалось 5 августа и завершить в трёхмесячный срок. Следствие следовало вести ускоренно и в упрощенном порядке. Для рассмотрения дел по Удмуртии назначалась тройка в составе председателя - наркома ГБУ АССР Д.Шлёнова и членов - Барышникова и Шевелькова.

Кроме того, в архиве сохранились и списки тех, кто был идейным и активным противником Советской власти по определению. Так, имеется список сотрудников контрразведки Ижевской армии, и в Приказах по Воткинской армии мы тоже встречаем имена контрразведчиков. Применение репрессий по отношению к данной категории лиц со стороны «вооружённого отряда компартии» в эпоху классовой войны представляется вполне логичным.

Но были ли именно по этим выборкам и спискам произведены аресты, и когда; были ли ограничены люди из этих подборок и списков в допуске к секретным работам и материалам, и когда - всё это проверить, наверное, можно, обратившись к более широкому кругу источников из архивов, прежде всего архивов ведомственных, которые пока не открыты для неограниченно широкого круга исследователей.

Надеемся, эта задача заинтересует наших последователей. А пока же рассмотрим лишь то, что нам удалось увидеть буквально на поверхности при изучении несекретных источников. Отметим, что репрессии накатывали на бывших повстанцев «волнами», разнесёнными по времени. Каждая из «волн» была организована субъектом репрессий, который отличался от других. Соответственно, и объектами преследования становились различные категории тружеников. Рассмотрим эти периоды репрессий чуть более подробно.

Изучаем расстрельный список

В период, когда Воткинская Народная армия вела бои с войсками большевиков, порядок в окружённом городе обеспечивался Народной милицией. На этот орган была возложена и обязанность по захоронению трупов убитых в боях. Так, Приказы начальника штаба Народной армии, перечисляющие павших бойцов, захороненных на линии фронта, заканчиваются стандартной фразой: «Начальнику милиции объявить о сём семьям погибших». После того, как Воткинцы вошли в состав Колчаковского войска и вернулись с ним в родной город весной 1919 г., видимо, здесь были обнаружены свежие массовые захоронения, а часть рабочих завода бесследно исчезла. Тогда же Сарапульский окружной прокурор истребовал от начальника городской милиции сведения о противоправных³ действиях Советских органов в Воткинске и его окрестностях за период с ноября 1918 г. по апрель 1919 г.

³ Термин «противоправные» следует воспринимать абсолютно условно: известно, что кодифицированное законодательство в то время отсутствовало, и карательные органы Советской власти действовали вне правового поля, руководствуясь лишь «революционным правосознанием» и иногда ведомственными инструкциями по частным вопросам.

Такого рода сведения собирались руководством Белых в масштабах всей России предположительно для того, чтобы дискредитировать большевистское правительство в глазах «просвещённой общественности» и всего «цивилизованного мира» [1, с. 48-52].

С.С.Балмасов в своей книге опубликовал список, который составил в тот период начальник Воткинской милиции на основе регистрационных книг Воткинской ЧК. Книги эти, предположительно, были захвачены колчаковцами при оккупации завода в апреле 1919 г. Всего в списке 126 фамилий с именами. Указаны порядковый номер жертвы, даты ареста и расстрела и краткая причина репрессии [1, с.191-199].⁴

Остановимся чуть подробнее на этом документе, который, известен историкам Воткинского восстания, но, кажется, ещё не был ими проанализирован. Для анализа данных нам оказалось удобно использовать календарь, разнеся фамилии по датам ареста и расстрела.

Анализ показывает, что список составлен в неточном хронологическом порядке, который организован то по датам задержания, то по датам казни. Так, первый расстрел датирован 16 ноября: «№ 18. Близоруков Степан. Арестован 16 ноября за расстрел и по приговору расстрелян» [1, с. 193]. Дата казни не указана как у других, но, поскольку это единственный случай во всём списке, можно обоснованно предполагать, что Степан Близоруков, видимо, Красный боец, опьянённый победой и опрометчиво расстрелявший кого-то, и сам закончил свой земной путь в тот же день. Здесь вроде бы ничего необычного нет: Красные вступили в город и начали устанавливать «порядок»⁵.

А вот дата первого задержания Чрезвычайной комиссией в связи с событиями вооружённого восстания порождает вопросы: четверо смертников, если верить списку, попали в ЧК Второй армии ещё 10 ноября, когда эвакуация Народной армии только начиналась, и войска Красных занимали деревни в нескольких километрах от Воткинска, не препятствуя переправе повстанцев за Каму. Приведём записи об этих страдальцах и прокомментируем их:

«№ 88. Бушуев Пётр Ларионович, арестован 10 ноября для выяснения личности. Допрошен, и по приговору расстрелян 11 декабря» [1, с. 197]. Во всём перечне это единственная запись, в которой указано отчество задержанного. Несомненно, человек пытался со следствием сотрудничать и своё отчество называл сам, для того, чтобы облегчить установление его личности. Видимо, он

⁴ См. также публикацию этого списка в интернете: Воткинские окрестности. Сайт краеведа Николая Лапина. Режим доступа: <http://okrest.narod.ru/vostan/uchastnik/doc/spisok126.htm>

⁵ Мы увидим далее, что волна организованных репрессий поднялась в Воткинске именно 16 ноября.

сообщал и другие подробности о себе. Но личность задержанного, застигнутого врасположении Красных войск, «выяснялась» в течение месяца безрезультатно. И он был убит вообще без предъявления вины, «на всякий случай».

«№ 89. Караулов Прохор, арестован 10 ноября за неправильную конфискацию имущества. Допрошен, и по приговору расстрелян 2 января». У кого Прохор Караулов ещё до отхода Народной армии из Воткинска мог конфисковывать имущество таким образом, что сам был арестован Красным командованием? Не иначе, как у пригородного населения. А почему он «конфисковывал неправильно»? Да потому, что просто грабил, тащил добро «на себя», на сдавая добычу в полковой «общак».

«№ 90. Черепанов Степан, арестован 10 ноября за неправильную конфискацию имущества. Допрошен, и по приговору расстрелян 2 января». Его с подельником Карауловым держали под замком почти 2 месяца и кончили в тот же день.

«№ 91. Мухачёв Александр, арестован 10 ноября. Доброволец. Белогвардеец. Допрошен, и по приговору расстрелян 2 декабря 1919 г.». А вот это уже первый по дате захваченный ЧК боец Народной армии, отмеченный в расстрельном списке. Его тоже отчего-то продержали очень долго.

Результаты карательной деятельности Воткинской Чрезвычайной комиссии показывают, что работа этого органа имела строго плановый характер.

Так, после оккупации города 12 ноября несколько дней, видимо, было посвящено обустройству на новом месте, сбору первичной информации и планированию. И вот уже в период с 16 по 18 ноября произведены первые целенаправленные аресты участников Восстания. Сколько их было «взято» тогда, точно пока не известно, но 18 арестованных добровольцев Народной армии ЧК расстреливает на следующий день после задержания, т.е. все они не пережили 19 ноября.

Далее расстреливают в день по 2-3 человека за «укрывательство белогвардейцев» (читай - бойцов Народной армии), за «участие в белогвардейском восстании», за «агитацию против Советской власти». А в понедельник 29 ноября «берут», видимо, по списку сразу не менее 15 «контрреволюционеров» и «добровольцев». ⁶ Большинство из них убивают через несколько дней, остальных

⁶ Напомним, что это именно расстрельный список, и он весьма в усечённом виде отражает общий объём репрессий осени-зимы 1918 г. в отношении Воткинцев. Те из них, кто был арестован, а после этого препровождён в органы ЧК в Ижевск или Сарапул, приговорён к тюремному заключению, либо освобождён после следствия в этот список не попали. Списком арестованных мы пока не располагаем, но, априори, можно предположить, что количество арестованных в разы превышало количество расстрелянных. Анализ прихода-расхода по датам расстрельного списка даёт максимальную цифру остатка живых в 15 чел. в период до 21

чуть погода.

Маховик репрессий раскручивается в полную силу в первую декаду декабря 1919 г.: ЧК казнит тогда сразу более 30 человек, по несколько человек в день с формулировкой «Доброволец белой гвардии». Во второй декаде декабря берут ещё 10 человек из той же когорты, и всех убивают 2 января⁷ [1, с. 197]. В тот период ёмкость арестных помещений, видимо, была полностью использована: подсчёт баланса убитых и живых арестованных даёт на 30 декабря 1918 г. остаток в 50 наличных человек ровно. Но плановое хозяйство делает своё дело: выйдя на работу после Новогоднего праздника, чекисты производят «разгрузку» своей тюрьмы. Они убивают второго января сразу 21 пленника, а на следующий день - ещё 13. Две декады января число содержащихся смертников не превышает двадцати. Видимо, чекисты ведут оперативную работу, выявляют новых врагов: за 20 дней они совершают всего 4 казни.

Зато 24 января берут сразу 13 человек с одинаковой формулировкой: «как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти». По всей видимости, это однодельцы. Их всех расстреляют через неделю, в субботу 1 февраля [1, с. 199]. А, отгуляв законный выходной, в понедельник 3 февраля 1919 г. чекисты производят окончательную разгрузку арестного помещения, выведя в расход последних 10 смертников. Справедливости ради следует заметить, что в том же рассмотренном нами списке оказались и полдюжины красноармейцев, расстрелянных за неполитические, бытовые преступления: изнасилование, пьянство и грабёж населения (см. выше). Есть и трое граждан (из них две женщины), поплатившиеся жизнью за кумышковарение⁸.

Но если физическое уничтожение бывших бойцов Народной армии⁹ как-то может быть обосновано логикой военного противостояния, то как понять включение в тот же расстрельный список и рабочих прямо из цехов?

ноября, затем число живых душ на остатке плавно растёт и составляет 50 человек на 1 января 1919 г. Можно обоснованно полагать, что ёмкость арестных помещений росла постепенно, и именно значение в 50 человек было близко к лимиту данного показателя. 2 и 3 января была произведена «разгрузка»: в расход было выведено сразу 34 Воткинца. Где их могилы?

⁷ Если наложить показатели активности Воткинской ЧК на календарь, то видно, что в период с 15 ноября по 15 декабря аресты и казни совершались ежедневно за одним исключением: воскресенье 24 ноября было «нерабочим».

⁸ Кумышка- национальный удмуртский самогон.

⁹ Среди них по меньшей мере три женщины:

№ 56 Соколова Дарья, арестована 1 декабря за участие в Белой гвардии, контрреволюционерка, выдавала большевиков. Допрошена и по приговору расстреляна 3 января 1919 г.

№ 60 Шехерова Зинаида, арестована 3 декабря за выдачу большевиков белым. Допрошена и по приговору расстреляна 3 января 1919 г.

№ 93 Чернышева Варвара, арестована 13 декабря за участие в сборе на нужды Народной армии и за знакомство с Юрьевым. Допрошена и по приговору расстреляна 2 января 1919 г.

Так, 3 декабря 1918 г. арестованы и ровно через месяц расстреляны с формулировкой «агитатор против Советской власти, контрреволюционер и саботажник»¹⁰ сразу несколько человек (№ 61-66): Вольхин Николай, Нетелев Артемий, Волков Яков, Кузнецов Василий, Шорин Игнатий, Кашин Алексей [1, с. 195-196]. Есть в списке и один из тех, кого позднее назовут «отступленцами»: «№57. Гусев Павел, арестован 1 декабря. Бежал от белых (Sic!-А.К.) и находился в штабе. Допрошен, и расстрелян по приговору 5 декабря» [1, с. 195].

Данный список имеет и самое непосредственное отношение к мастеровым судостроительного производства: фамилии расстрелянных совпадают с фамилиями судостроителей, которые не явились на работу вплоть до 24 ноября 1918 г. и числились по спискам в качестве ушедших с Народной армией [2, л. 376-380]. Перечислим некоторых из них с указанием номера по расстрельному списку: Афанасьев (36), Баженов (49), Батаногов (24), Близоруков (18), Бобылев (3), Варнин (32), Вдовин (45, 48), Вольхины Иван, Егор и Савелий (40, 50, 51), Глазырин (37), Загуляев (29), Копылов (1), Майоров (33), Наумов (38), Пьянков (7), Собин (15), Созонов (19), Соломенников (31).

Иными словами, карательными органами уже в первую «волну» было расстреляно, по меньшей мере, 20 людей, которых можно предположительно считать близкими родственниками отступленцев-судостроителей, то есть примерно каждый пятый-шестой из всего расстрельного списка. Такая пропорция представляется ненормально высокой с точки зрения математики для небольшого города-завода: лишь примерно каждый десятый заводчанин был судостроителем.

Основываясь на сходстве имён в документах можно сделать и более обоснованные предположения о той волне репрессий в отношении мастеровых судостроительного цеха.

Так, среди арестованных 29 ноября в расстрельном списке числится: «№40. Вольхин Иван, арестован 29 ноября как контрреволюционер, выдавал белым большевиков. Допрошен, и по приговору расстрелян 1 декабря»; А в архивном «Списке товарищей служащих судового цеха, не явившихся для регистрации с 21 [по 24] ноября 1918 года», находим отсутствующего на работе по неизвестной причине мастера Вольхина Ивана Ивановича [2, л.23]. Понятно, что он уже сидит в этот день в ожидании расстрела, который и произойдёт на-

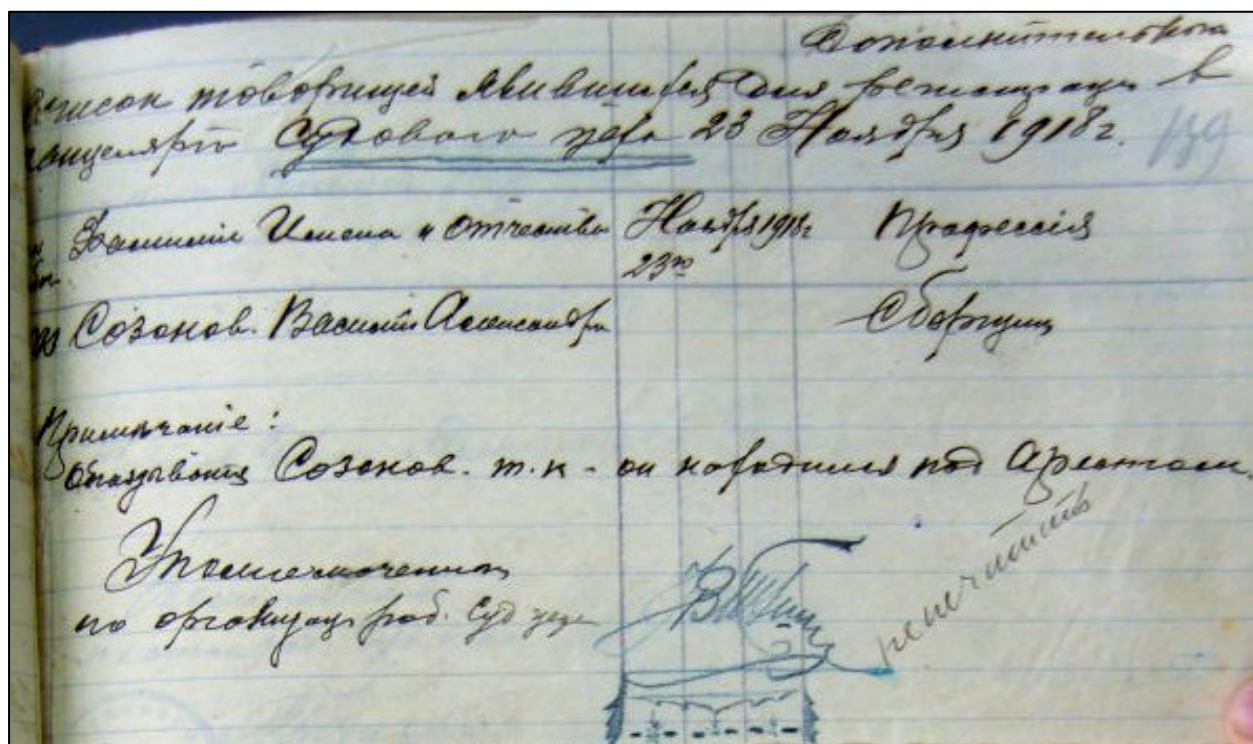
¹⁰ Саботаж - отказ трудиться на предложенных условиях под прессом внеэкономического принуждения. Термин исторически происходит от названия французской простонародной обуви на деревянной подошве - сабó (les Sabots). Средневековые ткачи использовали свою твёрдую обувь в качестве инструмента для того, чтобы стучать по мостовой, ломать станки и наносить побои администрации.

завтра, но ЧК по какой-то причине администрацию цеха об этом не уведомляет. Вместе с судостроителем Иваном Вольхиным были взяты и его подельники, наверное, близкие родственники, не ушедшие с Народной армией:

«№ 50. Вольхин Егор, арестован 29 ноября. Предатель, шпион и убийца большевиков. Допрошен, и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.»;

«№ 51. Вольхин Савелий, арестован 29 ноября. Предатель, шпион и убийца большевиков. Допрошен, и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.».

Ещё один интересный документ: «Дополнительный список товарищей, явившихся для регистрации в канцелярию Судового цеха 23 ноября 1918 г.». В этом списке всего лишь один (!) человек - сборщик Созонов Василий Александрович.

На листке примечание Уполномоченного по организации работ Судового цеха: «Отказывать, так как Созонов находился под арестом» и чья-то карандашная резолюция «не печатать» (см. рис.) [2 л.139].

Обратившись к расстрельному списку, читаем: «№ 19. Созонова Надежда, арестована 21 ноября за отправку чужого сундука с «Народной армией». Допрошена, и по приговору расстреляна 23 ноября». Можно обоснованно полагать, что Созонов Василий и Созонова Надежда - родственники, связанные одной судьбой. Но Надежду 23 ноября чекисты расстреливают, а Василия в тот

же день отпускают, и он возвращается на производство, но его туда не принимают: там и для «чистых» работы мало!

27 ноября возвращается на работу из-под ареста и подручный-судостроитель Гилёв Иван Сергеевич [2, л.137].

Наверное, заводской архив сохранил лишь малую часть сведений об арестованных и казнённых судостроителях, но детальное изучение вопроса о репрессиях того периода Советской оккупации Завода потребовало бы отдельного исследования, которое увело бы нас слишком далеко от избранной здесь темы. Однако можно утверждать определённо, что традиция внесудебной жестокой расправы с Ижевско-Воткинскими повстанцами без учёта **вины** конкретного человека, а лишь на основании и принадлежности к определённой враждебной **категории** была заложена именно в ноябре 1918 г. и существовала долгие десятилетия.

Действие равно противодействию

Конечно же, появление рассмотренного выше списка в 126 фамилий проще всего было бы объявить традиционно для литературы постсоветского периода ничем не оправданными «зверствами чекистов», а превентивные убийства лиц без документов и расстрел бедной бабы, которая отдала «отступленцам» свой сундук, назвать проявлениями маниакального бреда отдельных личностей, облечённых властью карать и миловать в те дни. Может быть, так оно и было «кое-где у нас порой». Но давайте посмотрим на этот вопрос чуть шире, обратим внимание на особенности оперативной обстановки в оставленных повстанцами городах, да и вообще в бывшей зоне действия Народной армии в начале зимы 1918 г.

В Ижевск, а затем и в Воткинск вошли части Второй армии Красных. Но какие это были части? И мемуаристы, и официальные источники подчёркивают, что это были части интернациональные, а именно латыши.

Так, член Военсовета 2 армии Сокольников доносит 15 ноября в ЦК РКП (б): «1 ноября¹¹ сего года в 10 утра приехавшая делегация воткинских рабочих сообщила по поводу освобождения от белогвардейских насильников и от имени общего собрания воткинских рабочих приветствовала Советскую власть с Красной Армией, как свою освободительницу. В 13 часов дня в город прибыли представители Советской власти и 2 батальона 7 Латышского полка из состава Вятской Особой дивизии. Прочие части дивизии, преследуя Белых, направились на Каму. Из барж, в которых в Воткинске находились пленные коммунисты и

¹¹ Явная опечатка публикатора. Правильно: 11 ноября (см. далее).

советские работники, все вышли на свободу. Однако в последние дни белыми было спешно расстреляно около 300 человек, которые были подвергнуты невероятнейшим, возмутительным истязаниям. Из оставшихся в живых значительная часть больна в результате голода, которым морили заключённых. Теперь в городе полный порядок, никаких эксцессов не было. Белые увели с собой часть рабочих. Завод в полной целости [10, с. 109-110].

Свидетель тех событий протоиерей П.Н Луппов писал в 1930-х годах: « В дни 8, 9, 10 ноября безостановочно тянулись печальные обозы с воинским добром, а среди них, и за ними значительные ряды подвод беженцев. 11 ноября <воткинцы> решили послать к Красной армии делегацию с заявлением: «Ваши враги из завода ушли, остались одни только мирные жители. Просим вступить в город... Вечером за пехотой вошли не более батальона: конница, артиллерия и обоз [3, л. 42].

Очевидец А.А.Миролюбов в мемуарах, написанных через полвека после событий, указывал, что последний раз он видел отступавших повстанцев в городе 9 ноября и сообщал: «После отступления белых на другой день мы с ребятами пошли к баржам и там увидели кошмар. Среди пленниц дров были ямы. И из ям вытащены заколотые жертвы со связанными назад руками в жутких позах. Плачущие родственники с проклятиями на устах в адрес Юрьева разыскивали своих родственников. В числе жертв были заколоты штыками наши соседи: Юрасов Иван Григорьевич, на нём была 41 рана, и Злыгостев А.В. На другой день по плотине на площадь двигался строем Латышский полк. Молодые бойцы, с новыми винтовками. Приятно было на них смотреть...» [4, с. 152].

Итак, разведка Латышского полка убедилась, что повстанцы ушли за Каму организованно и в полном составе. Поэтому никаких боёв на городских улицах не произошло, Красные полки (кроме одного) встали на постой, в соответствии с Приказом командарма В.И.Шорина, в окрестных деревнях. Города были заняты штабными учреждениями, комендантскими ротами для патрулирования, а при имеющихся каменных строениях, годных под арестные помещения, стали работать карающие органы. Армейские органы Чрезвычайной комиссии состояли, разумеется, не из местных жителей, знакомых с оперативной обстановкой и конкретными обстоятельствами Восстания; они были сформированы заранее, из пришельцев, а в массе своей, откровенно говоря, даже из иностранцев: латышей, мадьяр и пр.

Логично полагать, что с первых дней в эти органы потянулись со своими заявлениями те, кто был реально репрессирован повстанцами, или просто хотел выдать своего соседа-недруга, чтобы рассчитаться за давние обиды или за счёт конфискованного у «отступленцев» имущества получить материальную ком-

пенсацию, например, за потерю кормильца своей семьи, убитого в противоборстве.¹² Проще всего в той обстановке, видимо, удавалось лишь сведение личных счётов: временные пришельцы-чекисты просто не имели ни процессуальных, ни оперативных, ни криминалистических возможностей для того, чтобы детально разбираться с каждым заявлением, то есть вести следствие в общепринятом понимании, и изобличать преступника; как мы видели выше, они зачастую расстреливали «на всякий случай», руководствуясь «революционным пролетарским правосознанием».

Заметим, что в первые месяцы захвата городов силами Красной армии, если судить по расстрельному списку, мало кому из арестованных была инкриминировна причастность к деятельности органов контрразведки повстанцев, либо какие-то конкретные антибольшевистские деяния.¹³ (Контрразведчики и Военный суд, естественно, отступили с Народной армией, так как составляли одно из её подразделений). А вот «предатели» большевиков в списке имеются во множестве. Каких же большевиков они могли предать за сто дней восстания? Большевистская «головка» была разогнана восставшими в первый же день, 17 августа, и лишь несколько её членов удалось задержать. Так, например, был арестован городской «комиссар юстиции» Юрасов, который в период Советской власти курировал работу репрессивных органов. В литературе уже описывалась ситуация с неоднократным перезахоронением трупа этого человека: после захвата города в 1918 г. чекисты пригнали арестованных, чтобы разрыть могилы тех, кто был казнён контрразведкой повстанцев, а также собрать неприбранные трупы, найденные в разных местах вокруг Воткинска. 15 ноября 123 (или 126?) обнаруженных тела были положены в наспех сколоченные гробы и перезахоронены в братской могиле на Соборной площади, в самом центре города у Заводской плотины. (К слову, очевидец А.А. Миролюбов, переживший Восстание в 14 летнем возрасте, называет цифру в 98 захороненных у Собора [4, с. 152]). Весной 1919 г. командование Белой армии расценило это захоронение безбожников и иноверцев в качестве оскорбления Святого места и посчитало, что оно может представить угрозу гигиене горожан. Трупы были вынуты из земли, вывезены на северо-восточную окраину Воткинска и сожжены. Летом того же года, после вступления в город Красной армии состоялось окончательное захоронение этих многострадальных останков. Сейчас здесь мемориал на площади Павших борцов. Краевед И.А. Добровольский проясняет вопрос с происхожде-

¹² Общеизвестно, что в Ижевске имущество отступленцев было конфисковано Советской властью. Вероятно, и в Воткинске тоже.

¹³ 8 декабря арестованы, а 9 декабря расстреляны «за ссылку большевиков в баржи» Вьюжанин Николай, Сиезнев Тимофей и Сиезнев Игнатий [1, с. 196].

нием этих трупов: известно, что восставшие использовали пустующие баржи на заводском пруду в качестве арестных помещений: там с лета держали пленных красноармейцев, захваченных на Бабкинском фронте в боях против Пермской бронеплотилии ВЧК, общим числом около пяти сотен, в основном латышей, мадьяр, а ещё более, китайцев. 10 ноября заключённые одной из барж устроили побег, убив при этом несколько конвоиров из коренных воткинцев-ветеранов боевых действий из «Союза фронтовиков и увечных воинов». «...Многие из бежавших попрятались в стогах сена, сараях и банях местных жителей. К утру почти все беглецы были пойманы. Рассвирепевшие охранники кололи беглецов штыками или расстреливали беглецов на месте поимки. Часть была доставлена в караульное помещение живыми, и там после допроса их прикалывали штыками среди поленищ дров» [5, с. 141-142].

Заметим, что убийство заключенных при попытке к бегству - обычная практика любой конвойной службы, а здесь попытка была отягощена убийством солдат-ветеранов из рабочих, которые прошли войну, но погибли у себя дома. Понятно, что сочувствия от мирных обывателей, потерявших своих кормильцев, беглецы-чужаки не получили. Интересно и то, что с той самой баржи бежали отнюдь не все: коренные воткинцы остались сидеть и были отпущены вместе с узниками остальных барж 12 ноября, накануне Исхода, и в итоге остались живы. Исключение составил лишь упомянутый выше комиссар карательных органов Иван Юрасов: его повстанцы казнили после того побега интернационалистов с баржи. Дочь Юрасова Елена Ивановна написала свои мемуары о тех днях, и эта тетрадка, исписанная старушечьим почерком и трогательно разрисованная цветными карандашами, до сих пор хранится в архиве, но, кажется, пока не была опубликована.¹⁴ Мемуаристка приводит важные детали событий: её отца держали в барже в верховьях пруда¹⁵, а на допросы водили в здание Мужской гимназии в центре города. Она видела, как он шёл босиком по стылой земле. А во время похоронного митинга над 123 гробами Красные командиры (и, надо полагать, чекисты в том числе), по её словам, громогласно клялись отомстить реками крови «белых гадов» за смерть своих товарищей. Вряд ли простым совпадением было то, что и лежащие в тех гробах, и командир части, которая за-

¹⁴ Из текста видно, что мемуар был направлен его автором тогдашнему партийному руководству Удмуртии. Он написан женщиной, которая прожила нелёгкую сиротскую жизнь и под старость лет оказалась в стеснённых жилищных условиях. Она просит помочь ей в память об её отце. Из письменной резолюции на тетрадке можно понять, что документ был перенаправлен для частичного опубликования в тогдашнюю газету «Удмуртская правда», а после списан в архив. [6]

¹⁵ Речь идёт, видимо, не о большом городском пруде, а о малом сплавном пруде на территории завода, на котором достраивались баржи.

няла Воткинск и патрулировала его в ноябре, и начальник Особого отдела ЧК Второй армии - всё это были земляки с фамилиями, похожими на «немецкие»¹⁶...

Тогда кем же были те Воткинцы-«предатели коммунистов» из расстрельного списка? Вероятнее всего, это простые горожане, которые, обнаружив беглых «интернационалистов» в своих банях и сараях, сигнализировали об этом в органы контрразведки Народной армии. Но тогда, если из расстрельного списка, составленного «Воткинской чекой» вычесть красноармейцев, попавших в него за совершение общеуголовных и воинских преступлений, а также «бытовиков», то в нём окажется около сотни казнённых повстанцев. Видимо, по достижении нужного числа жертв (около сотни) расстрелы в Воткинске как по команде прекратились: счёт жертвам сравнялся. А начались аресты и расстрелы в городе именно на следующий день после того траурного митинга 15 ноября (см. выше) и публичного обещания «пустить кровь», когда к жестокостям, так сказать, общественное мнение пробольшевицки настроенной части населения было подготовлено, да и эмоции у чекистов достаточно «накручены». Арестно-расстрельная команда ЧК «работала» после митинга ровно неделю (от субботы до субботы- sic!), а потом, «как положено» имела двухдневный перерыв. За эту «ударную неделю» они убивают 19 Воткинцев, а сколько арестовали всего - неизвестно, но по расстрельному списку можно установить, что ещё 13 человек из числа взятых в ту послемитинговую неделю были казнены позднее. Известно, что 18 ноября А.В.Колчак принял титул Верховного правителя России. Телеграф разнёс эту весть по миру. Вряд ли простым совпадением явилось то, что в тот же день Воткинская ЧК произвела **первый** расстрел пленных повстанцев; в расход было выведено сразу 8 человек, и вплоть до 9 декабря этот «ежедневный показатель» не был повторён.

Что представляют собой отмеченные корреляции по датам и количеству трупов: проявления национального педантизма или простые совпадения? Лично я в такие совпадения не верю. Наверное, для карательных органов тогда, по большому счёту, основания для расстрела наших земляков были делом второстепенным: лишь бы в итоге количество жертв взаимного террора примерно сошлось. Как говорится: «Око за око»...

Можно вполне обоснованно утверждать, что накал страстей в те дни создавался и подогревался в Ижевске и Воткинске искусственно: Красная пропаганда что есть мочи очерняла повстанцев, публикуя такие вот истерические статьи:

¹⁶ Руководителем Воткинской ЧК в ноябре 1918 г. был человек по фамилии Линдман [7, л. 80 об.].

ПАЛАЧИ В РЯСАХ

Дня за четыре до падения Воткинска белогвардейцы в бессильной ярости начали зверски расправляться с рабочими, не желавшими воевать с красноармейцами. Что и было приведено в исполнение. Лишь нескольким рабочим удалось избежать смерти.

В этих зверствах самое горячее участие принимали наши святые отцы, бежавшие из сёл и городов, занятых Советскими войсками.¹⁷

В день казни рабочих часа за 3-4 попами была отслужена литургия и по окончании её был совершен Крестный ход с хоругвями и иконами на место казни... Перед дикой расправой попы предварительно кропили святой водой яму, а потом оружие белых, благословив их на доблестный подвиг - умершвление рабочих...¹⁸ В это время на трибуне показалась толстая рожка попа, который произнёс речь. «Не грех - говорил он,- убивать того, кто идёт против веры и брата». Этот каин с крестом на груди закончил речь такими словами, указывая рукой на рабочих: «Уничтожьте эту падаль, чтобы она не воняла на земле». ... и с диким рёвом белые бросились на беззащитные жертвы. Рубили шашками, кололи штыками, ножами. Многих рабочих забрасывали живыми в ямы... Когда пришли Красные войска, жертвы этой дикой расправы было торжественно похоронены. На площади стояли сотни гробов с трупами.¹⁹ Страшно было смотреть на них. Это были не трупы людей, а куски мяса. При одном взгляде на них замирало сердце, волосы на голове становились дыбом.

Так расправляются с бедняками наши буржуи и святые служители церкви - «каины-попы». Каждый, видевший и слышавший об этих жертвах, скажет им: «Будьте прокляты злодеи навеки». Пора эту сволочь поставить на одну карту с белыми бандами...

*Красноармеец Богатырёв
13 декабря 1918*

¹⁷ Автор, видимо, сам не понял, что проговорился о том, что священнослужители бежали от террора.

¹⁸ По нашему мнению, это неприемлемый для православной литургики обряд.

¹⁹ И донесение Сокольников про 300 убитых, и указание автора статьи на сотни гробов, на наш взгляд, являются явными преувеличениями. Воткинские мемуаристы, и свидетели тех дел А.А.Миролюбов, а особенно Е.И.Юрасова, потерявшая отца, тем не менее, не ослеплены ненавистью и, по всей видимости, называют реальное суммарное число жертв репрессий за трёхмесячный период Восстания: около сотни человек, да и про «молебен» не сочиняют.

Газета «Уральский рабочий» [8 с. 160-161]

ЗВЕРСТВА БЕЛЫХ ПАЛАЧЕЙ

Страшную, почти невероятную картину беснования озверелых белогвардейцев рисует нам т. Семён Ларинцев. 23 октября <1918 г> были арестованы белогвардейцами (читай – Восставшими - А.К.) 22 чел крестьян из дер. Болгуры Июльской волости и посажены при Ижевском военном отделе, где уже находились 450 чел. арестованных раньше. Чем провинились эти Банниковы перед белыми палачами неизвестно, но только выстроили их на глазах у всех в один ряд, продели сквозь связанных рук верёвку, чтобы они не падали, и начали сечь кнутами, сплетёнными из восьми ремней, на концах которых была вплетена картечь. Их не кололи штыками, не били прикладами, а именно секли кнутами. Потрясающая картина ужасных страданий несчастных, их нечеловеческие крики и мольба о том, чтобы их скорее прикололи леденили кровь невольных зрителей. Взрывы негодования и бешенства раздавались среди нас, заключённых, но безумные, озверелые палачи не прекратили своё дьявольское истязание пока 7 чел. страдальцев не пали к их ногам мёртвыми. Их свезли и бросили неизвестно куда, а остальные без признаков живого места, с окровавленными и неузнаваемыми от истязаний лицами увели в тёмные камеры и там продолжали своё отвратительное дело. А чтобы несчастные страдальцы не падали...около каждого истязуемого с трёх сторон ставились часовые с направленными на них штыками...

По окончании кровавой экзекуции приходили полюбоваться на дело своих «главари» палачей Яковлев и Сорочинский...

...все 22 Банникова умерли в эту ночь ужасной, тяжёлою смертью.

Газета «Ижевская правда»

25 декабря 1918 г.²⁰

²⁰ Этот случай переключал в массу публикаций Советского периода и стал «классикой Белого террора». Опубликованы и мемуары, авторы которых уточняют, что, собственно, противником повстанцев был лишь один из тех Банниковых, а контрразведка, не имея точных установочных данных на подозреваемого арестовала скопом **всех** однофамильцев Банниковых в Болгурах и выбивала из них показания, да и забила **всех** до смерти. Невероятно, но факт: по данным метрической книги Воткинского Благовещенского собора в ноябре сразу несколько Банниковых из деревни Болгуры (как бы убитых 23 октября?) регистрируют своих новорожденных детей: 27.11. Михаил Васильевич Банников регистрирует сына Николая, при восприемнике Илье Николаевиче Банникове, а Иван Захарович Банников заявляет о рождении дочери Анны, состоявшемся 25.11, при восприемнике Фёдоре Игнатьевиче Банникове. (См.: ЦГА УР Ф. 409, Д. 1. Л. 294 об., 299. об.)

Запомним, дорогой читатель, дату цитированной публикации и фамилию Сорочинский.

Дневник убийцы

Для создания объективной картины полагаем обоснованным привести не только упоминания о жертвах, но и набросать портрет хотя бы одного из творцов Красного террора. В этом поможет архивный документ, который читается как детективная история, достойная экранизации в стиле action. Это мемуар воткинского чекиста А.И.Турецкого, составленный в хронологической последовательности. Приведём его в кратком пересказе и в выдержках с сохранением лексики оригинала.

С началом Восстания Турецкий, как член ижевской Чрезвычайной комиссии был арестован и вместе с иными партийными функционерами содержался в помещении под Главной башней Ижевского оружейного завода в течении трёх месяцев. Он пишет, что не смирился с участью узника, постоянно обличал своих тюремщиков, демонстративно и злостно нарушал режим содержания и подстрекал к этому сокамерников. За это он будто бы безвинно страдал вследствие мер физического воздействия, которое к нему применяли сотрудники контрразведки Ижевской Народной армии. Он даже приводит имена и воинские звания офицеров, от которых получил побои: капитан Иванов и поручик Сорочинский. Тут же будто бы он и дал себе клятву при случае покарать своих обидчиков. «Я себе дал пролетарское слово, что если попадут мне в руки эти паразиты расплаты перед трудящими, то я обязан буду насмерть их застегать нагайкой»²¹... Тут сидели мы до 8 ноября 1918 г.²² Ночью под грохот бомб и свист пуль нас под конвоем повели на гору²³... часть из нас бросилась бежать, охрана колола на месте пытавшихся бежать.²⁴ Кололи и тех, кто от холода и голода был не в состоянии идти. Все были босые и в одном белье. Гнали нас без отдыха до

²¹ См. вышеприведённую публикацию из «Ижевской правды». Турецкий не мог быть свидетелем избиения Болгуриных крестьян: он прочитал о нём в газете.

²² Общеизвестно, что руководство Второй армии ещё 7 ноября направило Предсовнаркома В.И. Ленину ликующую телеграмму о том, что Ижевск будто бы был взят Красными войсками к годовщине Октябрьского переворота. Иными словами, данный мемуарист, как и множество иных источников, служит к обличению Красных командиров во лжи.

²³ То есть с плотины в Нагорную часть Ижевска, откуда и лежит дорога на Воткинск. Известно, что после вхождения в город Красной армии несколько десятков трупов было обнаружено в ограде Михайловского собора, который расположен на верхней точке города.

²⁴ Предотвращение побега - обязанность любого конвоира.

села Болгуры²⁵. В ночь на 10 ноября я вырвался, урвал момент...» Беглец зарылся в сено, где его и обнаружили селяне братья Гусевы. Они дали ему одежду, накормили и указали направление. Далее он пишет, что на следующий день пошёл по направлению к дер. Соломенки.²⁶ И тут его захватил на дороге караул - несколько вотяков²⁷ с дубинами.²⁸ Некоторые из них имели и винтовки со штыками, но ...без затворов!²⁹ Они привели задержанного в деревню. Видимо он показался им не опасен, и после некоторого совещания они отрядили одного щедедушного вотяка с такой «винтовкой»³⁰ конвоировать Турецкого в Воткинск. На некотором удалении от деревни Турецкий «оружие» у конвоира вырвал, ударил его по голове прикладом, а после заколол штыком, бесполезную «винтовку» бросил, и упорно направился к Воткинску. На окраине города он узнаёт от местных жителей, что тут ищут каких-то беглецов; он прячется по кустам и видит, как по улицам проходят молчаливые колонны вооружённых рабочих в промасленных телогрейках «идут тихо, в ногу, не играют в заслонку марш в ногу»³¹. Тут его опять случайно ловят повстанцы, сажают в подвал контрразведки, который размещался в доме Коткова, держат вместе с неизвестными ему людьми, допрашивают «не видел ли он бежавших из баржи красных бандитов», но, видимо, убедившись, что он не имеет к баржам отношения, и не идентифицировав его как беглеца с «ижевского» этапа, теряют к нему интерес, и он убегает с тюремного двора во время прогулки. (!?)³²

²⁵ Село в 15 км. к юго-востоку от Воткинска, вблизи современного Воткинского тракта, либо расположенная в паре километров от села одноименная станция железной дороги Ижевск-Воткинск. Понятно, что повстанцы пытаются эвакуировать политзаключённых из Ижевска, к которому подступает Красная армия.

²⁶ Если это ст. Соломенка той же железной дороги, расположенная примерно в 10 км. на северо-запад от Болгур по направлению к Воткинску на р. Сиве, то непонятно, зачем автор туда направился; ведь он мог обоснованно полагать, что Ижевск уже занят Красными, а Воткинск - ещё нет. Следовательно, по логике он должен был бы стремиться в Ижевск, на соединение со своими?

²⁷ Историческое название удмуртов, ныне считается устаревшим.

²⁸ Видимо, это оказался один из пикетов, которые были разосланы Воткинцами для поимки беглецов с барж 10 ноября, о которых шла речь выше.

²⁹ Понятно, что стрелять такая винтовка не может и в бою не опаснее дубины. Не с этими ли винтовками повстанцы держали оборону по реке Сиве и ходили в штыковые атаки после отхода основных сил за Каму?

³⁰ О качестве «винтовок», которые были розданы крестьянам, см. в главе «Социология Народной армии».

³¹ Не имея барабанов, войска отбивали ритм шагов на марше ударом штыка плашмя в жестяную печную заслонку.

³² Скорее всего, его просто отпускают, как и всех других арестованных Народной армии 12 ноября? Вообще, плотность событий в жизни одного человека в период с 12 по 14 ноября просто поразительна и, на наш взгляд, рассказ этот во многом малодостоверен.

Итак, повстанцы из города ушли, но было ещё не ясно, далеко ли и насовсем ли ушли? А Красных в городе ещё нет. Как говорил бессмертный Шариков: «Должен я где-то харчеваться?». И чекист Турецкий находит блестящий выход. Он видит домик попрличнее, стучится в него и говорит хозяйке, что ему надо спрятаться. Добрая женщина относится к просьбе с пониманием, кормит Турецкого и, видимо, приняв за бойца Народной армии, не успевшего отступить, прячет в подпол, где у неё, оказывается, уже спрятан родной сын! Подвального сидельца именуют Иннокентием (Кешкой), и он оказывается...бывшим офицером контрразведки повстанцев, который дезертировал от них накануне отступления (!). Кешка проникается таким доверием к новому знакомому, что за пару дней подвального сидения, видимо от скуки, выбалтывает ему данные о многих законспирированных Воткинцах, которые остались в городе для ведения подрывной работы. Когда в Воткинске прочно установилась новая власть, Турецкий вылез из подполья, объявился в ЧК, предъявил там Кешку, доложил полученные от него сведения и лично участвовал в арестовании «раскрытых» им заговорщиков. За это он не только был принят на службу «по профилю», но сразу получил командную должность. Впрочем, всё это, как говорится, беллетристика, т.е. изящная литература, которая, вследствие лихо закрученного маловероятного сюжета, не теряет своей занимательности даже в столь кратком пересказе. Вернёмся к цитированию мемуаров Турецкого после того, как он снова получил должность:

«Мне пришлось поехать в командировку на Ижевский завод в конце декабря 1918 г.,³³ и я был в Ижевской Чека, где случайно увидел штабс-капитана Иванова, которого допрашивал тов. (неразб.) как следователь чека. Здесь сразу меня потрясло и я вспомнил пролетарскую клятву, которую давал в то время, когда меня избивали до полусмерти эти руки господина Иванова. То я так сильно был разволнован³⁴, что даже и забыл тот наш пролетарский приказ, который я только что вчера сам себе подписал по отряду чтобы не было самосудов.³⁵ Я быстро взяв в руки бандита Иванова вывел его в коридор Чека и приказал раздеться Иванову и насмерть застегал его нагайкой, и после смерти бандита я опомнился³⁶

³³ См. выше газетную публикацию от 25 декабря о стегании плетью крестьян.

³⁴ Конечно, если Турецкий читал Советские газеты того времени со статьями типа тех, что была подписана цитированным выше «красноармейцем Богатырёвым», или со слов «Семёна Ларинцева», то ничего удивительного в том, что у него явно «поехала крыша». А тут, как водится, зашёл к ижевским коллегам, выпили, кровь заиграла...

³⁵ С 11 декабря до конца месяца в расстрельном списке нет ни одной казни, и число ожидающих казни в заключении возрастает лишь с 35 до 43 чел. Можно полагать, что инцидент с Турецким произошёл именно в середине декабря; началось следствие над ним, и вакханалия арестов и убийств на время прекратилась.

³⁶ Т.е. по окончании состояния опьянения?

и зашёл к председателю Чека.³⁷ И просидел я (неразб.) суток в Ижевске. ...в Сарапуле судился в середине января 1919 г. военно-полевым судом. И как за-служенный и истеричный³⁸ командир судом я был оправдан. Присутствовали в суде Гурьев, Столяров³⁹, Пылаев⁴⁰, Азин⁴¹ и др. товарищи. Снова возвратился я к своему отряду. В то время мой отряд назывался **Карательным отрядом** (А.К.)

³⁷ Немаловажная деталь: Турецкий забирает задержанного у следователя прямо с допроса, и тот безропотно отдаёт, видимо, будучи уверенным, что человека уведут лишь на время. Турецкий хлещет Иванова плёткой в коридоре служебного помещения, тот, наверняка кричит при этом, но никто: ни следователь, ни другие сотрудники, ни руководство ЧК не обращают на это внимания. Иными словами, такое возможно лишь в случае, если практика истязаний заключённых является для них рутиной. Возможно, Турецкий и не планировал убивать Иванова заранее, а хотел лишь «отвести душу», но вошёл в раж и допустил «эксцесс исполнителя». Волей-неволей он был вынужден явиться к начальству с повинной и придумать версию с «пролетарской клятвой». А на эту версию его, наверняка, навела газетная статья, прочитанная им в этот день.

³⁸ Истерия – от гр. *Hysteria* – матка. Нервно-психическое заболевание, проявляющееся демонстративными эмоциональными реакциями. Как говорится, суд установил невменяемость обвиняемого, оправдал его и вернул патологического психопата к исполнению «правоохранительной» деятельности.

³⁹ Столяров - до 26 ноября 1918 г – Председатель ЧК Второй армии, впоследствии Председатель Ревтрибунала Армии.

⁴⁰ Пылаев - с 8 декабря 1918 г.- политический комиссар 2-й пехотной бригады 28-й Стрелковой дивизии.

⁴¹ Под именем Владимира Михайловича Азина, героя Гражданской войны в литературе Советского периода описан некто Вольдемар Мартинович Азиньш, персонаж латышских кровей. Ранние страницы его биографии туманны и в различных публикациях противоречивы. Достоверно известно лишь то, что весной-летом 1918 г. он объявляется в Вятской губернии, называет себя бывшим офицером царской армии и поступает на службу во Вторую армию красных, которая в то время трещит по всем швам, разбегаясь под натиском противника, и испытывает страшную нужду в командных кадрах. С азартом расстреливая пленных Белых офицеров и собственных солдат, заподозренных в дезертирстве, Азин стремительно взлетает по лестнице командных должностей, становится Начальником 2-й Сводной дивизии, а с 8 декабря - 28-й Стрелковой дивизии. В своих приказах он именует подчинённых «красными орлами» и «боевиками». Несколько раз в боях появляется в передовой цепи с красным шарфом через плечо и поддерживает свой легендарный имидж иными малообъяснимыми с точки зрения простой логики поступками: выступает на митингах, стоя в чёрной кавалерийской бурке, несмотря на летнюю жару, возит за собой всюду играющий для него духовой оркестр или патефон. Можно даже сказать, что главный герой Советского фильма «Чапаев» во многом списан с него. Истоки отчаянной храбрости Азина просты: его бывший боевик В.Баташов оставил мемуар «Зарождение 28 дивизии». Этот текст до сих пор не опубликован в полном виде, ибо его автор простодушно утверждает: «Факт неотрицаемый, что товарищ Азин работал посредством употребления какаина» [9, л. 8]. Да и сам Василий Иванович Чапаев (по установочным документам Чепаяев), несмотря на сильно приглаженный образ, выступает в фильме как явный психопат: крушит мебель, угрожает сослуживцам потрясаемым оружием и пр. Писатель-эмигрант Смоленцев-Соболь в сетевых публикациях прямо утверждает, что повальная наркомания была обычным делом среди командного состава Красной армии того периода. Впрочем, морфин и кокаин тогда продавали в аптеках по рецептам как лекарственные средства и, соответственно, они поступали на снабжение военных госпиталей.

при Воткинском отделении штаба 2-й армии Восточного фронта» [7, л. 80-83].

Что можно сказать на всё это? Мемуар был написан и подан в партийные инстанции в феврале 1933 г. Изученные нами архивные дела тех лет сохранили несколько столь же «героических» повествований будто бы незаслуженно забытых и обойдённых наградами бойцов с низким интеллектом и отсутствием моральных качеств. Стиль тех писаний на удивление сходен: «Один в семи комнатах живёт, а пролетарию чистых кровей и похмелиться не на что...»

Слава Богу, архив донёс до нас и списки личного состава контрразведки Ижевской Народной армии за несколько периодов. Здесь есть полные установочные данные с указанием места проживания не только на тех, кого сегодня принято называть оперативным составом, но перечислены и многочисленные технические работники и служащие обеспечения: писаря, уборщики, конюхи, курьеры, конвоиры, охранники и пр. Так вот: ни капитана Иванова при всей распространённости данной фамилии в России, ни поручика Сорочинского⁴² мы в тех списках не нашли. И лишь один Иванов (но тот ли?) обнаружен нами в рассмотренном выше расстрельном списке Воткинцев: «Иванов Аркадий, арестован 6 декабря. Белогвардеец, предавал большевиков. Допрошен и расстрелян по приговору 8 декабря [1, с.196]. Зато никто с именем Иннокентий там не упомянут.

Забытые жертвы восстания

А когда закончилось восстание в Ижевско-Воткинской районе? Казалось бы, ответ на этот вопрос затруднений ни у кого не вызовет: общеизвестно, что уже 13 ноября 1918 г. Командарм-2 В.И.Шорин направил В.И.Ленину и Главкому Восточного фронта И.И.Вацетису телеграмму следующего содержания:

«В ночь на 13 ноября Воткинск занят нами **без боя**. Остатки противника рассыпались, а часть ночью 12 ноября переправилась на левый берег Камы, преследование продолжается» [10, с. 109].

Современного читателя тут может насторожить лишь указание на то, что Шорин преследует противника, отошедшего без боя за Каму. Как он его преследует? По разрушенным мостам? По воздуху? Если он преследует не отошедшие за Каму части, то какие это части? Между Воткинском и Камским берегом всего 20 км., а город Красным блокирован с начала ноября, и Ижевск взят 8 ноября. Воткинцам просто некуда податься, как за Каму, и Шорину известно о наличии переправ, но он не пытается ни захватить их, ни разрушить.

⁴² Известно, что в Ижевской Народной армии служил по интендантству подполковник П.Н.Сорочинский, бывший начальник Оружейной школы.

На следующий день, 14 ноября Штаб Второй армии подал оперативную сводку о трофеях: «при овладении Воткинском мы захватили 20 исправных паровозов, 200 вагонов, **завод находится в исправном виде** [8, с. 160].

Однако, известен и Приказ Начальника 2-й Сводной дивизии Азина датированный 13 ноября, когда, если верить вышеприведённой реляции его непосредственного начальника В.И.Шорина, Воткинск уже занят им без боя! Азин пишет: «Товарищи красноармейцы,...Перед нами ещё одна твердыня белогвардейцев - это Воткинский завод. Мы должны сокрушить и здесь всю белогвардейскую банду, и мы её разобьём. Вперёд, товарищи, к окончательной победе над белогвардейским войском! Будет с ним няньчиться, пора **прогнать** их в Сибирь!...» [8, с. 156].

Следовательно, говоря об окончании Восстания, надо различать 2 понятия: оставление Восставшими городов и прекращение ими борьбы на Правобережье Камы. Датировки каждого из этих событий нуждаются в уточнениях, и об этом можно судить хотя бы на основании разночтений в датах из приведённых источников.

И вообще, можно обоснованно полагать, что обстановка второй половины ноября в штабах частей и Красной и Белой армии, оперирующих в Прикамье, была объективно нервной, вследствие необходимости решения задач со многими неизвестными. Она могла хоть кого располагать к истерикам. Ведь когда мы говорим и пишем вслед за Белыми мемуаристами про временный тактический отход Народной армии на левобережье Камы в середине ноября 1918 г. , то слова эти - неизбежная условность, так сказать фигура речи. Отход этот, конечно же, с одной стороны, явился как бы свершившимся фактом, но при этом... его не было. То есть, война в зоне Восстания тогда вовсе не кончилась. Возможно, годы спустя Белым командирам просто неловко было вспоминать про тех, кого они оставили на правобережье на произвол судьбы...

Воткинский краевед Э.И. Гаевский, видимо, по воспоминаниям очевидцев указывает: «...значительная часть Ижевской народной армии не успела переправиться, осталась на правом берегу Камы, обороняясь по реке Сиве. Эта группировка Ижевцев не могла переправиться через Каму, так как ледостав запаздывал,⁴³ а образование льда не давало возможности переправиться на лодках. Две Воткинские переправы были сожжены 15 ноября, чтобы избежать их захвата Красными. Ижевцы держали фронт по р. Сива ещё 2 недели, поднимаясь в штыковые контратаки. Без патронов, продовольствия и медицинской помощи **тысячи людей** (А.К.) дрались из последних сил, 15 дней обороняя остатки

⁴³ Вспомним панические реляции Красных флотоводцев о необходимости увода флотилий на зимовку в связи с якобы ранним ледоставом.

территории Ижевско-Воткинского восстания. Только после этого оставшимся в живых удалось уйти по молодому льду в самом конце ноября. Восстание продолжалось не 100 дней, как приятно считать, а 115 дней» [11, с. 71]. Досадно лишь то, что цитированный автор не приводит ссылки на источник опубликованной им интереснейшей информации, которая совершенно в новом свете рисует историю исхода Восстания.

Иными словами, о свершившемся полном или почти полном отходе вооружённых сил повстанцев мы можем судить лишь сейчас, так сказать, с высоты прошедших лет. А для Красных командиров, которые анализировали оперативную обстановку по разведанным и вырабатывали на её основе директивы своим войскам, вопрос и с этим отходом, и с ближайшей перспективой военных действий стоял, ох, как сложно...

№ 449

ДИРЕКТИВА КОМАНДОВАНИЮ 2 АРМИИ О ПЕРЕГРУППИРОВКЕ И ДАЛЬНЕЙШИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ АРМИИ

№ 02413

15 ноября 1918 г.

Ввиду окончания выполнения ижевско-воткинской операции приказываем:

1. Окончить очищение от противника правого берега Камы.

2. Дивизию Медведева направить, согласно телеграмме № 02407, в Брянск, Карельский полк вернуть возможно скорее в 5 армию, бригаду 4 Петроградской дивизии сосредоточить в Казани, 7 Латышский полк направить в Серпухов, согласно телеграмме № 02388.

3. Отряд Аплока и 3 Пензенский полк оставить в составе 2 армии.

4. Произвести перегруппировку армии, сосредоточив ее в районе Сарапул—Агрыз, **обеспечив себе переправы и свободу действия на левом берегу Камы.**

5. При сосредоточении армии иметь в виду, что Ижевск и Воткинск должны иметь достаточные гарнизоны.

Реввоенсовост: С. Каменев, Смилга

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 17, л. 82. Подлинник.

[12, с. 461]

Из приведённого приказа следует, что даже к 15 ноября, когда Ижевск и в Воткинск пали, и там начались массовые аресты и расстрелы повстанцев, даже

тогда отход основных сил Народной армии на левобережье Камы для Верховного командования Красных был ещё вовсе не очевиден! Упомянутый в документа экспедиционный отряд латыша Ю.Аплока, представляет собой остатки интернациональных частей Третьей армии, которые были привезены на кораблях и действовали с севера, с Пермского направления при поддержке Пермской бронифлотили ВЧК (которая впоследствии стала называться просто Пермской или Камской). С августа они пытались деблокировать Каму, но несли от повстанцев тяжёлые потери, как об этом уже упоминалось выше. Подразделение было передано в состав Второй армии, осаждавшей Воткинск. И этот отряд, бойцы которого имеют к Ижевцам и Воткинцам свой особый счёт, наверняка не случайно оставляют в районе действия повстанцев.

№ 671

ДИРЕКТИВА КОМАНДОВАНИЮ 2 АРМИИ

№ 02552, г. Арзамас

21 ноября 1918 г.
22 час. 50 мин.

Обстановка на фронте 3 армии у Осы, сообщенная вами, настоятельно требует помощи с вашей стороны отрядом Аплока. Аплоку дайте задачу по соглашению с командармом 3. **Одновременно с сим исполнение директивы по очищению левого берега р. Камы временно отпадает. Оставшимися у вас частями вы обязаны не допустить противника на правый берег Камы на участке от Осы до устья р. Белой.** Направление частей Аплока к Осе Реввоенсовет считает правильным, быть может является возможной переправа где-либо южнее Осы для удара во фланг наступающему противнику. Такое направление обещает более быструю ликвидацию успеха противника у Осы. Относительно Петроградской бригады, полка Чрезвычайкома и 3 Пензенского полка—приказано их привести в боевую готовность, распоряжения об отправке их еще не последовало, таким образом, они еще в вашем распоряжении. Относительно дивизии Медведева вопрос считаем законченным, и дивизия подлежит отправке в Брянск..

Об отдаваемых вами распоряжениях донесите.

Реввоенсовет фронта: *С. Каменев, Смилга, В. Соловьев*¹⁶⁹

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 17, лл. 122—123. Подлинник.
[12, с. 712]

Вышеприведённый документ предписывает командарму-2 через две недели после падения Ижевска не обращать внимания на Ижевцев-Воткинцев, переправившихся на левобережье, и при том «не допустить противника на правый

берег Камы на участке от Осы до устья р. Белой». А что это за участок берега? Дорогой читатель, посмотрите на карту и убедитесь, что это как раз район Ижевско-Воткинского восстания! Без всякого сомнения, Красное командование реально опасалось в те дни, что Народная армия, получив подкрепления в живой силе и снабжении боеприпасами от Белой армии, туда по «молодому» Камскому льду вернётся! Возможно, и у повстанцев тоже был расчёт на это, и оставленные на правобережье Ижевцы две недели поддерживали свой дух именно этой надеждой?

А вот ещё документ из той же подборки:

№ 674

ДИРЕКТИВА КОМАНДОВАНИЮ 2 И 3 АРМИЙ О ПРОВЕДЕНИИ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ НА
САРАПУЛЬСКО-КРАСНОУФИМСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

№ 02658

27 ноября 1918 г.

21 час. 30 мин.

2 армия остается в составе Восточного фронта *. Приказываем теперь же начать операцию по направлению Сарапул—Красноуфимск и одновременно оказать помощь правому флангу 3 армии ударом во фланг, переправив часть сил на участок Еловая — Бабки. Разграничительная линия между 2 и 3 армиями: Еловая—Большой и Малый Чалпаныш—для 3 армии включительно. **Обеспечение ижевско-воткинского района от возможных там восстаний остается на 2 армии.** 3 армии одновременно с началом операции 2 армии на Красноуфимск восстановить фронт 5 дивизии по линии Большой и Малый Чалпаныш— Аклуша.

Реввоенсоввост: *С. Каменев, В. Соловьев*

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 17, л. 175. Подлинник.

[13, с. 714]

Обратим внимание на фразу: «Обеспечение ижевско-воткинского района от возможных там восстаний остается на 2 армии». Но в этом же Приказе сказано, что Вторая армия должна наступать в южном направлении. Нет ли здесь противоречия? Нет: вспомним, что названная Армия оставила в Ижевске и Воткинске лишь свои тыловые подразделения, с достаточными воинскими контингентами для несения патрульной службы и, естественно, Особые отделы ВЧК и

Карательный отряд. Соответственно, в наступление были направлены именно боевые подразделения. А «команда Турецкого» немедленно реагирует в Воткинске на цитированный выше Приказ, и начинает «обеспечивать», работая по социальной категории: 29 ноября ими было «взято» одновременно некоторое количество граждан, 14 из которых отмечены в расстрельном списке. Если датировки Э.И. Гаевского о последних повстанцах на правобережье, что продолжали бороться ещё 2 недели после 15 ноября, имеют под собой достаточные основания, то среди схваченных Карательным отрядом в последних числах ноября, скорее всего, есть последние Ижевцы и Воткинцы, оборонявшиеся на р. Сиве: Вдовин Пётр (45), Вдовин Фёдор (48), Кочнев Николай (47), Баженов Николай (49), Тем более, что и формулировка у всех расстрелянных единая: «Белогвардеец, бывший в боях против Красной армии». Таким образом, рассмотренный нами расстрельный список может поставить точку в вопросе о крайней дате Восстания.

Источники и библиография

1. Балмасов С.С. Красный террор на востоке России в 1918-1922 гг. – М: Посев, 2006. – 384 с. Режим доступа:
<http://elbooka.com/raznaja-literatura/kniga-drugaja/16672-balmasov-ss-krasnyy-terror-na-vostoke-rossii-v-1918-1922-gg.html>
2. ЦГА УР. Ф. Р–785.Оп. 2 Д. 1
3. ЦГА УР. Ф. Р–1061.Оп. 1 Д. 33 Мемуар П.Н.Луппова
4. Воткинский. Документы и материалы. 1758-1998 –. Ижевск: Удмуртия, 1999. – 354 с.
- 5.Добровольский И.А. Воткинский завод на рубеже эпох (Заметки конструктора) –Воткинский, 2009.– 400 с.
6. ЦГА УР. Ф.Р-1061. Оп. 1. Д. 37. Воспоминания Елены Ивановны Юрасовой
7. ЦГА УР. Ф. Р–1061, Оп.1. Д.21 Воспоминания участников Гражданской войны в Удмуртии. (А.И.Турецкий)
8. Удмуртия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Сборник документов. Часть 1. Ижевск: Удмуртское книжное издательство. – 1960г. – 322 с.
9. ЦГА УР. Ф. Р–1061, Оп.1. Д.20 Воспоминания участников Гражданской войны в Удмуртии. (В.Баташов)
10. 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья 1918-1919. Документы. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 316 с.
- 11.Гаевский Э.И. Медико-санитарная организация Воткинской Народной ар-

мии.// Ижевско-Воткинское восстание: история, проблемы изучения и восприятия: мат Всеросс. Науч.-практ. Конференци, 19 дек. 2006 г. – Ижевск: Книгоград, 2008 –С. 70-71

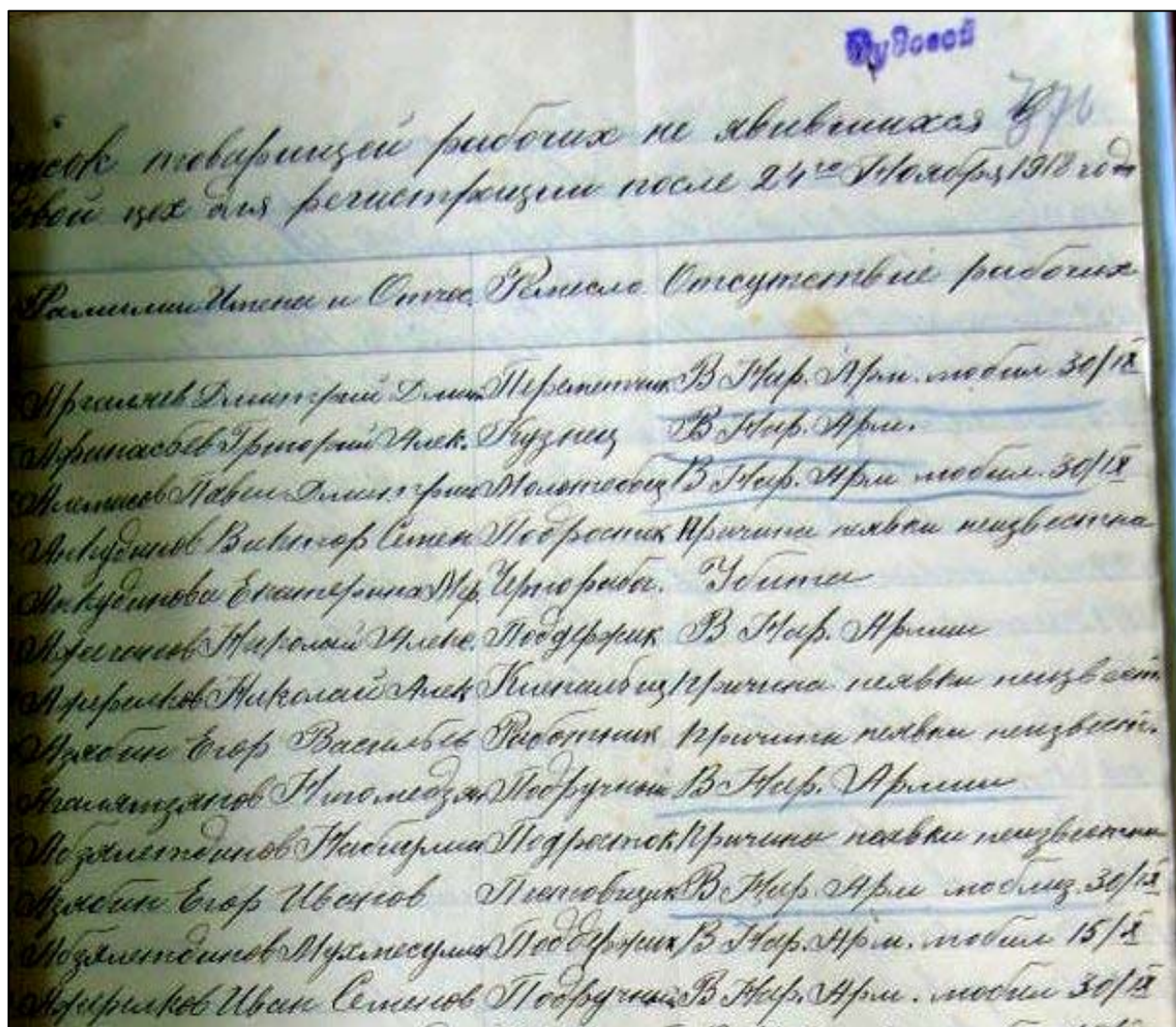
12. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., Воениздат, 1969. –884 с.

13. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т.I М., Воениздат, 1971. –790 с.

Ты виноват уж тем,
Что хочется мне кушать...
[И.А Крылов]

ЧЕКИСТЫ-АРХИВИСТЫ

Мы видели, откуда чекистам становится известен личный состав Народной армии для ареста её бывших бойцов и пособников: карательный орган, как можно было понять из вышецитированных документов, просто-напросто запрашивает у руководства Воткинского завода официальные списки, получает, так сказать, официальное донесение. А от бывших товарищей по цеху не скроешься: они выдают всех участников Народной армии с подразделением на мобилизованных и добровольцев, с указанием их командных должностей в войске повстанцев. В списки включают и тех невышедших на работу, о ком ничего достоверно не известно.

Архив сохранил карандашные наброски документов следующего содержания:

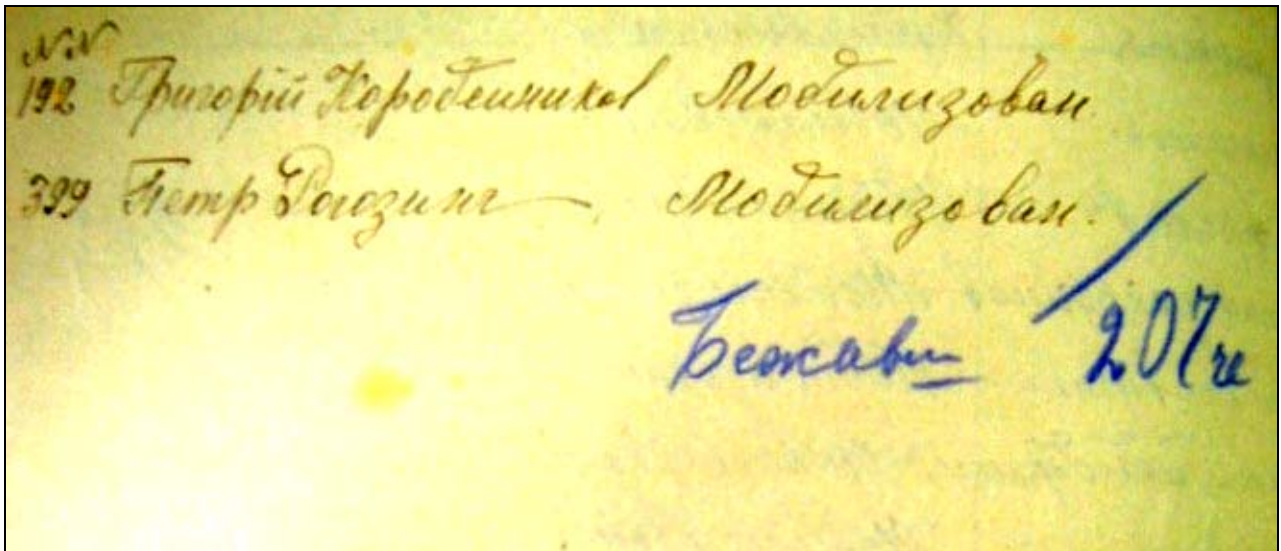
«В чрезвычайную комиссию по борьбе с контр-революцией в г. Воткинске.

При сём представляются списки рабочих завода явившихся и не явившихся в завод для регистрации после бегства белогвардейцев. В списках неявившихся причина неявки многих рабочих цеховой администрации в точности не известна и отметки поэтому у них никакой не сделано. Список на оставшихся и отсутствующих служащих не предоставляются в виду отсутствия упоминания об этом в отношении комиссии. В случае надобности при извещении они могут быть представлены дополнительно.

Член Делового Совета-подпись Корреспондент-подпись

Также предоставлены списки на оставшихся и сбежавших служащих Округа¹»
[1, л. 7-7 об.]

Со списками работают: синий карандаш подчёркивает всех, причастных к Народной армии (См. иллюстрации).

Фрагменты списков с карандашными пометками

[1, Л. 375-375 об.]

В Дело поступает «Список лиц, оставшихся на своих местах после переворота 12 ноября² 1918г. по цеху сторожей» [1, Л.208]

В списках по сортопрокатному и токарному цехам в качестве причины выбытия указано: «Ушёл добровольцем», «Мобилизован», [1, Л.252-260]

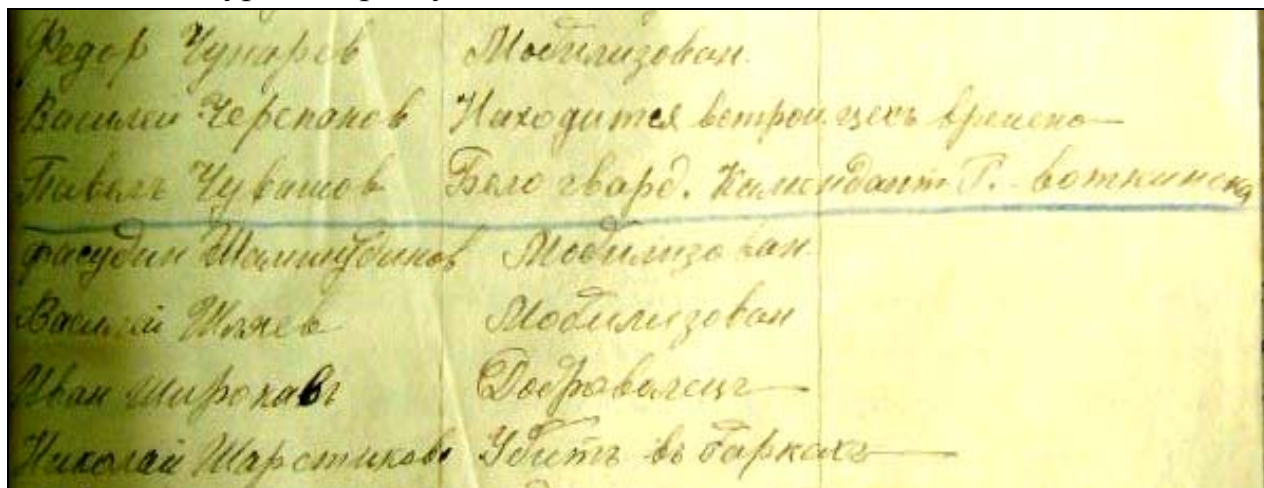
В списке Мостового цеха встречаем записи: «Убежал с белыми», «Убежал

¹ Т.е. Камско-Воткинского горного округа.

² Именно так: вступление в город Красной армии автор документа, подаваемого в Чрезвычайную комиссию называет переворотом (?!).

добровольно», «Мобилизован». «Убит в баржах», «Ушёл за Каму за хлебом» Особо указано, что всего «бежавших» по цеху 207 человек и выделен Павел Чувашов- «белогвардейский комендант города Воткинска». [1, Л.372-375]

Но тщетно искать описания судеб повстанцев- Воткинцев в литературе, изданной на территории Удмуртии: до 1923 г. Воткинск входил в состав Сарапульского уезда Пермского края, до 1934 г. состоял в Уральской и Свердловской области, затем в Кировской области, и лишь 22 октября 1937 г. был причислен к Удмуртской республике.

В 1994 г. увидела свет объёмная книга полковника Н.С. Кузнецова «Из мрака», позиционированная как «книга памяти о невинно убиенных и пострадавших». Автор её к тому моменту много лет прослужил в 5 отделе КГБ Удмуртии, который занимался противодействием «идеологическим диверсиям». Поэтому он с полным знанием вопроса и на основе ведомственного архива, к которому имел допуск, даёт конспект нескольких десятков дел, в результате которых были осуждены деятели культуры и интеллигенты, работавшие на территории Удмуртии в 1930-50-х годах. Есть в книге и упоминания о простых людях, в том числе и в связи с Ижевско-Воткинским восстанием, но они единичны: так указано, что в 1918 г. в газете, «Кам тулкым» («Камская волна»), издаваемой эсерами в Елабуге на удмуртском языке по инициативе секретаря редакции Корнилова было опубликовано «погромное (?-А.К.) воззвание Народной армии в отношении большевиков». Но эсер Константин Яковлев (сотрудник редакции ?) предотвратил распространение номера газеты. [4, с. 73]

Кроме того имеется краткий очерк о Шадрине Вячеславе Дмитриевиче, 1883 г.р., который «... в 1918 г. служил заведующим канцелярией штаба Народной армии Федичкина, в которой работал 2 месяца, отступил до Уфы, откуда в Ижевск вернулся вместе с Колчаком в 1919 г., и был назначен начальником Белой милиции г. Ижевска, где выполнял карательные функции к населению, в

этой должности работал 2 месяца. Перед отступлением Белых Шадрин, как непримиримый враг Советской власти и преданный Белым, был назначен начальником материального магазина оборонного завода, где получил задание от полковника Сорочинского подготовить к эвакуации ценности. При эвакуации им была организована отгрузка одного вагона никелевых анодов, но вывезти ему их не удалось. При эвакуации Шадрин похитил из магазина (т.е. склада- А.К.) катушку серебряной проволоки и 11 алмазов и ½ метра платиновой проволоки, которые реализовал через чиновника Шемякина.

Находясь в эвакуации в Тюмени Шадрин при выдаче расчётов притеснял рабочих, говоря «Вы с нами не отступаете и вам деньги не полагаются...Проживая в Ижевске на вечеринках распространял анекдоты: «Телега и Советская власть- одно и то же: телега держится чекой и Советская власть Чекой». Расстрелян 28 октября 1937 г.» [4, с. 334-335]

Здесь же читаем: «29 сентября 1949 г. Министерством Госбезопасности Удм. АССР был арестован Трухин Николай Афанасьевич, прибывший в 1947 г. в г. Можгу из мест заключения, где он отбывал меру наказания за антисоветскую деятельность. Расследованием установлено: Трухин Николай Афанасьевич, в 1918 г. добровольно участвовал в Ижевско-Воткинском контрреволюционном восстании и в составе подразделений повстанцев участвовал в боях против Красной армии. В этом же году добровольно вступил в контрразведку повстанческой армии в г. Сарапуле, где принимал участие в арестах и обысках коммунистов и лиц, сочувствующих Советской власти.

После разгрома повстанческой армии отступил из города Сарапула и вступил в прожекторный батальон Белой армии. В 1919 г. в Иркутске вступил в Белую армию Колчака, но вскоре заболел тифом, а поэтому участия в боях <против> Красной армии не принимал... За указанное преступление Трухин Н.А. 22 февраля 1938 г. был осуждён Особым совещанием НКВД СССР к 10 годам ИТЛ, муру наказания отбыл полностью...» В качестве повторного наказания Н.А. Трухин был приговорён к высылке в Красноярский край. [4, с. 345-346]

Наконец, имеются в опубликованных Н.С.Кузнецовым материалах и выдержки из дела «Грехнева Григория Алексеевича, 1873 г.р., который в мае 1919 г. выехал с Белыми частями из Ижевска в Пермь, в июле прибыл в Харбин (Китай), а в октябре вернулся в СССР. Был арестован 2 октября 1937 . в Обвинительном заключении сказано, что Грехнев имеет родственника, проживающего в Харбине: Агафонова Бориса Максимовича, который в период Ижевского восстания был начальником контрразведки, а также Тихонова- офицера Колчаковской армии, но связь с последними отрицает». [4, с. 346]

Видимо, документы по Воткинцам отложились не в местных документохранилищах, а в архивах (как общих, так и в архивах карательных органов) соседних областей, и местные историки их не изучают и не публикуют. Но и в соседних областях эти данные интереса, видимо, не вызывают: областные исследователи считают Воткинцев «чужими». По крайней мере, по иным, отличным от Восстания темам мы такое отношение наших коллег-соседей чувствуем вполне определённо.

«Отступленцы» и «возвращенцы»

Администрацией судового цеха было подано в ЧК два списка: тех кто остался, и тех, кто ушёл. В перечне тех, кто имеется в наличии поименовано 329 человек. В том числе 32 чернорабочих –китайца и их переводчик Хао Цзы Эй. Все они прибыли в завод на регистрацию скопом 19 ноября 1918г. , т.е. примерно через неделю после эвакуации Народной армии.

Особо отмечено, что в цех явились из под ареста рабочие Сазонов Василий Александрович, Гилёв Иван Сергеевич, Гришин Григорий Семёнович.

Профессиональный состав оставшихся наличных судостроителей выглядел так:

Сборщиков-30

Работников-30

Клепальщиков -28

Чеканщиков-14

Слесарей-14

Сверлильщиков-14

Кузнецов- 5

Молотобойцев-8

Подручных и поддержек-30

Наметчиков 6

Колольщиков -7

Правильщиков- 3

Машинист-монтёр-1

Каменщик -1

Кочегар-1

Плотников-10

Чернорабочих мужчин-43

Чернорабочих женщин-25

Десятников чернорабочих-2

Конновозчиков-3

Подростков- 53 [1, Л. 134-146]

Тогда же появился и «Список товарищей рабочих, не явившихся в судовой цех на регистрацию после 24 ноября 1918г.». Здесь указаны ФИО, ремесло и причина отсутствия. Подавляющее большинство записей в качестве причины отсутствия указывают: «Мобилизован 30 сентября 1918г», «Мобилизован 15 октября 1918г.» т.е. в Народную армию. Даже у четырёх отсутствующих цеховых подростков имеется запись: «В Народной армии».

Всего в этом списке неявившихся тоже 329 человек, т.е. судостроительное производство за период Восстания лишилось ровно половины списочного состава рабочих. Китайцев среди неявившихся, и следовательно, среди отступивших с Народной армией в списке нет. Таким образом, к началу исхода из Воткинска судостроителей здесь было всего 658 чел. Профессиональный состав судостроителей, ушедших с Народной армией был в целом тот же, что и у оставшихся, но для сравнения выделим число ушедших через черту жирным шрифтом по предыдущему списку по принципу осталось/**ушло**:

Сборщиков-30/**30**

Работников-30/**34**

Клепальщиков -28/**31**

Чеканщиков-14/**11**

Слесарей-14/**20**

Сверлильщиков-14/**15**

Кузнецов- 5/**8**

Молотобойцев-8/**20**

Подручных и поддержек-30/**82**

Наметчиков 6/**13**

Правильщиков- 3/?

Машинист-монтёр-1/?

Каменщик -1/?

Плотников-10/**9**

Колольщиков -7/**1**

Кочегар-1/**2**

Чернорабочих мужчин-43/**33**

Чернорабочих женщин-25/**7**

Десятников чернорабочих-2/**1**

Конновозчиков-3/?

Подростков- 53/**18** [1, Л. 376]

Видно, что цех не просто лишился половины своей рабочей силы: утрата была качественной. Сравнение судостроителей по профессиональному показателю позволяет сделать вывод, о том, что **чем выше была квалификация работников (а слесарь и даже молотобоец во много раз квалифицированнее чернорабочего), тем больше их ушло в Народную армию.**

Данные о корабельном и личном составе Воткинского речного флота на 20 ноября 1918 г. можно получить из «Списка рабочих Камского каравана», который подписал «Уполномоченный по Галёвскому району Н.Загуляев (?)». Здесь перечислены матросы и водоливы, всего 21 человек и имевшиеся на тот момент суда, зазимовавшие в районе заводской пристани:

- 1.Пароход «Товарищ»
 - 2.Плашкоут «Юг»
 - 3.Плашкоут «Запад»
 - 4.Баржа № 10
 - 5.Баржа № 6
 - 6.Баржа «Кама»
 - 7.Плашкоут «Вотка»
 - 8.Баржа Просвирнина
 9. Баржа Хохлова
- [1, Л. 238-239]

Иными словами, через неделю после того, как повстанцы ушли за Каму в затоне у заводской пристани Галёво благополучно зазимовало по крайней мере 9 частновладельческих и заводских судов! Отмеченное обстоятельство не стыкуется с утверждениями мемуаристов о том, что будто бы все суда в округе были подчистую собраны повстанцами для устройства наплавных мостов (впоследствии сожжённых?) и заграждений на реке, или были уведены ими к Белым.

*

Работники Воткинского завода отступившие с Народной и Белой армиями возвращались на завод в разное время. Кто-то остался, а кто-то опять ушёл. Архивное дело хранит сведения о том, что уже в период с марта 1919г. по ноябрь 1919 к работе на заводе вернулось 77 человек. Только в период с 20 по 28 апреля и только в сталелитейный цех пришло около 30 рабочих [2, Л. 1-3]. Кто эти люди и отчего они вернулись? Это были те, кто отступил с Народной армией за

Каму осенью 1918 г., воевал в составе Белой армии, а после взятия Воткинска амией Колчака в начале апреля 1919 был отпущен домой или дезертировал. Пребывание дома оказалось кратким: уже в июне 1919г. они снова отступают на Восток.

В ЦГА УР имеется Ф.785. Оп. 2. Д. 2 «Списки рабочих Воткинского завода эвакуированных соввластью в апреле 1919 г. и возвратившихся к июню обратно на работу в завод». Видимо, перед советской эвакуацией был составлен список тех, кого предполагалось эвакуировать. Нами обнаружен на Л.21-28 «Список эвакуированных рабочих Воткинского завода по квалификации». Исполнен он на пишущей машинке без помарок красителем синего цвета, на плотной и гладкой бумаге. Имеет графы: Номер по порядку, рабочий (табельный) номер, ФИО, Профессия, Группа, Категория, Цех или учреждение за последнее время. На 8 листах с двух сторон. [3, Л. 21-28]

В списке 512 человек. Номера 418-429- китайские чернорабочие (12 чел). Так как китайцам довелось сыграть заметную роль в событиях гражданской войны в нашем регионе приведём их имена полностью:

418. Чжан До Моо

419. Чан Го Жун

420. Тянь Шу Тай

421. Тянь Чай Куй

422. Ван Юй Шуй

423. Ван Сей Мен

424. Ян За Фа

425. Яуй Сян Чуй

426. Чан До Мин

427. Ли Тен Ту

428. Юан Мо Чен

429. Го Фан Лин . [3, Л.24 об.]

Завершают список два десятка врачей, фельдшеров и медсестёр заводской больницы.

Попадают в списке и немногие рабочие судостроительного цеха. Приведём их имена с указанием порядкового номера по списку и табельного (рабочего) номера:

17/2046 Андрей Васильевич Гилёв-клепальщик

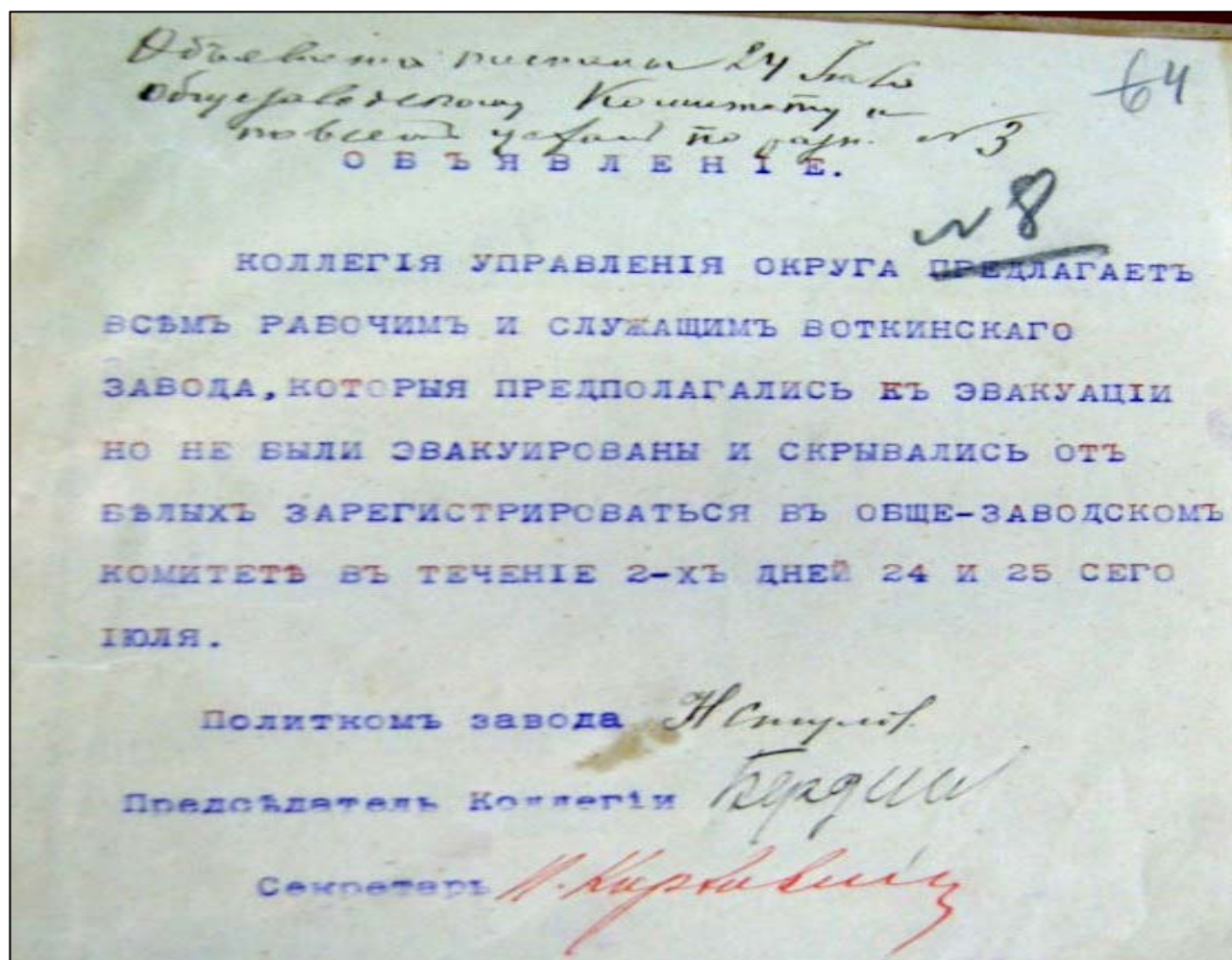
37/2173 Иван Никандрович Куликов-чеканщик

42/2390 Иван Андреевич Обухов-слесарь

60 Фёдор Захарович Петухов-счетовод

71/2489 Никифор Ефимович Санников- чеканщик
 72/2140 Константин Васильевич Илин- слесарь
 145/2558 Александр Петрович Терин- слесарь
 146 Лан Це Ю –чернорабочий
 196/2496 Александр Филиппович Савельев-клепальщик
 197/ 4557 Василий Афанасьевич Соломин- кузнец
 198/2256 Николай Филиппович Лисин- слесарь
 341/1925 Дмитрий Егорович Болонкин-чеканщик
 448 Фёдор Захарович Петухов- помощник надзирателя судового цеха [3, Л. 21-28]

После того, как войска Белой армии оставили Воткинск, 22 июня 1919 г. руководство предприятием издаёт распоряжение о регистрации всех рабочих в течение двух дней[3, Л.3]. Особое обращение было издано к тем, кто предполагался к эвакуации, но не выехал и находился в Воткинске во время оккупации его армией Колчака [3, Л. 4].

Распоряжения были доведены до руководителей всех подразделений; на обороте документа они поставили свои подписи. Против надписи «Судовой <цех>» (13 сверху) подпись Н.К.Чепкасова . [3, Л. 4 об.]

Сведения о рабочих были собраны отдельно по цехам и по ним были составлены сводные «Списки рабочих Воткинского завода эвакуированных соввластью в апреле 1919 г. и возвратившихся к июню обратно на работу в завод». [3, Л. 29-58] Эти рукописные документы весьма разительно отличаются от тех, что были составлены в апреле, перед эвакуацией и которые были упомянуты выше. Во-первых, списков два: тех кто был эвакуирован в Харьков~ 420 чел.³), и тех, кто выезжал в Царицын (~47 человек). Таким образом, в сводных списках вернувшихся из Советской эвакуации лишь около 470 человек. Недостаёт 40 человек. Кто-то уже задавался этим вопросом до нас и отметил в печатном списке лиц, предполагавшихся к эвакуации галочками тех, кто из неё вернулся. При том, что все эвакуированные рабочие в списке вернувшихся «нашлись» и отмечены галочками. Кого же в нём нет? Нет ни одного медика; они или не были эвакуированы, и ушли с Белыми с завода(?), либо были мобилизованы в местах эвакуации и оказались в Красной армии (?). А вот китайцы-чернорабочие галочками отмечены, как вернувшиеся, но в списке работающих на заводе в июне 1919 г. их почему-то уже нет.

А что же судостроители?

О судьбе вышеупомянутых судостроителей в эвакуации и после неё узнаём из Списка эвакуированных и вернувшихся [3, Л. 29-58]. Эта судьба отражает общий упадок судостроения в тот период:

Гилёв А.В., клепальщик, в эвакуации в Харькове не работал, с 24 июня 1919 г. работает на железной дороге. [3, Л. 52]

Куликов И.Н., чеканщик, в эвакуации в Харькове не работал, получил 1300 руб. от ГОМЗЫ⁴, с 31 июля в судостроительном цехе. [3, Л. 46 об.]

Тишин А.П.- в Харькове не работал.

Пьянков П.И. – с 1 июля поступил милиционером.

Непряхин А.П. – с июля в судовом цехе.

Савельев А.Ф., клепальщик, в Харькове не работал, выданы подъёмные 1300 руб, на 21 июня 1919г. не работает, имеет оклад 1260 руб. [3, Л.38 об.]

Лисин Н.Ф., слесарь, в эвакуации в Царицыне не работал, прибыл 2 июля, поступил служить в милицию.

³ Списки имеют неоговоренные исправления, поэтому посчитать рабочих с точностью до человека невозможно.

⁴ ГОМЗ-Государственное объединение машиностроительных заводов.

Болонкин Д.Е. , чеканщик, в эвакуации в Царицыне работал при депо [3, Л. 30 об.]

В сортопрокатный цех с марта по май 1920 г. вернулось 34 чел. [2, Л.10 об]
В мостостроительный цех с 27 апреля по 13 мая 1920 г. вернулось 45 чел. [2, Л. 45]

В котельный цех с 22 апреля по 14 мая 1920 г., как написано в документе, «прибыл из Колчаковского стана» 21 рабочий [2, Л. 46]
16 работников Камско-Воткинской железной дороги вернулись в августе 1920 г. [2, Л. 63, 64]

По кузнечному цеху 6-9 ноября «от Колчака» вернулось сразу 60 человек. [2, Л.17]

А что же Воткинские речники?

Список по Галёвскому району перечисляет тех, кто, вероятно, воевал в составе речных частей Народной и Белой армий и вернулся в Воткинск в начале мая 1920 г:

- 1.Вахрушев Иван Дмитриевич, 1870 г.р., сторож
2. Пухарев Андрей Силантьевич, 1880 г.р., сторож
3. Пьянков Александр Иванович, 1894 г.р., кузнец
4. Поварницын Александр Моисеевич, 1899г.р., кузнец
5. Поварницын Василий Семёнович, 1878 г.р. матрос
6. Поварницын Трофим Ильич, 1873 г.р., матрос [2, Л. 38, 38 об.]

**

Возможно, от периода лета-осени 1920 г. в архивном деле отложился «Список граждан, мобилизованных Сарапульским Уездкомтрудповинности для работ на Воткинском заводе. Принятых на работы в завод.» [2, Л. 82-85] Всего в списке 371 чел. Все мобилизованные 1886-1888 годов рождения, т.е. им по 33-34 года на то время. В Судовой цех направлялось лишь 23 мобилизованных, тогда, как, например, листопрокатный- 38. Квалификация мобилизованных не указана: вероятно, это подсобные рабочие без профессии.

К тому же или более позднему периоду относится сохранённое в деле недатированное «Прощение». Приведём его текст полностью:

«Товарищу председателю коллегиального управления гор. Воткинска от рабочих гор. Воткинска в количестве 30 чел. из дома заключения.

ПРОШЕНИЕ!

Мы, рабочие гор. Воткинска, прибывшие из Владивостока 92 (?) человека и

...были отправлены в гор. Саранул на мобилизацию 54 человека. Из той группы явилось 30 их на мобилизацию позже на 3 дня то эту причину комендант гор. Воткинска как и известить ком-дезертиру в гор. Воткинске но мы приехали вовремя на комиссию но вместо того чтобы нас отправить в мобилизационную комиссию нас он отправил в дом заключения и по сие время находимся здесь, но когда был уполномоченный из полит-бюры гор. Саранула для высняения заключённым, то мы его в очередь спросили за что арестованы.

То уполномоченный нам ответил, что извне (?) никаких обвинений нет. Я не знаю по какой вине вы арестованы, но ваше дело послано в гор. Воткинск для выяснения и больше он ничего не знает. А посему просим тов. Председателя Кол. Упр. Гор. Воткинска нельзя ли принять каки нибуть меры возвращения нас в гор. Воткинск, как мы являемся все квалифицированные рабочие, то взять на учёт для поднятия промышленности. Так мы больше принесём пользы Молодой советской россии чем будем мобилизованы. Ждём надежды а к сему и подписи...»[2, Л. 94-94 об.]

Глядя на текст можно заключить, что рабочие во-первых долго были в отлучке и не представляют, как называется представитель верховной власти в их родном городе. Понятно, что и сейчас далеко не всякий горожанин верно именует титул высшего должностного лица своего города или района; удивительно, что авторы приведённой жалобы и спросить о названии должности адресата никого вокруг не могут: у них где-то отложилось в сознании, что Воткинским заводом с весны 1917г. руководила Коллегия управления, и они что-то такое же придумывают и для должности Воткинского градоначальства. Во вторых, рабочие вернулись аж из Владивостока⁵, следовательно, они отступили туда не иначе как с Белой армией, то есть они воевали с большевиками и вернулись домой после окончания Гражданской войны, которая на Дальнем востоке кончилась лишь в 1922 г. Но если они воевали в Белой армии, а военком Воткинска задерживает их лишь за опоздание на призывную комиссию в Красную армию то, никаких претензий к ним у Советской власти в этот момент нет. Тем не менее, в Красной армии, несмотря на то, что война закончилась, они служить не хотят... Как тут не вспомнить бессмертного Шарикова: «На учёт я встану, а в армию не пойду...»

«Утечка мозгов»

Архив донёс до нас Список выбывших служащих Технического бюро на но-

⁵ Кстати, там же в это время трудился и инженер В.П.Вологдин; см. главу о нём в наст. издании.

ябрь 1918 г. Против фамилий тех, кто остался на работе стоит пометка «ост». [3, л.6- 6 об.]

1. Сумароков Захарий Васильевич
2. Корляков Василий Иванович
3. Станишевский Всеволод Павлович
4. Моклецов Константин Михайлович
5. Рожков Николай Михайлович
6. Стерхов Александр Петрович
7. Мокин Евгений Николаевич
8. Тараканов Владимир Григорьевич
9. Наугольных Николай Александрович- ост.
10. Колясников Андрей Семёнович-ост
11. Глушков Николай Васильевич-ост
12. Крониковский Алекс. Иванович- ост
13. Большаков Александр Иванович-ост
14. Азябин Александр Васильевич
15. Шадрин Василий Иванович
16. Филатов Павел Константинович
17. Старостин Александр Николаевич
18. Мокин Михаил Павлович
19. Алленов Александр Павлович
20. Кузнецов Иван Хрисанфович
21. Харин Василий Иосифович
22. Сумароков Владимир Васильевич
23. Касаткин Василий Емельянович-ост (нет в списке 1919 г.-А.К)
24. Пупышева Антонина Лаврентьевна-ост
25. Большакова Елизавета Алекс.
26. Мокин Александр Ильич
27. Наумов Сергей Алексеевич
28. Мокров Вадим Валерьянович
29. Подкин Анатолий Иосифович
30. Нейман Иосиф Иосифович
31. Чураков Алексей Иванович
32. Ваганов Пётр Александрович
33. Гилёв Александр Иванович
34. Кириллов Анисим Ильич
35. Евдокимов Никита Семёнович-ост

36. Мезенцев Василий Константинович

37. Шадрин Николай Афанасьевич

38. Бердышева Александра Афанасьевна-ост

39. Кривоногова Антонина Андреевна

40. Домнин Н.

41. Белокрылов ?

42. ?⁶

То есть из служащих технического бюро- подразделения, которое готовило проектную документацию на пароходы и баржи- лишь 9 сотрудников остались на своём рабочем месте после ухода Народной армии, а не менее 32 человек (75 % личного состава) ушло. Очевидно, не все они ушли в военном обозе по наплавным мостам за Каму; кто-то мог просто выехать за стодневный период Восстания переправившись на лодочке на левобережье Камы до с. Сайгатки (совр. г. Чайковский), а далее двигаясь на телеге или по железной дороге в направлении Янаул-Екатеринбург.

Конечно, можно допускать, что кто-то из отступивших в период Восстания или с Народной армией вернулся с Колчаковцами в апреле 1919 г. Тогда эти люди должны были бы попасть в список, составленный в июне 1919 г. (см. ниже).

Список служащих по техбюро судостроения на июнь 1919 г. (после оставления города войсками Колчака следующий: [3, Л. 11, 11 об.] (Жирным шрифтом выделим тех, кто уехал «с концами» ещё в 1918г.)

Оставшиеся по техбюро	Выбывшие
Наугольных Н.А.-конструктор	Сумароков З.В.-заведующий бюро
Глушков Н.В.(?) – чертёжник	Корляков В.И.-конструктор
Колясников А.С.-т[ехник]? чертёжник?	Станишевский В.П.-чертёжник
Крониковский (?) А.И.- т.(?)	Моклецов К.М.-т[ехник]?
Большаков А.И.-т.	Рожков Н.М.-т.(?)
Евдокимов Н.С.-т.	Стерхов А.П.- т.
Глушков С.В.-т.	Мокин Е.Н.- т.
Брысов Н.П.-конструктор	Тараканов В.Г.-т.
Копотев Н.И.-т.	Азябин Ал. В.-т.
Касаткин В.Е.-т.	Шадрин В.И.-т
Рожков И(?). А.-конструктор	Филатов П.К.-чертёжник
Мокин А.И.(?)-т.	Старостин А.Н.-т.
Пупышева С.А.-т.	Мокин М.П.-т.

⁶ Правый нижний край листа оторван.

Кривоногова Н.А.-машинистка Бердышева А.А.-писарь	Алленов А.П.-т. Кузнецов И.Х.-т. Харин В.И.-т. Сумароков В.В.-т. Мезенцев В.К.-конструктор Шадрин Н.А.-т. Домнин Н.И.-констр. Петров А.П.-т. Белокрылов В.А.-т. Кунгурова (?) А.З.-т. Большакова С.А.-т. Наумов С.А.- т. Мокров В.В.-т. Подкин А.И.-т. Нейман И.И. Чураков А.П.(?) Ваганов П.А. Гилёв А.П.(?) Кириллов Ан.И- фотограф
--	--

То есть на 15 наличных специалистов пришлось 32 отсутствующих или более двух третей!

Хотя 28 июня 1919 года В Техническом Бюро судостроения было в наличии всего 15 служащих, но после уточнения квалификации присутствующих оказалось, что 5 из них- это не конструкторы, и даже не техники, а сторожа и рассыльные (См. фото). [3, Л. 5об.] Иными словами, лишь каждый пятый инженерно-технический работник техбюро судостроения «довоенного» состава остался на месте!

Сравнением списков можно установить, что среди тех, кто ушёл с период Восстания, но оказался в городе после ухода Колчака значатся лишь техник Мокин и машинистка Кривоногова. Появился в 1919 г. и техник Глушков С.В. (возможно, его привёл в техбюро его брат- чертёжник Глушков Н.В.?). Интересно, что в обоих списках есть 9 человек, которые оставались на рабочих местах, и, видимо, никуда не уходили: конструктор Наугольных Н.А., чертёжник Глушков Н.В., техник Колясников А.С., техник Крониковский А.И., техник Большаков А.И., техник Евдокимов Н.С., техник Касаткин В.Е., писари Пупышева С.А. и Бердышева А.А. В списке 1918 года значатся отсутствующими, а в 1919 г. присутствуют техник Мокин А.И. и машинистка Кривоногова Н.А.

Примечательно то, что причина отсутствия в списках инженерно-технических работников не указана, да и по имеющимся материалам Народной армии нельзя утверждать, что все эти лица имели отношение к деятельности повстанцев и отступили в военном обозе...

Сведения о количестве сотрудников Технического Судостроительного бюро за 28 июня - 1919 года.	
Уполномочен. по заводу	1
Напоминный уполномочен.	1
Делопроизводитель	1
Чертежник	2
Конструктор	1
Чертежник	4
Сторожи	3
Различные	2
Итого	15 человек.

В конце апреля- начале мая 1920 г. «из Сибири» (из Колчаковской эвакуации?) вернулись трое сотрудников Технического отдела. Видимо, они не имели отношения к судостроению, ибо в вышеприведённых списках техбюро судостроения мы их не видели:

1. Важдаев Дмитрий Парфирович, 1881 г.р., секретарь техотдела
2. Серебряков Олимп. Дмитриевич, 1872 г.р., заведующий столом заказов
3. Решетников Алексей Степанович, делопроизводитель при инж. Инспект.

Список подписал и.о. заведующего Техническим отделом Коновалов. [2, Л.34]

*

Большой интерес представляют аналогичные списки ИТР судостроительного производства. В общем списке работников судостроительного цеха, вышедших на работу в 20-х числах ноября 1918г. особо отмечены служащие «не отлучавшиеся из цеха никуда»: надзиратель (т.е. главный инженер) цеха Четкасов⁷ Ни-

⁷ В делах встречаются написания этой фамилии в форме Чепкасов, Чебкасов.

колай Козмич, отметчик Ермолаев Михаил Николаевич, переписчица Митрюковская Антонина Ивановна, и те, кто, видимо, не был на работе во время Восстания, но явился для отметки после эвакуации Народной армии: помощник надзирателя Петухов Фёдор Захарович, подручный при разметке Чирков Василий Алексеевич, записчик при кладовой Митрюковский Михаил Алексеевич.

[1, Л. 146]

На ноябрь 1918 г. отсутствуют следующие инженерно-технические работники [1, Л. 23]:

1. Жигулёв Дмитрий Феодорович- заведующий цехом – командирован при Советской власти в Саратов для снятия чертежей.
2. Голутвин Николай Иванович-пом. заведующего- командирован при Сов-власти для снятия чертежей
3. Парыгин Николай Леонтьевич-мастер
4. Саначёв Петр Иванович-мастер
5. Вольхин Иван Иванович-мастер
6. К(?)учашев Валентин Иванович-подмастер
7. Емельянов Константин Фёдорович-чертёжник
8. Столов Пётр Александрович- подручн. чертёжника
9. Ходонин Аркадий Перфильевич-то же
10. Лисин Николай Андреевич-мастер по разметке
11. Варнин Михаил Платонович- подручн. при разметке
12. Лисин Константин Васильевич- отметчик
13. Щетников Михаил Николаевич- подр. при разметке
14. Клестов Владимир Михайлович- книговод (?)
15. Саначёв Гргорий Иванович-кладовщик
16. Лещёв Федор Тихонович- подр. при разметке
17. Круговых Яков Павлович- статистик и переписчик
18. Копылов Пётр Гаврилович- переписчик
19. Сюрсин Иван Георгиевич-???
20. Лякишев Денис Иванович-чертёжник при лекальщиках
21. Шадрин Николай Афонасьевич-подмастер
22. Ерин Никанор Казимирович (?) -техник на постройке судов

Лишь начальник цеха и его заместитель были на тот момент в командировке на Волге и задержались там более чем на 3 месяца; только шестеро явились на регистрацию после ухода Народной армии, а остальные отсутствуют по неуказанным причинам.

Спискок служащих судостроительного производства к июню 1919г. таков (жирным шрифтом выделим в нём тех, кто уехал «с концами» ещё в 1918 г.): [3, Л. 11].

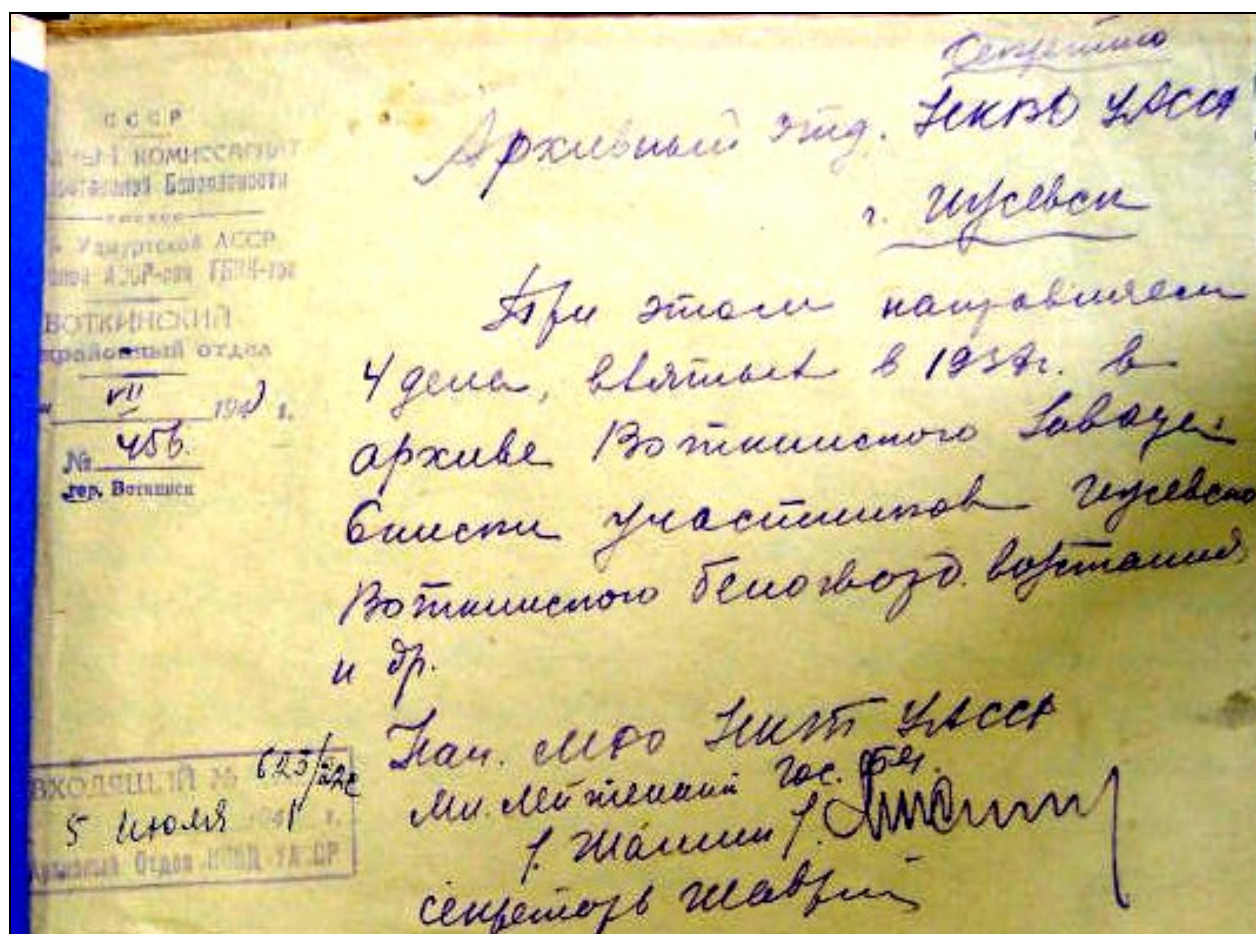
Оставшиеся по судовому цеху	Выбывшие на 1919г.
Чепкасов Н.К.- надзиратель	Голутвин Н.И.-пом. Заведующего
Петухов Ф.З.-пом. Надзирателя	Саначев Г.И.-кладовщик
Ермалаев М.Н.-табельщик	Круговых Я.П.-отметчик. военопл
Микрюковская А.И- запис(?)	Бурыгин Н.Л.- мастер
Микрюковский М.А- табельщик(?)	Саначев П.И.-техник?
Чирков В.А.-подручный	Вольхин И.И.-т
	Ерин Н.К.-техник
	Кучашев В.И.-подмастер
	Шадрин Н.К.-т
	Емельчнов К.Ф.-чертёжник
	Столов П.-т
	Лякишев Д.И.-т.
	Ходонин А.П.- подр. черт.
	Лисин Н.А.- мастер
	Варнин М.П.-подручный
	Щетников М.Н.- т.
	Сурсин И.Г. –практик
	Клестов В.М.-?
	Лещёв Ф.Т- подр.

Приведённые списки рисуют картину тотального отсутствия инженерно-технического персонала (те же шестеро в наличии против 21 уехавших) на судостроительном производстве после эвакуации судостроителей в Томск и отступления Белой армии в июне 1919 г. Но кто мог быть эвакуирован тогда из числа тех ИТР, что оставались после отступления Народной армии в 1918г.? Лишь мастера Бурыги и Кучашев, да техники Вольхин и Шадрин?

Вывод: если верно то, что выделенные жирным шрифтом в рассмотренных выше списках фамилии принадлежат тем, кто покинул завод за время Восстания, и более уже не возвращался, то можно констатировать, что предприятие потеряло инженерно-технические кадры, а с ними и свой интеллектуальный потенциал именно в период Восстания.

Секретные материалы

В Деле ЦГА УР Ф.785. Оп. 2. Д. 2 сразу под обложкой подшит нумерованный листочек: начальник 32 отдела неназванного учреждения Фонарёв просит начальника 10 отдела Демидова вернуть в архив дела, срок пользования которыми истёк 5 декабря 1940 г., ибо «указанные дела нужны постоянно в работе архива». Тут же подшито секретное (!?) сопроводительное письмо о возвращении архивных дел в июле 1941 г. Подписал его Начальник Воткинского межрайонного отдела НКГБ УАССР мл. лейтенант госбезопасности Шанин⁸. Обратим внимание, что дела были затребованы из архива в «год Большого террора». (См. фото)

В названном деле, среди заводских списков подшит и интересный алфавитный список, который возник явно не в 1919 г. Он никак не озаглавлен и не датирован: фамилии в нём напечатаны так, что после каждой имеется несколько пустых строк. Некоторые промежутки заполнены о руки чем-то вроде ком-

⁸ В августе 1938 г. Шанин был оперуполномоченным 3 отдела Управления госбезопасности Народного комиссариата внутренних дел УАССР. [4, с. 336]

прометирующих данных. Иногда эти пометы очень краткие: «Эвакуирован», «Судился», «Арестован ОГПУ». Номер 49 в том списке- упоминаемый в нашей книжке Воткинский протоиерей Луппов Пётр Николаевич, который провожал повстанцев молебном на Галёвской пристани 13 ноября 1918г., а в 1930-х годах покончил жизнь самоубийством. Против него в списке стоит пометка- «поп» (Л. 59). Номер 77 по списку- Чебкасов Николай Кузьмич. Тот самый, который был «надзирателем» т.е. главным инженером судостроительного цеха, и по данным списков во время Восстания «не отлучался из цеха никуда». Против него стоит отметка- «белый» [3, л. 63 об]. Номер 83 в списке: «Смирнов Михаил (счетовод)- служил у белых в контрразведке. Есть предварительные данные, что им расстрелян комиссар волости Чайников В.И.» [3, Л. 64] Можно полагать, что данный документ представляет собой подготовительный материал для составления чекистами справки по одному из «оперативных контингентов».

А в самом конце того же дела оказалась подшита справка, подписанная оперуполномоченным ОГПУ Воткинского межрайонного отдела. В документе излагаются сведения со ссылкой на сообщение агента «Александрова». Справка адресована в Окружное управление ОГПУ. Датирована она 10 апреля 1929 г. Справка заинтересовала меня: по иронии судьбы ровно через 60 лет после этой даты, я сам оказался на службе в Воткинске и начал подписывать множество документов своим тогдашним чином: «оперуполномоченный Воткинского гор-отдела КГБ ст. л-т Коробейников». Но как и почему чекистские служебные документы 1929, 1940 и 1941(и, возможно, других) годов оказались под одной обложкой с заводскими списками от 1918 и 1919 года? Конечно же, тот кто работает с архивными документами постоянно знает, что путаница в делах- явление для архивов вполне обычное. Однако меня, как бывшего опера весьма заинтриговало обнаружение в деле открытого доступа секретной «сопроводилки», а также документа, которому по логике вещей полагалось быть секретным хотя бы потому, что он не только разглашал факт наличия агентурной сети, но отчасти расшифровывал личность агента, которого можно было вычислить на основе анализа полученной от него информации. Известно, что справки с изложением агентурных данных каждый опер направляет своему руководству не только потому, что хочет показать, какой он молодец, а для того, чтобы получить санкцию на оперативную разработку объекта, либо испросить дополнительные ресурсы.

Несомненно, тогдашние Воткинские опера просто брали дела со списками из госархива в свой кабинет. Кто-то из них составил тот недатированный и незаглавленный список с «пробелами» и стал его потихоньку заполнять. Ксероксов тогда не было, скопировать дело со списками было не на чем, а опера-

тивная разработка требовала времени, вот опер и держал дело под рукой на всякий случай годами. И даже справку про Александрова загодя написал, но по секретному делопроизводству зарегистрировать её не успел. А затем что-то внезапное случилось в 1929 г: то ли его бросили на другую работу, то ли арестовали... Время тогда было горячее: коллективизация, раскулачивание, первые громкие процессы над «вредителями». В общем, и список остался незаполненным до конца, и справка в Свердловское правление ОГПУ не отправленной. А так как оперативные документы лежали в папке с архивным делом по «отступленцам», то, когда Ижевск само дело затребовал, видимо, по грубому недосмотру коллег того опера это дело со вложенными оперативными документами и вернули в архив, а в архиве «девочки» всё подряд подшили не вникая в содержание. Дело житейское. Вот та справка в фотокопии и расшифровке :

Окр. Отд ОГПУ т. Пушкинову (?)

По сведениям «Александрова» счетовод бухгалтерии завода Бердышев Александр Афанасьевич (1894 г. рожд., Воткинский уроженец, проживает по Вятской ул. №17 в настоящее время алкоголик) был делопроизводителем у Юрьева, принимал активное участие в перевороте.

Раньше был большой горлопан, кричал на улице против коммунистов. Отступал за Каму, там хапнул денег и уехал в Златоуст. Занимался спекуляцией выезжая для этого на фронт. Отступил в Сибирь с учреждением. В Томске поступил в Прикамский вновь формируемый батальон добровольцем, где были исключительно Воткинцы и Ижевцы. (Батальон участия на фронте не принимал.) Бердышев личность не благонадежная. По службе в 23 г. в страхкассе участвовал в растрате с заведующим кассой Заметаевым. Как будто мы его вербовали, если так, то я на него нажму по освещению контрреволюционной публики.

Уполномоченный Воткинского 2-го Спецотделения О.Г.П.У. Зарубин (?)
10.04.29.

184

Источники и библиография

1. ЦГА УР Ф.785. Оп.2. Д. 1 «Списки рабочих Воткинского завода»
2. ЦГА УР Ф.785. Оп.2. Д. 3 «Списки рабочих Воткинского завода»
3. ЦГА УР Ф.785. Оп. 2. Д. 2 «Списки рабочих Воткинского завода эвакуированных соввластью в апреле 1919 г. и возвратившихся к июню обратно на работу в завод».
4. Кузнецов Н.С. Из мрака... Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1994. 496 с.

Труженик- прирождённый враг тех, кто интригует и говорит красивые слова, но не работает. Он будет нам надёжной защитой против социалистов, коммунистов, анархистов, против всех бродяг и корыстных агитаторов, ратующих за «реформы», которые дали бы им кусок хлеба и известность за счёт честных людей .

[Марк Твен. «Рыцари труда»- новая династия.]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

или об аристократах мятежного духа

В существующей доселе литературе весь многолетний завершающий этап судостроения на Воткинском заводе обозначен едва ли не одной строкой и связывается лишь с Революцией.

Как представляется, нам удалось показать, что противоречивая по своей сути экономическая модель Воткинского казённого города-завода, действовавшая на протяжении предреволюционного десятилетия в значительной степени взрастила социальные корни мятежа, который случился в августе 1918 г.

Резюмируем данный тезис ещё раз, перечислив то, что имелось на предприятии вплоть до Восстания и Советской эвакуации весной 1919 г.:

А.Наличие заказов на продукцию судостроения (спрос)

Б.Производительные силы:

-Здания и сооружения (цехи, стапели, транспортная инфраструктура: железная дорога и сплавной фарватер, речной порт)

-Станки, механизмы и иное оборудование для металлообработки.

-Энергоносители, материалы и комплектующие получаемы по кооперации.

-Оборотные денежные средства, получаемые от казны за счёт дотационного финансирования.

-Техническая документация и справочная литература.

-Продовольственное снабжение, получаемое в обмен на сельхозорудия.

-Обеспеченность квалифицированными рабочими и инженерно-техническими кадрами

То есть уровень производства при всех проблемах обеспечивал относительную стабильность заводского коллектива.

Но закат судостроения не явился единовременным актом. Мы показали, что исход судостроительного производства произошёл таким образом, когда каж-

дому спазму агонии завода соответствовала своя ступень деградации трудового коллектива. Предложенная периодизация исхода произведена нами с оценкой производительных сил по вышеприведённым критериям.

Долгие годы благосостояние и отдельного работника и коллектива в целом не зависели от успешности работы предприятия. В ходе Мировой войны работники Завода стали получать надбавки к зарплате «на дороговизну». При этом самые высокие надбавки получали наименее оплачиваемые работники. Можно утверждать, что в Воткинске осенью 1918 г. были признаки очередной революционной ситуации на городском микроуровне: паралич управления, социальные инициативы снизу, и заметное падение уровня жизни, вызванное падением производства и мобилизацией на военную службу. Пожалуй, Восстание и явилось наиболее яркой социальной инициативой. Но уравнительная тенденция в оплате труда достигла своего абсолютного развития в том, что в период Восстания все: бойцы, рабочие, инженеры и офицеры стали получать одинаковую зарплату и равный продовольственный паёк.

С одной стороны, таким образом был ликвидирован свойственный капитализму чрезвычайный разрыв между мерой труда и мерой потребления. Но по сути, в пределах наших заводских «коммун» был установлен порядок, весьма похожий на военный коммунизм, который устанавливался большевиками тогда в масштабах всей страны. Конечно, тот, кому довелось жить в солдатском или ином «закрытом» коллективе согласится с тем, что уравнительное распределение и гарантированная пайка это с одной стороны неплохо, это спасает членов коллектива от голода, но ведь всё общество в большой стране на долгие годы в казарму «загнать» просто нереально.

Конечно, для ветерана из Ижевского или Воткинского «Союза фронтовиков и увечных воинов» казарменное положение было привычным: он 4 года воевал на всём готовом: получая котловое, вещевое и денежное довольствие, а если его не хватало- брал недостающее в виде военной добычи. Понятно, что вояка повышал свой уровень потребления совсем не так как, скажем, мастерской или инженер, для которого количество получаемых благ, по идее, связано с уровнем его образования и развитием вполне определённых позитивных качеств личности, и связывается в его сознании с количеством и качеством производительного труда.

Но что же сделали руководители Восстания? Они попытались создать широкую социальную базу путём гомогенизации трудового коллектива, путём имущественной нивелировки, по сути уравнивая в **правах и в доступе к дефицитным потребительским ресурсам** крестьянина-подсобника и мобилизованного инженера, рядового матроса и командира корабля. Но при этом никакого уравнивания в **обязанностях** и не предполагалось: от высококлассного

специалиста за ту же пайку вождели получить отдачу в виде воинского труда большой сложности и интенсивности. Повстанцы сделали «чтобы не было богатых», по сути перенося принцип действия комитетов бедноты на заводской организм. Но имущественная обеспеченность – это не всегда результат торговой спекуляции, воровства или лихоимства: в производственном или воинском коллективе, который работает честно, высокое вознаграждение, как правило, соответствует высокому уровню интеллектуального вклада и высокому уровню ответственности труженика или воина.¹ Иными словами, квалифицированный специалист, замкнутый в восставшем городе попадал «из огня да в полымя»: из уравниловки общероссийского военного коммунизма он попадал за кордон «военного коммунизма» местно-заводского. На территории Восстания действовала и продовольственная и «трудовая» развёрстка, то есть, по факту принудительный труд. И большевики, и повстанцы сходным образом стремились получить от специалиста отдачу, не компенсируемую материально. Куда было «бедному» инженеру податься от коммунизма и солдатни? Несомненно, отступление в «Колчаковию» для каждого из специалистов было единственным шансом попытаться продать свои знания и навыки за адекватную цену. Напомним, что на территории, контролируемой Омским Белым правительством, действовали основные законы Российской империи, по крайней мере, экономическо-имущественное законодательство. Мятежный дух квалифицированного мастерового и инженера «тихо» восстал, избрав отступление в качестве единственной меры самоспасения. Иными словами, заводские инженеры, техники, конструкторы, мастера и чертёжники (как это ясно видно на примере инженера Вологодина), прихватив постоянно находившийся при них интеллектуальный багаж, массово отступали на Камское левобережье по направлению к хотя бы какой-то стабильности. Они ушли хотя формально и **с повстанцами**, но по факту **от повстанцев!**

Мы видели, что экономическая основа судостроительного производства в Воткинске была уничтожена за счёт эвакуаций куда как сильнее, чем в ходе военных действий. Прежде всего, пострадал личный состав квалифицированных работников. В итоге и кадровый состав заводчан, и социальный состав жителей города коренным образом переменились. А квалифицированная рабочая сила «сгорела» в огне Гражданской войны, и Воткинский завод даже после восстановления не стал тем громадным многопрофильным предприятием, что он был ранее.

¹ Справедливости ради требует сказать, что за особые достижения, например, за захват вражеских пушек командование Народной армии объявляло о крупных премиях. Но на практике солдаты от получения денег отказывались, внося премию в фонд обороны.

Многие фамилии из тех, что фигурируют в изученных нами списках заводчан и архивных документах до сих пор продолжают в Воткинске: я знавал Домниных, Чебкасовых, Рожковых, Разживиных, Смагиных, Пушпашевых и других потомков участников тех далёких событий. Как знать, может быть, эта книжка поможет им по-новому взглянуть на свои корни или побудит поискать родственников в далёких краях? Дай Бог.

Благодарности

К настоящему времени нам, коллективу единомышленников, удалось опубликовать полтора десятка различных изданий исторической тематики, но Книжка «Волжская флотилия против Прикамской Народной армии», увидевшая свет весной 2012 г. вызвала выдающийся интерес читающей публики. Об этом можно судить хотя бы на том основании, что интернет-магазин «Книги Удмуртии» в лице Елены Булат сразу получил на неё необычно большое число заказов. Кроме того, до меня дошли и отклики тех, кто прочёл книгу в Интернете; она вызвала и восхищение, и критические замечания. Поэтому, пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех, кто участвовал в этом процессе: и тех, кто взял на себя труд прочесть наше творение, и тех, кто обеспечил доступ к нему в библиотеках и книготорговой сети.

Книга, читаемая Вами сейчас в основных чертах была набросана ещё в 2011 году, но её заключительная отделка, сведение разноплановых очерков в более-менее связный и логически обоснованный текст стали возможны лишь благодаря труду коллектива моих официальных, а более неформальных рецензентов-критиков, «редакторов» и «корректоров». Низкий поклон Аркадию Андреевичу Трону, Сергею Львовичу Бехтереву, Дине Евгеньевне Корепановой.

Выражаю признательность сотрудникам Национальной библиотеки и Центрального Государственного архива Удмуртии за их терпение, выдержку и такт в общении со мной и неизменное внимание к моим запросам.

Алексей Коробейников
alexeika@udm.net
8 909 060 47 77

Научное издание

Коробейников Алексей Владимирович

Воткинское судостроение и Гражданская война
(Очерки социальной истории города и завода)

Отпечатано ООО «Знак Ижевск», 4260004, УР, г. Ижевск, ул. Советская, 22 а.

Подписано в печать 15.11.2012. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать на ризографе. Усл. печ. л. 4,18. Уч.-изд. л. 2,42.

Тираж 300 экз. Заказ № 1287.